

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

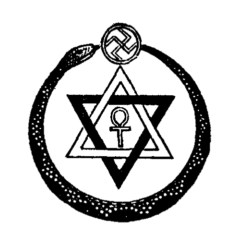
7 іюля—7 августа

№ 7–8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

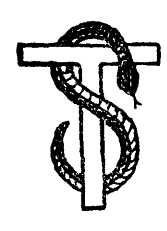
Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 іюля—7 августа

№ 7—8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 Г.

на Религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ**, доктора *Рудольфа Штейнера. Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, Н. Броницкой, А. Ф. Вельцъ, Вендъ, А. В., В. Д. Гарднера, А. С. Гралевской, А. Дана, Н. Гернетъ, М. Каменской, Е. М. Кузмина, Н. Лихачевой, И. Мандцарли, Е. Писаревой (Е. П.), В. Пушкиной, М. Станюковичъ, Д. Страндена, Н. А. Трофименко, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Успенскаго, М. П., Н. Эрасси* и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія крупныя статьи „Основы этики“ **А. Безантъ,** „Теософія и современныя теченія въ наукѣ и соціологіи“ доктора **Р. Штейнера**, **„Веданта Сара“**, пер. съ санскритскаго *И. Мандцарли.* „Ясновидѣніе“, *Ч. Ледбитера,* переводы изъ сочиненій *А. Синетта, Г. Олькотта, Д. Мида,* статьи по сравнительному изученію религіи (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ искусства, педагогики, философіи и др. отдѣламъ.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**3** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** р. **20** к. Отдѣльный №—**75** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**50** к. Цѣна за границу **10** руб. Разсрочка за границу не допускается.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Ивановская, 22) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11 — 12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1911 г.**

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 часовъ дня.

От Редакціи журнала „Вѣстник Теософіи“.

По независящим от Редакціи обстоятельствам изданіе „Тайной Доктрины“ Е. П. Блаватской **откладывается**. Лица, подписавшіяся на „Тайную Доктрину“ и желающія немедленно получить подписныя деньги, благоволят сообщить Редакціи свои точные адреса.

В виду недостатка кратких популярных руководств по основным вопросам Теософіи, намѣчен к изданію ряд брошюр, излагающих в сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. В настоящее время вышли из печати четыре первыя брошюры: № 1. „Человѣк и его видимый и невидимый состав“ и № 2. „Закон причин и послѣдствій“ (Карма). № 4 Сила мысли. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія в „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежат, в случаѣ надобности, сокращеніям и исправленіям. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя в теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній с доставкою журнала, Редакція просит гг. подписчиков заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ их адресов.**

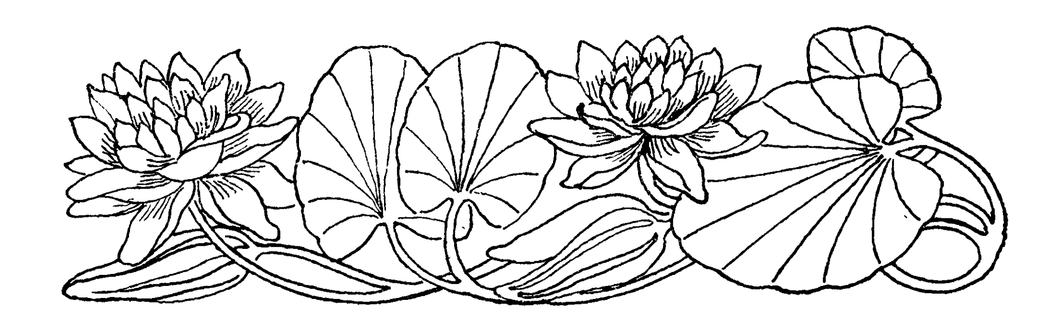
Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, так как жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляет без разсмотрѣнія.

„Вѣстник Теософіи“ за 1909, 1910 и 1911 года имѣются для продажи в ограниченном количествѣ экземпляров. **Цѣна** с пересылкой по **7** рублей за каждый год.

СОДЕРЖАНІЕ

іюльской-августовской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DU JUILLET-AOUT 1912.

Письмо Президента.

Близъ Генуи, Италія.
29 мая, 1912 г.

Дорогіе друзья!

Послѣднимъ общественнымъ дѣломъ, въ которомъ я принимала участіе весною, былъ Итальянскій съѣздъ въ Туринѣ. Многочисленные слушатели собрались на публичной лекціи, на которой я говорила о „Перевоплощеніи въ связи съ соціальной проблемой". Лекція заинтересовала публику указаніемъ, что ключъ къ пониманію общественныхъ вопросовъ лежитъ въ ученіяхъ о перевоплощеніи и о кармѣ; настроеніе-же, которое разрѣшитъ всѣ проблемы, есть духъ братства. Цѣнность Теософіи въ томъ, что она озаряетъ новымъ свѣтомъ сознаніе тѣхъ, кто скорбитъ о загадкѣ жизни со всѣми ея странными призраками бѣдности и несчастія; люди уже чувствуютъ, что всѣ предлагаемыя лекарства касаются лишь поверхности соціальныхъ язвъ: если ихъ и прикрыть нѣкоторыми политическими и экономическими реформами, то онѣ вскорѣ снова вскроются и потребуютъ новаго леченія. Раздающійся стонъ есть жажда вполнѣ понять причины скорби и найти средство, которое освободитъ отъ всѣхъ этихъ причинъ. Люди устали имѣть дѣло только съ послѣдствіями. Ученіе о перевоплощеніи бросаетъ яркій свѣтъ на вопросы воспитанія, криминологіи, помощи слабоумнымъ и безработнымъ, улучшеніи условій въ бѣдныхъ частяхъ большихъ городовъ, а также и быта различныхъ классовъ нашего населенія. Когда на Западѣ будетъ принято ученіе о перевоплощеніи, вся наша соціальная система будетъ преображена и тогда ясный практическій разумъ западныхъ народовъ начнетъ примѣнять это ученіе ко всѣмъ условіямъ соціальной жизни.

Другое въ высшей степени интересное ученіе есть ученіе о Пути, какъ его понимаютъ на Востокѣ. Въ лютеранскихъ странахъ исчезло представленіе о существованіи опредѣленнаго Пути, ведущаго къ человѣческому совершенству. Римско-Католическая и Греческая церковь сохранили эту память и ихъ мистическія ученія, а также жизнь ихъ святыхъ, совершенно ясно указываютъ на общій характеръ этого Пути. Но опредѣленное и научное отношеніе къ этому факту, какъ оно встрѣчается въ Индуизмѣ и Буддизмѣ, съ яснымъ указаніемъ его ступеней и съ утвержденіемъ, что люди вступали на него въ прошломъ и могутъ вступить и въ настоящемъ, было неизвѣстно на Западѣ пока Теософія не вернула ему это знаніе и не провозгласила существованіе живыхъ Учителей, доступъ къ которымъ открывается чистымъ и искреннимъ. Сперва утвержденіе Е. Блаватской было высмѣяно; съ нею не спорили, но ее встрѣтили бурей насмѣшекъ. Теперь-же тоже самое ученіе принимается, какъ вода жизни, тысячами жаждущихъ людей, понимающихъ, что чистота и высота теософическихъ идеаловъ превращаютъ религію изъ фантазіи въ живую реальность и приносятъ новое вдохновеніе человѣческой жизни.

Перевоплощеніе, Карма, Братство, Путь, Учителя—таковы благородныя ученія, которыя нашъ долгъ распространять, популяризовать и искать ихъ въ разныхъ вѣрованіяхъ, такъ чтобы каждый могъ услышать о нихъ на языкѣ той вѣры, въ которой онъ родился. Во-истину счастливы мы, что нашъ путь былъ озаренъ этимъ свѣтомъ; еще блаженнѣе будемъ мы, если станемъ свѣтоносцами для другихъ, такъ чтобы наступило время, когда въ мірѣ не останется ни одного не просвѣтленнаго этимъ свѣтомъ.

Ваша вѣрная слуга, Анна Безантъ,
Президентъ Теософическаго Общества.

Держи себя въ чистотѣ съ тѣмъ, чтобы сила Божія могла проходить черезъ тебя. Въ этомъ прохожденіи черезъ человѣка силы Божіей—истинная жизнь человѣка и его величайшее благо.

Изъ Круга Чтенія Л. Толстого.

Памяти Анны Павловны Философовой.

Е. Писаревой.

(*Продолженіе* *)

> Передъ великимъ характеромъ блѣднѣетъ самый сильный интеллектъ.
>
> Эмерсонъ.

X.

Послѣ возвращенія изъ ссылки.—Женское взаимно-благотворительное общество.

Но недолго продолжалось радостное настроеніе Анны Павловны и ея семьи. Она вернулась на родину 4-го февраля 1881 г., а 1-го марта произошло убійство Александра II-го. Вся Россія была глубоко потрясена; въ обществѣ на долгое время воцарилось подавленное настроеніе, а вся энергія правительства направилась на охрану существующаго порядка. Людямъ, относившимся сознательно къ общественной жизни, жилось мучительно-тяжело въ эту эпоху общей растерянности и послѣдовавшаго за тѣмъ длиннаго періода оцѣпенѣнія русской общественной жизни. Но положеніе Анны Павловны, какъ передовой общественной дѣятельницы, и притомъ такой горячей и активной, было особенно трагично. „Это было время, пишетъ она, когда трудно было двигаться, говорить и даже думать. Все оцѣпенѣло. Я—болѣе чѣмъ кто либо. Нѣтъ небылицъ, которыя бы про меня не разсказывали даже мои пріятельницы. Чуть ли не я убила Государя. Мое положеніе было очень щекотливое и грустное. Спасибо моему мужу, онъ былъ для меня стѣной, за которую я пряталась. Я не знала, что мнѣ дѣлать, какъ себя держать? Кто могъ, меня лягалъ“...

*) См. „В. Т.“ 1912 г., № 5—6.

Особенно тяжело отозвался на душевномъ состояніи Анны Павловны враждебный отпоръ, который она получила отъ своихъ прежнихъ товарищей по общественной работѣ. Въ комитетахъ тѣхъ обществъ, на процвѣтаніе которыхъ она положила всю свою душу, ее принимали холодно и подозрительно, словно она была въ чемъ-то виновата. Если вспомнить, какъ она привыкла ко всеобщему поклоненію, какимъ вниманіемъ она пользовалась со стороны свѣтскаго общества и всѣхъ, съ кѣмъ ей приходилось сталкиваться, станетъ понятно, какое потрясеніе должна была перенести ея душа, такъ искренно, съ такой беззавѣтной любовью относившаяся къ людямъ, когда между нею и окружающими начала выростать—безъ всякой съ ея стороны вины—цѣлая стѣна недоброжелательства и недовѣрія. „Пробовала я посѣщать комитеты тѣхъ Обществъ, гдѣ я положила всю свою душу, но на меня вездѣ косились, вездѣ принимали холодно; другія птицы—другія пѣсни. Разъ я поѣхала въ домъ дешевыхъ квартиръ, но тамъ со мною обошлись даже грубо и видно было, что имъ непріятно мое посѣщеніе. Такое положеніе продолжалось довольно долго, и я поражалась, какъ я все еще не охладѣла къ людямъ и все еще ихъ люблю и готова на всякую дѣятельность и жертву. Теперь, впрочемъ, всѣ ко мнѣ вернулись и всѣ относятся ко мнѣ хорошо, но легко ли было мнѣ все это пережить. Какъ я не умерла отъ скорби".

И общественное положеніе ея мужа измѣнилось; военный министръ Милютинъ, дѣятельнымъ сотрудникомъ котораго былъ В. Д. Философовъ, подалъ въ отставку и съ его удаленіемъ могъ остаться не у дѣлъ и мужъ Анны Павловны. Но передъ уходомъ въ отставку, Милютинъ отстоялъ его, и Философова назначили Членомъ Государственнаго Совѣта. Пришлось покинуть роскошную казенную квартиру, гдѣ въ теченіе столькихъ лѣтъ шла кипучая общественная дѣятельность Анны Павловны и гдѣ ей удавалось соединить для общей работы такъ много разнородныхъ элементовъ. Философовы перебрались на Галерную улицу, оставили всѣхъ великосвѣтскихъ знакомыхъ и на время зажили тихой семейной жизнью.

Когда паника, охватившая русское общество, начала ослабѣвать, стала возвращаться и прежняя популярность Анны Павловны. Она испытала глубокую грусть при видѣ несправедливости людей и невѣрности своихъ друзей, но ея сердце не охладѣло и не закрылось, оно было по прежнему открыто для всѣхъ нуждающихся въ участіи, попрежнему свѣтилось оно нѣжной

жалостью ко всѣмъ страдающимъ, а такого рода свѣтъ дѣйствуетъ какъ магнитъ, онъ непреодолимо притягиваетъ къ себѣ.

Въ виду этого, отчужденіе Анны Павловны не могло длиться долго; прошло нѣкоторое время и ея гостиная сдѣлалась снова центромъ, гдѣ могли встрѣчаться самые разнообразные элементы петербургскаго общества; снова имѣли къ ней свободный доступъ всѣ нуждающіеся, попрежнему уходили они отъ нея согрѣтые и ободренные ея ясной добротой и обаятельной привѣтливостью.

Я не стану перечислять всѣхъ Обществъ и Комитетовъ, въ которыхъ она принимала дѣятельное участіе въ теченіе своей жизни; я не была личной свидѣтельницей ея дѣятельности, но знаю много лицъ, которыя стояли близко къ ней, и изъ ихъ разсказовъ ярко выясняется ея огромный организаторскій талантъ и неустанное стремленіе объединить враждующіе элементы, примирить, найти точку соприкосновенія, вызвать взаимную терпимость и снисходительность.

Когда въ 1891—92 г. для Россіи насталъ тяжелый голодный годъ, и по почину Льва Николаевича Толстого возникла цѣлая сѣть столовыхъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ, въ Петербургѣ образовались многочисленные кружки, которые собирали средства для голодающихъ и посылали своихъ представителей для личнаго участія въ распредѣленіи помощи пострадавшимъ.

Анна Павловна еще въ 1874 году положила починъ организованной помощи голодающимъ, когда она, во время самарскаго голода, устроила комитетъ, который собралъ большія суммы для помощи пострадавшимъ. Конечно, и на этотъ разъ Анна Павловна приняла самое горячее участіе въ общественномъ бѣдствіи, а ея постоянное стремленіе къ объединенію всѣхъ общественныхъ силъ сказалось въ томъ, что она задумала соединить всѣхъ завѣдующихъ отдѣльными кружками и ради этого позвала ихъ къ себѣ на импровизованное Общее Собраніе.

На этомъ собраніи встрѣтились и познакомились многіе участники одного и того же дѣла, до этого совсѣмъ незнавшіе другъ друга. Анна Алексѣевна Каменская, завѣдовавшая однимъ изъ кружковъ для доставленія помощи голодающимъ и ставшая позднѣе однимъ изъ ближайшихъ друзей Анны Павловны, разсказываетъ объ этомъ собраніи такъ: „въ большомъ кабинетѣ, обратившемся на время въ огромную кладовую, среди бумагъ, холста, различныхъ кустарныхъ издѣлій, Анна Павловна сидѣла за письменнымъ столомъ и записывала всѣ наши сообщенія и въ

то же время горячо говорила о необходимости дружнаго соединенія всѣхъ работниковъ. Убѣдительно дѣйствовала на всѣхъ ея горячая отрывистая рѣчь, и можетъ быть, не столько слова этой рѣчи, сколько ея цѣльная пламенная убѣжденность и тотъ сильный магнетизмъ нравственной силы, которымъ она такъ непреодолимо вліяла на окружающихъ. Въ началѣ намъ было даже не ясно—*зачѣмъ* намъ всѣмъ надо было собраться у нея, но слушая ея горячій призывъ къ взаимному пониманію и любовному общенію, мы начали вѣрить, что это дѣйствительно необходимо, радовались и смягчались".

Въ 1895 году возникло Женское взаимно-благотворительное Общество, первый оффиціально признанный женскій союзъ въ Россіи.

Несомнѣнно, что и въ созданіи этого Общества Анна Павловна сыграла большую роль, но она всегда любила оставаться въ тѣни и выдвигать на первыя роли другихъ. Первымъ учрежденіемъ этого Общества была библіотека, основанная Анной Павловной и поддерживавшаяся на ея средства. Въ настоящее время эта библіотека владѣетъ 4.000 названій и выписываетъ 183 повр. изданій. Анна Павловна завѣдывала ею 14 лѣтъ и оставила ей всѣ матеріалы по женскому движенію за 50 лѣтъ. Вторымъ учрежденіемъ Общества явился музыкальный кружокъ, затѣмъ—кружокъ помощи дѣтямъ и первый въ Россіи Дѣтскій Очагъ для дѣтей интеллигентныхъ труженицъ; еще позднѣе возникъ художественный кружокъ, а въ 1898 г., по мысли Анны Павловны, было основано первое Общежитіе, цѣль котораго—доставлять за самую скромную плату приличное помѣщеніе и здоровый обѣдъ одинокимъ трудящимся женщинамъ. Это общежитіе было любимымъ дѣтищемъ Анны Павловны; она завѣдывала имъ 13 лѣтъ и только за два года до смерти, въ виду растущей слабости, попросила избрать на свое мѣсто другое лицо, но осталась членомъ его Комитета, живо интересовалась всѣми его дѣлами и не далѣе какъ за 10 дней до смерти просила Комитетъ собраться у нея, чтобы сообща обсудить дѣла Общежитія. За время ея завѣдыванія 800 одинокихъ женщинъ имѣли въ немъ пріютъ.

Въ самомъ началѣ существованія Женскаго вз. бл. О-ва, въ немъ образовался расколъ. Одно теченіе стремилось создать интересный клубъ для общенія интеллигентныхъ женщинъ и все свое вниманіе сосредоточило на „рефератномъ отдѣлѣ" и на „кружкѣ домашнихъ чтеній", которые имѣли задачей содѣйствовать самообразованію членовъ Общества; другое же теченіе, на-

строенное крайне демократическимъ образомъ, настаивало на томъ, чтобы открыть самый широкій доступъ въ Общество для женщинъ всѣхъ классовъ и профессій и содѣйствовать главнымъ образомъ развитію неимущихъ женщинъ. Конфликтъ между обоими теченіями вышелъ очень острый; началась борьба, и съ обѣихъ сторонъ было проявлено много рѣзкой нетерпимости. Кончилось тѣмъ, что обѣ партіи окончательно разошлись и наиболѣе непримиримыя изъ демократической партіи вышли съ протестомъ изъ Общества. Положеніе Анны Павловны во время этого конфликта было очень тяжелое; можно себѣ представить, какого неослабнаго напряженія требовала роль примирительницы среди такъ сильно разгорѣвшихся страстей, когда люди бываютъ ослѣплены и перестаютъ понимать другъ друга. Всей ея природѣ было ненавистно эгоистическое обособленіе и поэтому она должна была сочувствовать стремленіямъ демократическаго теченія, и я знаю отъ принадлежавшихъ къ этой партіи, какъ горячо она убѣждала ихъ не уходить изъ Общества и не враждовать, а оставаясь вѣрными своимъ убѣжденіямъ, терпѣливо добиваться ихъ торжества. Но всѣ ея уговариванія и просьбы не привели ни къ чему; Анна Павловна страдала, много волновалась и плакала, но сама продолжала оставаться на своемъ посту; составивъ нѣчто въ родѣ центра, въ которомъ могли сгрупироваться болѣе терпимые элементы, она продолжала настойчиво и неутомимо проводить свою объединяющую политику, и только благодаря тому, что въ центрѣ была Анна Павловна, къ нему относились не только безъ недовѣрія и насмѣшекъ, но даже съ уваженіемъ.

Совсѣмъ особую позицію занимала Анна Павловна среди враждующихъ и ссорящихся элементовъ; она всѣмъ говорила правду въ глаза и иногда въ безпощадной формѣ, но рѣшительно никто не обижался на нее, столько доброжелательства и искренности было всегда въ ея отношеніяхъ къ людямъ, какъ бы они не расходились съ ней во взглядахъ. Она была не только терпима къ своимъ противникамъ, она умѣла видѣть въ нихъ всѣ хорошія черты и уважать ихъ; она любила выдвигать это хорошее и радовалась ему, словно они были не противники, а друзья ея. Благодаря этимъ драгоцѣннымъ свойствамъ, Анна Павловна и могла имѣть такое сильное вліяніе во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ, въ которыхъ ей приходилось принимать участіе.

Съ теченіемъ времени и въ Женскомъ Обществѣ все уладилось, и за послѣдніе годы оно настолько выросло во всѣхъ отношеніяхъ, что могло уже служить серьезнымъ проводникомъ

для прогрессивнаго движенія русскихъ женщинъ. Въ Обществѣ возникло нѣсколько Комиссій, которыя разрабатывали важные для женщинъ вопросы—о *„правовомъ положеніи женщины"*, *объ „условіяхъ женскаго труда"*, *о „допущеніи женщинъ въ Университеты"*, *объ „участіи женщинъ въ Законодательномъ Собраніи"*. По инціативѣ этихъ Комиссій Совѣтъ Женскаго Общества не разъ выступалъ съ различными заявленіями и ходатайствами, изъ которыхъ самымъ значительнымъ была петиція въ 1-ую Государств. Думу, покрытая пятью тысячами подписей и послужившая поводомъ для возбужденія—на засѣданіи Гос. Думы 5-го іюня 1906 г.—депутатомъ, профессоромъ Петражицкимъ, вопроса о правахъ женщинъ.

Позднѣе, когда начала дѣйствовать II-ая Гос. Дума, Женское Общество снова обратилось въ Законодательное Собраніе съ заявленіемъ, выраженнымъ на этотъ разъ въ такихъ словахъ:

„Объединенныя одной идеей равноправія женщинъ, однимъ стремленіемъ достигнуть справедливости по отношенію къ половинѣ населенія Россіи,—женскія общества, организаціи, партіи и отдѣльныя лица обращаются съ коллективнымъ заявленіемъ во II-ую Государственную Думу о необходимости поставить вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ на разсмотрѣніе Законодательнаго Собранія. Русскія женщины увѣрены, что вопросъ о полученіи ими гражданскихъ и политическихъ правъ будетъ рѣшенъ Государственной Думой въ утвердительномъ смыслѣ".

Къ этому заявленію Женскаго взаимно-благотворительнаго Общества присоединилось двадцать другихъ женскихъ Обществъ, а число подписей подъ заявленіемъ равнялось 7.000, что съ прежними подписями, доставленными въ Думу за годъ передъ тѣмъ, составило уже 12.000 подписей.

И на этотъ разъ Анна Павловна стояла во главѣ движенія; она была избрана вмѣстѣ съ А. Н. Шабановой въ качествѣ депутатки отъ Женскаго Общества для переговоровъ съ предсѣдателемъ II-ой Госуд. Думы Головинымъ, отъ котораго онѣ и получили 3-го мая 1907 года разрѣшеніе, направить женскую петицію на его имя въ Госуд. Думу.

Въ томъ же году, въ осеннемъ засѣданіи Совѣта Женскаго Общества, было сдѣлано постановленіе о созывѣ *Всероссійскаго Женскаго Съѣзда*, что являлось уже серьезнымъ шагомъ къ осуществленію завѣтной мечты Анны Павловны—объединить всѣхъ женщинъ, желающихъ трудиться на общую пользу. Въ самомъ началѣ своей общественной дѣятельности, полвѣка назадъ, она

старалась объединить петербургскихъ общественныхъ дѣятельницъ, позднѣе она мечтала объ объединенiи всѣхъ русскихъ женщинъ, и мечта эта осуществилась въ 1908 году на „Всероссiйскомъ Женскомъ Съѣздѣ“. Но она не останавливалась на этомъ; ея завѣтной мыслью въ послѣднiе годы жизни была организацiя *Нацiональнаго женскаго Совѣта*, цѣлью котораго было прiобщенiе русскихъ женщинъ къ *Международному женскому Союзу*.

Съ этой цѣлью А. П. вошла съ 1899 года въ западно-европейскiя женскiя организацiи и лично участвовала на двухъ женскихъ Конгрессахъ, желая связать русское женское движенiе съ всемiрнымъ движенiемъ.

Такъ, неутомимо и послѣдовательно, постоянно расширяя поле своего дѣйствiя, никогда не отступая и не складывая оружiя, работала Анна Павловна до конца своей земной жизни въ пользу объединенiя русскихъ женщинъ на свѣтломъ пути безкорыстнаго служенiя людямъ.

XI.

Чествованiе 40-лѣтней общественной дѣятельности Анны Павловны.

22-го апрѣля 1911 г. торжественное и многолюдное собранiе, собравшееся въ залахъ петербургскаго Женскаго Общества, чтобы отпраздновать сорокалѣтнюю дѣятельность Анны Павловны Философовой, было настоящимъ праздникомъ духа; собравшiеся переживали тѣ рѣдкiя минуты внутренняго единенiя, когда падаютъ всѣ эгоистическiя преграды и когда самые различные по характеру и направленiю люди соединяются въ единодушномъ порывѣ, чтобы преклониться предъ тѣмъ, что всѣ они признаютъ достойнымъ поклоненiя. Въ такiя минуты сознанiе становится дѣйствительно сверхличнымъ: оно поднимается въ тѣ невидимыя области духа, откуда исходятъ всѣ прекрасныя возможности человѣческой души, все, что заставляетъ человѣка стремиться къ добру и любить красоту, вѣрить въ нея, всюду искать ее и ожидать ея конечнаго торжества, вопреки всѣмъ видимостямъ. Смягченныя лица, блестящiе глаза, слезы умиленiя, взволнованныя рѣчи,— все это ясно говорило, что переживается нѣчто *очень* глубокое и свѣтлое; это свѣтлое чувствовалось всѣми и незримо спаяло всѣхъ въ общемъ порывѣ любви къ лучшимъ завѣтамъ нашего общественнаго сознанiя, къ его наиболѣе высокимъ идеаламъ. Анна Павловна была какъ бы прекраснымъ символомъ этихъ идеаловъ, завѣщанныхъ намъ свѣтлымъ десятилѣтiемъ историческаго пробужденiя русскаго

народа. Любовь къ просвѣщенію, свобода духа, безпрепятственное развитіе человѣческой личности, стремленіе внести гуманныя и справедливыя начала въ общественный строй,—вотъ тѣ завѣты, которые любовно соединили всѣхъ, собравшихся 22 апрѣля на праздникъ одной изъ лучшихъ представительницъ 60-хъ годовъ. Анна Павловна такъ это и принимала, она считала, что въ ея лицѣ чествуется дорогая для нея эпоха. Весь выраженный ей энтузіазмъ былъ для нея дорогъ, какъ ярко сказавшаяся дань общественнаго уваженія къ тому, что для нея было самаго дорогого въ жизни.

Чествованіе началось въ 2 часа. Когда Анна Павловна взошла, ее встрѣтило столько живыхъ цвѣтовъ, столько восторженныхъ апплодисментовъ, что она заплакала отъ волненія. Болѣе двухъ часовъ длилось чтеніе адресовъ отъ различныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ *). Я не стану приводить здѣсь всѣхъ адресовъ, но нѣкоторые изъ нихъ такъ ярко обрисовываютъ личный характеръ Анны Павловны и отношеніе къ ней общества, что хочется дать для читателей, не бывшихъ на юбилеѣ, хотя бы нѣсколько выдержекъ.

„Сегодня", такъ началъ профессоръ Стебутъ, подносившій адресъ отъ *Женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ*, „необыкновенный юбилей, знаменательное событіе! Русское общество чествуетъ не военнаго героя, не служебнаго дѣятеля, не великаго

*) Вотъ названія тѣхъ обществъ, которыя прислали на юбилей своихъ депутатовъ и въ которыхъ Анна Павловна принимала такъ или иначе дѣятельное участіе: Комиссія по народному образованію (П. А. Потѣхинъ). — О-во дешевыхъ квартиръ (Баранова).—О-во распространенія просвѣщенія среди евреевъ (баронъ Гинцбургъ).—О-во вспомоществованія педагогическимъ и медицинскимъ курсамъ.—Высшіе женскіе курсы (Раевъ).—О-во для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.—О-во попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ (Калачева).—Первый дамскій художественный кружокъ.—Об-во взаимной помощи женщинъ-врачей.—О-во вспоможенія окончившимъ высшіе женскіе курсы (Вѣжвеницкая).—О-во дѣтская помощь (П. С. Стасова). — О-во усиленія средствъ женскому медицинскому институту (П. Тарновская).—О-во попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ. — Отъ Дома Трудолюбія для образованныхъ женщинъ (Померанцева). — О-во доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ (В. П. Тарновская). О-во содѣйствія сельскохозяйственному образованію женщинъ (проф. Стебутъ)—О-во охраненія здоровья женщины (Волкова). — О-во защиты женщинъ (В. Дерюжинскій). — О-во защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія (Гарднеръ).—О-во бѣдныхъ женщинъ. — О-во для пособія бѣднымъ женщинамъ.—Общежитіе для слушательницъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.—О-во улучшенія быта питомцевъ воспитательнаго дома. Женское взаимно-благотворительное О-во.—Отъ Литературнаго фонда (Карѣевъ).—Отъ друзей и почитателой (В. В. Стасовъ).

ученаго, артиста или писателя, оно чествуетъ въ лицѣ Вашемъ— просто *человѣка* въ высокомъ значеніи этого слова, человѣка — носителя идеи добра, любви и просвѣщенія"...

Очертивъ многостороннюю общественную дѣятельность Анны Павловны, г-жа Тарновская, выступившая отъ *Женскаго медицинскаго института*, характеризуетъ отношеніе ея къ общественному дѣлу такъ: „Много приходилось переживать Вамъ за это время волненій, дорогая Анна Павловна, такъ какъ на почвѣ Вашей разносторонней гуманитарной дѣятельности не все шло гладко и плавно; напротивъ, встрѣчалось множество препятствій, препонъ и огорченій. Но Вы все это преодолѣвали, не теряя Вашей бодрости духа и необычайной энергіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вы никогда не отрѣшались отъ одного рѣдкаго индивидуальнаго качества, Вамъ присущаго—Вашей сердечной доброты и ясной привѣтливости, согрѣвающей и ободряющей несчетное число лицъ, которыя обращаются къ Вамъ со всевозможными невзгодами и жизненными затрудненіями и всегда уходятъ отъ Васъ утѣшенными и примиренными. Вы вносили частичку любви въ каждое дѣло, начинаемое Вами, и предавались ему беззавѣтно, всею душою,—и вслѣдствіе этого дѣятельность Ваша всегда увѣнчивалась успѣхомъ. Любовь къ человѣчеству воодушевляла всю Вашу жизнь. Вы не только благотворили по принципу, но *Вы любили тѣхъ, кому помогали*. Съ другой стороны, энергія, искренность и горячность, съ которой Вы шли къ намѣченной цѣли, сообщались другимъ, убѣждали ихъ и не разъ удавалось Вамъ обращать Вашихъ противниковъ—въ поборниковъ проводимыхъ Вами начинаній"... Отъ другого просвѣтительнаго женскаго О-ва адресъ начинается такими словами: „Горячо любимая и дорогая Анна Павловна. Сегодняшнее торжественное чествованіе Вашей 40-лѣтней общественной дѣятельности— огромный праздникъ для всѣхъ русскихъ женщинъ. Онъ показываетъ намъ чего можетъ достигнуть женщина при сознаніи святости предпринятаго ею труда, при безусловной горячей вѣрѣ въ торжество справедливости и добра, при сердечной отзывчивости ко всему хорошему, при беззавѣтной любви и преданности дѣлу, при безкорыстномъ и самоотверженномъ служеніи ему. Всѣ эти качества проявили Вы, дорогая Анна Павловна, въ теченіе Вашего многолѣтняго плодотворнаго служенія дѣлу русскаго просвѣщенія...".

Отъ О-ва *Защиты Женщинъ* адресъ начинается цитатой изъ Некрасова, которая говоритъ, что есть „другая, тѣсная, дорога честная. По ней идутъ лишь души сильныя, любвеобильныя, на бой и трудъ за обойденнаго, за угнетеннаго! Умножь ихъ кругъ!...".

Смыслъ всѣхъ адресовъ сводится къ тому, что на длинномъ и трудномъ пути, на которомъ Анна Павловна служила великой задачѣ *„совершенствованія жизни и людей“*, она провела его отъ начала и до конца на передовомъ посту борцовъ за лучшія стремленія русскихъ женщинъ, подвергая себя всѣмъ стрѣламъ и враждебнымъ нападкамъ со стороны враговъ этихъ стремленій. Далѣе, всѣ адресы сходятся въ томъ, что за всю ея долгую жизнь не было ни одного явленія въ русской общественной жизни, ни одного случая горя и нужды, который не находилъ бы отзвука въ ея чуткомъ сердцѣ. Всюду „внося неустанный трудъ, энергію и безконечную доброту, Анна Павловна торопилась — не щадя себя — съ юношескимъ рвеніемъ, съ беззавѣтной любовью къ ближнему, дѣлать добро“.

Также единодушно отмѣчается ея неутомимое стремленіе соединить и примирить разнохарактерныхъ представителей русскаго общества, уничтожить ихъ обособленіе, влить въ нихъ свою несокрушимую вѣру въ цѣнность каждой человѣческой души и въ неизбѣжность лучшаго будущаго.

Среди всей партійной вражды, которая окружала ее, среди всеобщей односторонности и нетерпимости, она не переставала призывать всѣхъ къ единенію, она сдѣлала девизомъ всей своей дѣятельности: *„Сила въ любви и въ единеніи“* и сама проводила этотъ завѣтъ во всей его чистотѣ.

Сходились также всѣ и въ томъ, что блестящій успѣхъ, котораго достигали всѣ ея общественныя начинанія, зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что она вносила беззавѣтную любовь въ каждое свое дѣло и помогала людямъ не только по принципу, но и потому, что жалѣла и любила ихъ.

Г-жа Стасова, выступившая отъ об-ва *Дѣтская Помощь*, охарактеризовала эту чудную способность ея любящаго сердца въ такихъ задушевныхъ словахъ: „Русскій народъ—своеобразный и мѣткій въ своихъ рѣчахъ—когда обращается къ дорогому любимому человѣку, называетъ его: „красное солнышко“; въ этихъ двухъ словахъ и вся нѣжность чувства говорящаго, и вся привлекательность того, къ кому они обращены. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше солнышка? Всегда оно ласкаетъ, грѣетъ, живитъ. Такимъ солнышкомъ всегда и вездѣ были Вы, наша дорогая, наша милая Анна Павловна. Нѣтъ такого начинанія русскихъ женщинъ, гдѣ бы Вы не явились, чтобы создать, устроить, вдохновить, одушевить, всюду внести свою любовь, участіе, животворящую силу“. Подтвержденіемъ этой характеристики явилось

и горячее заявленіе барона Гинцбурга, отъ лица об-ва *Распространенія Просвѣщенія между евреями въ Россіи*: „и мы, прочелъ онъ, дѣти пріютившагося въ тѣни русской державы племени, проникнуты благоговѣніемъ къ Вамъ. Вы сумѣли сочетать въ себѣ высокіе замыслы просвѣщенія женщинъ съ материнскою заботливостью о бѣдныхъ, и широкіе взгляды на общественную жизнь съ трогательной любовью ко всякому страждущему существу. На поднятомъ Вами знамени красуется слово: „Знаніе", а въ Вашемъ сердцѣ запечатлѣлось слово: „Человѣчность". За все, что Вы, не щадя силъ въ борьбѣ съ предразсудками, сдѣлали на пользу нашихъ сестеръ и дочерей, мы приносимъ Вамъ нашу задушевную признательность и не мы одни въ Россіи будемъ благословлять Ваше имя".

Чтобы дать еще болѣе ясное представленіе читателю въ какихъ обаятельныхъ чертахъ отразился душевный обликъ Анны Павловны въ сознаніи ея современниковъ, приведу—съ небольшими сокращеніями — рѣчь тонкаго знатока человѣческой души А. Ф. Кони: „Всякое общественное начинаніе, говоритъ онъ, требуетъ для своего успѣха нравственныхъ характеровъ, соединяющихъ въ себѣ—*идею* и желаніе провести ее въ жизнь, и—*закалъ*, т. е. умѣніе отстаивать ее среди противорѣчивыхъ чувствъ и взглядовъ. Чѣмъ менѣе богата ими страна въ ту или другую эпоху, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ приходится думать о тѣхъ, кто умѣлъ выработать и неуклонно проявить такой характеръ среди измѣнчивыхъ общественныхъ теченій. Вы это сдѣлали.... Вы сорокъ лѣтъ вкладывали душу въ преслѣдованіе дорогихъ Вамъ цѣлей и донынѣ сердце Ваше, сталкиваясь съ нуждою, горемъ, несчастьемъ и выстраданными потребностями — сыплетъ свои искры, какъ кремень, свѣтя ими окружающимъ и грѣя ихъ. Исторія женскаго дѣла въ Россіи уже занесла на свои страницы Вашъ починъ и живое, исполненное настоящей энергіи участіе въ созданіи и устройствѣ разныхъ просвѣтительныхъ обществъ, а будущій историкъ русской общественной жизни соберетъ разбросанныя по разнымъ уголкамъ столицы воспоминанія безвѣстныхъ людей о томъ, какъ тепло и просто, какъ быстро и безшумно умѣли Вы приходить на помощь страданію ближнихъ со словомъ утѣшенія, съ матеріальнымъ пособіемъ, съ деликатнымъ уваженіемъ къ гонимой судьбою человѣческой личности; онъ нарисуетъ Васъ—молодую и изящную, спасающей погибающихъ въ развратѣ несчастныхъ сестеръ по человѣчеству; онъ вспомнитъ, быть можетъ, слова трогательнаго московскаго человѣколюбца, доктора Гааза, о томъ, что „самый вѣрный путь къ счастью—не

въ желанiи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми, внимая ихъ нуждамъ, заботясь о нихъ, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, не боясь труда и любя ихъ", и скажетъ онъ, что *Вы* заработали себѣ право испытать это рѣдкое, это завидное счастье... Онъ разскажетъ, наконецъ, сколько тревогъ, сколько разочарованiй, непониманiя, и разныхъ тернiй встрѣтили Вы въ жизни и какъ увидѣли осуществленiе тѣхъ надеждъ, которыя окрыляли Васъ вдумчивой радостью на Вашемъ трудномъ и необычномъ пути. На тяжелыя минуты, пережитыя Вами за эти сорокъ лѣтъ, Вы можете взирать спокойно; безъ такихъ тернiй вѣнокъ общественнаго уваженiя, заслуженный Вами, имѣлъ бы менѣе нравственнаго вѣса. Позвольте же намъ, Вашимъ почитателямъ, вплести въ него въ нынѣшнiй знаменательный день нѣсколько и нашихъ листковъ, поздравляя Васъ съ тѣмъ сознанiемъ исполненнаго передъ обществомъ долга, съ которымъ Вы можете смотрѣть на долгiе, пройденные Вами въ неустанной службѣ ему года, и благодаря Васъ за то, что мы съ справедливой гордостью можемъ сказать „нашею современницей была Анна Павловна Философова".

По окончанiи рѣчей было прочитано нѣсколько телеграммъ и писемъ изъ присланныхъ во множествѣ со всѣхъ концовъ Россiи привѣтствiй. Но не въ одной только Россiи былъ отмѣченъ и вызвалъ сочувственный откликъ этотъ свѣтлый юбилей. Американскiя женщины прислали своего делегата для личнаго участiя на немъ, и, судя по имѣющейся у меня статьи изъ японской газеты, личность Анны Павловны вызвала даже въ Японiи интересъ къ себѣ; вотъ любопытная выдержка изъ этой статьи: „Русскiя женщины идутъ сомкнутымъ строемъ подъ звуки величественной музыки, побудившей женщинъ встать въ наше время въ ряды борцовъ, пытающихся вести старый мiръ къ осуществленiю высшихъ стремленiй человѣчества. У каждаго движенiя долженъ быть свой вождь и когда наступаетъ надлежащiй моментъ, какой то внутреннiй голосъ говоритъ: „*ты* будешь этимъ вождемъ" или „*тебѣ* быть этой руководительницей", и вотъ — движенiе готово. Сорокъ лѣтъ тому назадъ г-жа Философова изъ С.-Петербурга вняла такому голосу и пошла впереди подобнаго движенiя своихъ соотечественницъ".

Очевидцы, бывшiе на этомъ „праздникѣ русской женщины" разсказываютъ, что Анна Павлова выслушивала обращенныя къ ней рѣчи со слезами умиленiя и съ любовью благодарила каждую депутацiю. Зная ее хорошо, я глубоко увѣрена, что она радова-

лась не личной радостью и думала меньше всего о своихъ собственныхъ заслугахъ, а радовало ее то, что ея завѣтные идеалы нашли себѣ такое горячее признаніе, что окружающіе ее люди проявляются съ такимъ прекраснымъ единодушіемъ. Это и сказалось въ ея отвѣтной рѣчи; въ ней она перенесла всю заслугу выпавшаго на ея долю торжества, „на хорошіе, свѣтлые шестидесятые годы“, заявивъ съ обычной своей скромностью, что *ея* заслуга ограничивается только тѣмъ, что она начала дѣйствовать въ этотъ свѣтлый періодъ русской жизни.

XII.

Участіе Анны Павловны въ теософическомъ движеніи.—Мое знакомство съ ней.

Въ 1902 году Анна Павловна встрѣтилась съ представительницей русскаго теософическаго движенія, А. А. Каменской, и изъ бесѣды съ ней выяснилось, что для Анны Павловны была уже не чужда теософія, что она познакомилась съ этимъ духовнымъ теченіемъ за границей и нашла въ немъ не только полное выраженіе своимъ самымъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, но и ясное обоснованіе для того дѣятельнаго идеализма, которымъ была проникнута вся ея собственная жизнь.

То, что умное сердце Анны Павловны подсказывало ей съ самаго начала ея сознательной дѣятельности: *единство жизни, абсолютная цѣнность человѣческой души, необходимость единенія и широкой терпимости, проведеніе взаимопомощи и братства, какъ основъ общественной этики*, все это она нашла въ ученіяхъ теософіи, облеченное въ стройную систему, одинаково удовлетворяющую и запросамъ разума, и повелительнымъ требованіямъ сердца. Для такой цѣльной души, какъ ея душа, величайшее значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что ученія теософіи устраняютъ весь тотъ душевный расколъ, который такъ мучительно раздваивалъ сознаніе нашего вѣка, ставя передъ нимъ постоянныя противорѣчія между выводами научнаго мышленія и нравственными требованіями развитой совѣсти.

Узнавъ отъ А. А. Каменской, что въ Петербургѣ уже возникъ небольшой кружокъ, въ которомъ собираются заинтересованные теософіей, Анна Павловна пожелала вступить въ первый русскій теософическій кружокъ, названный именемъ Маріи Штраухъ*), и съ

*) Кружокъ носитъ это имя въ память его устроительницы, умершей вскорѣ послѣ того, какъ члены кружка начали собираться.

тѣхъ поръ до послѣдняго дня своей жизни она не переставала принимать горячее участіе въ дѣлѣ русскаго теософическаго движенія. Въ самомъ началѣ она помогла движенію тѣмъ, что открыла для его піонеровъ свой салонъ и дала имъ возможность посредствомъ рефератовъ и бесѣдъ знакомить представителей русскаго общества съ совершенно новыми для него идеями теософіи. На эти чтенія Анна Павловна приглашала изъ круга своихъ многочисленныхъ знакомыхъ тѣхъ, которыхъ считала способными заинтересоваться теософическими ученіями; на одномъ изъ такихъ вечеровъ пришлось и мнѣ прочитать одну изъ моихъ теософическихъ работъ и, здѣсь, я впервые увидѣла, какъ Анна Павловна осуществляетъ свою объединяющую роль.

Удивительно многосторонняя была ея натура: страстная, искренняя, способная очень рѣзко выражать свое негодованіе, отрывистая въ своей рѣчи, она въ то же время умѣла съ такимъ глубокимъ вниманіемъ относиться къ чужому мнѣнію и съ такимъ уваженіемъ оберегать свободу мысли своихъ гостей, что въ ея домѣ всѣмъ было легко и свободно, и всѣ невольно заражались ея широкой терпимостью. А между тѣмъ общество, которое я застала у нея, было самое разнохарактерное, и состояло оно изъ людей, которымъ иначе вѣроятно и не пришлось бы соприкоснуться лично. На одномъ изъ такихъ вечеровъ было нѣсколько русскихъ писателей, въ томъ числѣ г-нъ Мережковскій, который сильно негодовалъ на теософію за двѣ вещи: за то, что она не признаетъ воскресенія физическаго тѣла и за то, что устраняетъ изъ обращенія чорта.

Отношеніе Анны Павловны къ молодому Теософическому Обществу раскрыло для меня тайну ея огромной нравственной силы, которую признавали всѣ, несмотря на то, что всѣ ея пріемы совершенно противорѣчили нашему представленію о вождѣ, о признанномъ авторитетѣ, соединяющемъ въ себѣ почти всегда самообладаніе, сознаніе своей силы, контроль надъ собой и надъ своими порывами. Ничего подобнаго не было въ обаятельномъ обликѣ Анны Павловны: вся ея натура, нѣжная и впечатлительная, всегда непосредственная, „наивная“, какъ про нее выражались нерѣдко, безпрестанно вспыхивала то негодованіемъ при видѣ насилія и грубости, то свѣтилась радостью при малѣйшемъ добромъ проявленіи окружающихъ; она безудержно расходовала свои силы, которыя были дѣйствительно неистощимы, потому что источникъ ихъ — чистая любовь безъ примѣси эгоизма — не умаляется, а прибываетъ все сильнѣе, чѣмъ болѣе ее расходуешь. Изъ этого источника шла ея нравственная сила и поэтому она

могла служить дѣлу, какъ никто. Она дѣйствительно умѣла забывать себя, ставить дѣло впереди всего, умѣла гасить свою личность до того, что собственное ея здоровье, настроеніе, симпатіи, самолюбіе, личное мнѣніе, все это для нея не существовало, когда вопросъ шелъ объ общественномъ служеніи. Не было ни одного начинанія въ молодомъ Теософическомъ Обществѣ, не проходило ни одного тяжелаго испытанія — а ихъ, несмотря на короткую жизнь Общества, было уже очень и очень достаточно,— въ которыхъ Анна Павловна не участвовала бы всей душой, принимая всѣ его успѣхи и всѣ неудачи до того близко къ сердцу, что теософы, оберегая ее, старались иногда скрывать свои тяжелыя переживанія, за что она каждый разъ негодовала и требовала, чтобы они *все* дѣлили съ ней. Когда въ 1906 году состоялся въ Парижѣ международный теософическій конгрессъ, Анна Павловна отправилась за границу, чтобы лично участвовать на немъ, прослушала послѣ конгресса серію лекцій д-ра Штейнера о „Космогенезисѣ", вызвавшую въ ней глубокій интересъ и большой духовный подъемъ; но она все же не упускала изъ виду главной задачи своей жизни—служить объединенію людей. Она приглашала къ себѣ представителей различныхъ міросозерцаній чтобы познакомить ихъ между собой; здѣсь же, въ ея временной гостиной, впервые встрѣтились и представители тогда еще не сорганизованныхъ, разбросанныхъ по всей Россіи теософическихъ кружковъ.

Когда въ 1908 году Теософическое Общество было легализовано, Анну Павловну избрали его вице-предсѣдательницей и это совпало съ тѣмъ временемъ, когда возрастающій упадокъ силъ заставилъ ее сократить свое участіе во многихъ обществахъ; но собранія Т. О-ва она такъ любила, что не разъ говорила: „въ *вашемъ* совѣтѣ я останусь до конца жизни". Интересы Т. О-ва она поддерживала всѣми доступными для нея средствами; старалась участвовать во всѣхъ работахъ Общества и на ряду съ другими его членами составляла рефераты на теософическія темы; одинъ ея рефератъ былъ по вопросу о перевоплощеніи, другой—о сектахъ, въ которыхъ уже намѣчаются теософическіе идеалы. Кромѣ того, она написала для Вѣстника Теософіи, статью, посвященную памяти княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой, напечатанную въ апрѣлѣ 1910 г. Когда же, А. А. Каменская задумала издавать теософическій журналъ, она предложила быть его издателемъ. Въ этомъ не оказалось необходимости, но всѣ, стоявшіе близко къ дѣлу, всегда чувствовали, какого надежнаго друга они имѣли въ ней и какъ чутка была ея готовность придти на помощь всѣмъ нуждамъ О-ва.

* * *

Въ 1905 году состоялся съѣздъ русскихъ спиритуалистовъ въ Москвѣ. Анна Павловна, придававшая такое огромное значеніе уничтоженію всякихъ раздѣляющихъ перегородокъ и объединенію людей, очень желала, чтобы теософія была представлена на этомъ съѣздѣ, и когда оказалось что никто изъ петербургскихъ теософовъ не сможетъ поѣхать въ Москву, она сама отправилась на съѣздъ, какъ представительница теософическаго теченія. Я также была на этомъ съѣздѣ и мнѣ посчастливилось провести два или три дня въ тѣсномъ общеніи съ Анной Павловной. Она пригласила въ свой случайный салонъ, въ одной изъ московскихъ гостинницъ, тѣхъ изъ участниковъ съѣзда, которые выразили интересъ къ теософіи, а меня просила прочитать нѣсколько лекцій д-ра Штейнера, которыя я только что передъ тѣмъ слушала въ Берлинѣ.

За эти дни я близко сошлась съ А. П. и узнала ее со стороны, которая менѣе всего извѣстна постороннимъ людямъ. Я говорю о ея жаждѣ знанія, о ея пылкой воспріимчивости къ новымъ идеямъ, о ея внутренней раскрытости для всего, что способно расширить умственный кругозоръ. Ея долгая жизнь была такъ переполнена заботой о другихъ и думой объ общественныхъ задачахъ, что ей некогда было останавливаться на своихъ личныхъ духовныхъ потребностяхъ. Но когда ей выпадалъ случай соприкоснуться съ большими духовными горизонтами и широкообобщающими идеями, она проявляла такую горячую воспріимчивость и наслаждалась такъ сильно, словно ей было не 70, а 20 лѣтъ.

Послѣ московскаго съѣзда мы видѣлись каждую зиму, и она радовалась всей душой, когда я ей передавала пріобрѣтенныя за время разлуки теософическія знанія; виновато оправдываясь, что „можно же и мнѣ позволить себѣ праздникъ", она прекращала на время моихъ посѣщеній свой обычный пріемъ, дѣлая исключеніе только для Викт. Петр. Протейкинскаго (ея двоюродный братъ, который по духу стоялъ къ ней ближе всѣхъ), и мы проводили чудные часы, во время которыхъ передо мной раскрывалось не мало новыхъ, иногда неожиданныхъ сторонъ ея прекраснаго внутренняго міра. Такъ, напримѣръ, глядя на ея неизмѣнное любвеобильное отношеніе ко всѣмъ, можно бы подумать, что она слабо разбирается въ людяхъ и смотритъ на нихъ сквозь розовые очки; на дѣлѣ же она видѣла людей насквозь и прекрасно различала всѣ ихъ отрицательныя стороны; но она умѣла набрасывать на нихъ покровъ великодушнаго прощенія ради тѣхъ хорошихъ про-

явленій, которыя ей удавалось вызывать во всѣхъ; въ ея присутствіи была какая-то магическая сила, раскрывавшая въ людяхъ самые сокровенные ростки добра. Мнѣ самой приходилось слышать, какъ ее называли наивной, черезчуръ довѣрчивой, идеализирующей людей, и мало кто подозрѣвалъ, сколько скрытой мудрости таилось за ея очаровательной лаской. Она оставалась вездѣ и всегда самобытной, всегда была наполнена до краевъ, если можно такъ выразиться, послѣдними общественными переживаніями, всегда ея сердце горѣло и болѣло за кого нибудь, и на наши теософическія собранія она нерѣдко вносила маленькія бурныя неожиданности; такъ одинъ разъ, подъѣзжая къ дверямъ О-ва, она увидѣла, какъ на улицѣ кто-то билъ мальчика; собраніе должно было пріостановиться, пока Анна Павловна съ помощью швейцара наводила слѣдствіе, пока она разносила бьющаго и разспрашивала мальчика; покончивъ съ этимъ, она вошла сильно сконфуженная, просила прощенія и на другое утро прислала А. А. Каменской письмо, въ которомъ выражала опасеніе, что еще не достаточно владѣетъ собой для такихъ собраній, какъ теософическія, что ее слѣдуетъ исключить какъ „недостойную", и это были вовсе не фразы съ ея стороны. Мнѣ приходилось много разъ убѣждаться, до чего она мало думала о себѣ и какъ ее тяготили всякія проявленія почета, когда они выпадали на ея долю. Помню одну сцену два года назадъ, когда къ Аннѣ Павловнѣ при мнѣ пріѣхала депутація отъ Женскаго О-ва, чтобы уговорить ее согласиться на празднованіе ея 50-тилѣтняго юбилея. Помню съ какимъ страдальческимъ лицомъ и въ то же время съ какой энергіей она протестовала: „Развѣ вы не знаете, какъ я ненавижу всякія чествованія! Зачѣмъ же вы на старости лѣтъ хотите доставить мнѣ еще одно мученіе?.. Я и безъ того до смерти надоѣла себѣ, а тутъ еще слушай всѣ эти незаслуженныя похвалы... Точно я не знаю, что все это оттого, что я пережила всѣхъ дѣятелей своей эпохи, вотъ и приходится чужими руками жаръ загребать! Нѣтъ, ради Бога, оставьте вы меня въ покоѣ!.. какъ вамъ не жаль меня?"... Она говорила съ волненіемъ, со слезами на глазахъ, а подъ конецъ даже съ обидой, и ясно было, что такъ говорить могъ только человѣкъ, поднявшійся надъ всякимъ личнымъ честолюбіемъ и дѣйствительно не придающій себѣ никакого значенія.

Позднѣе я узнала, что юбилей все же состоялся; когда вопросъ былъ поставленъ такъ, что чествовать будутъ въ сущности не ее, а тѣ свѣтлые идеалы, которымъ она служила всю жизнь, тогда Анна Павловна сдалась, но близкіе люди знаютъ *чего* ей это стоило!

Среди ея писемъ ко мнѣ есть одно, которое служитъ отвѣтомъ на мое описаніе празднованія дня „Бѣлаго Лотоса“ въ калужскомъ Отдѣлѣ Теос. О-ва. Я воспользовалась этимъ днемъ, который празднуется теософами всѣхъ частей свѣта въ одинъ и тотъ же день, чтобы познакомить членовъ Отдѣла съ личностью 'вице-предсѣдательницы Р. Т. О-ва; я помѣстила убранный цвѣтами портретъ Анны Павловны рядомъ съ портретомъ основательницы Теософическаго Об-ва и посвятила часть вечера докладу о ея жизни, дѣятельности и нравственномъ обликѣ. Въ отвѣтъ на мое сообщеніе объ этомъ, она отвѣчаетъ мнѣ письмомъ, которое начинается такъ: „23 мая 1911 г. Дорогая и горячо любимая Елена Федоровна, ваше письмо меня очень тронуло, но отчасти огорчило. Надо же дать такую карму такому существу, которое врагъ всякихъ овацій и пр. Такъ хотѣлось бы куда нибудь зарыться въ лѣсъ, чтобы имѣть возможность сосредоточиться и пожить душой! Вмѣсто этого вѣчная сутолока, вѣчная вывѣска, со мною носятся какъ съ „писаной торбой“ только потому, что пережила моихъ сверстницъ и дѣятельницъ, которыя за меня работали, а я ихъ руками „жаръ загребаю“! Это очень тяжело! *Вы* мнѣ повѣрите, а другіе и вѣрить не хотятъ“!...

На нашихъ теософическихъ собраніяхъ нерѣдко прорывалась вся оригинальность импульсивной и пламенной натуры Анны Павловны, и она реагировала на все совершавшееся съ такой непосредственностью и глубокой искренностью, что это одно производило сильнѣйшее впечатлѣніе и настраивало на тонъ ея душевнаго переживанія. Помню, какъ послѣ признанія представителя польскихъ теософовъ о непреодолимыхъ трудностяхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, теософической работы въ Польшѣ, о томъ одиночествѣ и тѣхъ нравственныхъ испытаніяхъ, которыя выпадаютъ на долю польскихъ теософовъ,—всѣми присутствующими овладѣло тягостное чувство, какъ бы сковавшее всѣхъ въ тяжеломъ молчаніи, пока Анна Павловна не встала и, шелестя своимъ шелковымъ шлейфомъ, прошла черезъ всю комнату, вся взволнованная, вся горя нѣжнымъ сочувствіемъ къ говорившему, взяла обѣ его руки въ свои, со слезами на глазахъ крѣпко пожала ихъ и, не говоря ни слова, вернулась на свое мѣсто. Невидимая преграда была разбита, волна общаго сочувствія прорвала тягостное молчаніе и всѣ присутствующіе почувствовали себя какъ одна душа.— Вспоминаю еще одну замѣчательную бесѣду въ одномъ изъ теософическихъ кружковъ на тему: какъ обозначить границу милосердія, и не переходитъ ли оно въ недостатокъ, если отъ

его избытка страдаютъ присные милосерднаго человѣка? Вопросъ былъ поставленъ нѣмецкой группой и одинъ изъ присутствующихъ привелъ въ примѣръ своихъ дѣдушку и бабушку, изъ которыхъ первый былъ весьма домовитый отецъ семейства и заранѣе готовилъ приданое своимъ многочисленнымъ дочерямъ, привозя изъ своихъ частыхъ дѣловыхъ поѣздокъ то свертки полотна, то куски различныхъ матерій, и требуя, чтобы бабушка берегла ихъ въ отдѣльныхъ сундукахъ. Но бабушка была до того добра и жалостлива, что не могла видѣть чужихъ бѣдствій и выходило такъ, что бѣдныя невѣсты и нуждающіяся женщины оказывались съ платьями, а сундуки ея богатыхъ дочекъ стояли опустошенные. Разсказъ этотъ смутилъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ и имъ не было ясно: права была бабушка, или не права? Но Анна Павловна разрѣшила вопросъ по своему, воскликнувъ: „а я думаю такъ: если многочисленныя дочери были хорошія, то онѣ сочувствовали ей, а если нѣтъ—то и наплевать на нихъ!". Когда всѣ расходились, мнѣ удалось услыхать впечатлѣніе одной изъ представительницъ нѣмецкаго кружка. „Удивительная душа у русскихъ людей"! сказала она „казалось, когда мы ставили вопросъ, что мы такъ основательно и логично обдумали ее, но А. П. опрокинула всю нашу логику, и чувствуется что ея рѣшеніе—выше нашего"...

Но случалось и такъ, что ея пылкая стремительность ставила насъ въ затруднительныя положенія. Помню, какъ вскорѣ послѣ смерти Льва Николаевича Толстого мнѣ пришлось дѣлать публичный докладъ на открытомъ собраніи Т. О-ва на опредѣленную тему. Анна Павловна требовала непремѣнно, чтобы я отложила докладъ и разсказала собравшимся о томъ, какъ мы съ А. А. Каменской и скрипачкой А. В. Унковской проводили время въ Ясной Полянѣ не задолго до смерти Льва Николаевича. Предсѣдательница собранія нашла совершенно невозможнымъ замѣнить обозначенный на повѣсткѣ докладъ, а я, видя какъ Анна Павловна волнуется и огорчается, обѣщала удовлетворить ее послѣ доклада. Но, по окончаніи преній, предсѣдательница объявила собраніе закрытымъ, и мнѣ, къ моему великому сожалѣнію, такъ и не удалось успокоить взволнованную Анну Павловну, которая и огорчалась, и негодовала, что мы не подѣлились съ собравшейся публикой нашими интересными воспоминаніями.

Заговоривъ о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ Анной Павловной, не могу не упомянуть о томъ, какъ она проявлялась къ людямъ, которыхъ считала своими личными друзьями. Болѣе вѣрнаго, нѣжнаго и чуткаго друга нельзя себѣ представить. Она такъ

горячо принимала къ сердцу всѣ мои горести и рѣдкія ралости, которыми я дѣлилась съ ней, что въ ея присутствіи первыя—теряли свою остроту, а послѣднія—дѣлались во много разъ ярче и краше. Чтобы помочь своимъ друзьямъ,—какъ она это выразила по поводу одного моего жизненнаго затрудненія,—она была „готова идти на край свѣта".

Когда мою семью постигло большое горе и она пріѣхала навѣстить меня, милое лицо ея было такое страдальческое, такъ осунулось, что я нашла въ себѣ силу справиться съ собой и ободриться ради нея.

Благодарность ея за каждую оказанную ей услугу была такъ горяча и выражалась съ такой очаровательной нѣжностью, что ея друзья получали сторицей за малѣйшее вниманіе, проявленное къ ней. А ея радость при свиданіи съ тѣми, кого она любила... въ этой радости было столько тепла и свѣта, что свиданіе съ ней послѣ разлуки было настоящимъ праздникомъ. Удивительно хорошо становилось на душѣ, когда удавалось побесѣдовать съ ней въ ея уютномъ уголкѣ, направо отъ входа въ гостиную, гдѣ она любила сидѣть, обложивъ себя новыми газетами и журналами, около низенькой электрической лампы подъ зеленымъ абажуромъ, лаская словами и свѣтлой улыбкой своего собесѣдника, если онъ ей былъ близокъ по духу.

При этомъ она никогда не говорила о себѣ, нетерпѣливо отмахивалась отъ вопросовъ о ея здоровьѣ: „ну, что обо мнѣ!", спѣшила дѣлиться послѣдними впечатлѣніями изъ области общественной жизни и съ любовнымъ вниманіемъ вслушивалась въ каждое слово, которое, бывало, говоришь ей.

Общественныя невзгоды она переживала съ такой остротой, что можно только дивиться ея могучему организму, какъ онъ могъ такъ долго выдерживать почти ежедневныя потрясенія, которыя эти невзгоды доставляли ея любящему сердцу. Перечитавъ всѣ ея письма за 7 лѣтъ нашихъ дружескихъ отношеній, я не нашла ни одного, въ которомъ не отражалась бы скорбь или тревога за то или другое общественное явленіе. Свѣтлыми оазисами были для нея явленія общественнаго творчества: удачные съѣзды, открытіе новыхъ просвѣтительныхъ Обществъ, а также ея участіе въ европейскихъ конгрессахъ. Въ минуты подобнаго нравственнаго удовлетворенія вся ея душа загоралась такимъ яркимъ свѣтомъ, что было очевидно, сколько неизжитой жизнерадости, сколько любви къ жизни и ко всему прекрасному таилось въ этой душѣ, вынужденной такъ долго томиться безъ родныхъ для нея солнечныхъ лучей, почти постоянно скрытыхъ за темными облаками.

Послѣднія 10 лѣтъ жизни Анны Павловны были скрашены ея вступленіемъ въ Россійское Теософическое Об-во. Она не разъ выражала при мнѣ горячую благодарность за тотъ свѣтъ, который теософія влила въ ея сознаніе. Ея физическія силы шли на убыль, а сердце не переставало отзываться съ юношеской энергіей на всю творившуюся кругомъ неправду, и оно, по ея словамъ, „не выдержало бы“, если бы ученія теософіи не дали ей внутреннюю опору, освѣтивъ для нея смыслъ историческаго процесса и укрѣпивъ ея вѣру въ свѣтлое будущее. „Только у дорогой моей Анны Алексѣевны“ (А. А. Каменская, у которой петербургскіе теософы собирались начиная съ 1901 года) „спасаюсь и обрѣтаю покой моей душѣ“,—говорила она мнѣ и писала много разъ.

Поражала меня рѣдкая гармонія всѣхъ ея проявленій; такъ же совершенны и горячи, какъ ея отношенія къ общественнымъ задачамъ и къ друзьямъ по духу, были и всѣ остальныя ея отношенія къ людямъ. Сколько разъ мнѣ приходилось убѣждаться съ какой горячей любовью она относилась къ своимъ дѣтямъ, какую нѣжную бабушку имѣли въ ней ея внучки и какъ много заботливаго вниманія было въ ея отношеніяхъ къ прислугѣ. Съ ней жила старушка, вынянчившая ея дѣтей, которую всѣ друзья Анны Павловны знаютъ подъ именемъ Дуду. Когда мы оставались однѣ и Дуду наливала намъ чай, когда она чувствовала себя здоровой, Анна Павловна часто обращалась къ ней за подтвержденіемъ какого-нибудь эпизода изъ старины, на которую я любила наводить ея рѣчь. Трогательна была та нѣжность, съ которой Анна Павловна разсказывала мнѣ о достоинствахъ своей старенькой Дуду. Когда она бывала съ ней за границей, Дуду всегда обѣдала и завтракала съ ней за общимъ tâble d'hôte'омъ и помѣщалась совершенно такъ же, какъ и она. Анна Павловна не только любила свою вѣрную слугу, но Дуду была, повидимому, единственнымъ человѣкомъ, которому она подчинялась въ рѣдкихъ случаяхъ, когда у нея происходилъ какой-нибудь разладъ съ домочадцами. Тогда приходилось обращаться къ протекціи Дуду, которая знала секретъ, какъ успокоить разгоряченное сердце своей госпожи; послѣ этого дѣло улаживалось и все кончалось благополучно. Въ Богдановскомъ, гдѣ Анна Павловна съ семьей проводила каждое лѣто, она устроила уютныя помѣщенія для всѣхъ служащихъ и очень заботилась объ ихъ развлеченіяхъ. Въ домѣ управляющаго большой залъ былъ принаровленъ для празднованія имянинъ и другихъ личныхъ праздниковъ ея слугъ. Тамъ собирались они и въ тор-

жественныхъ случаяхъ устраивались балы съ танцами; Анна Павловна съ дѣтьми участвовала на этихъ праздникахъ. И среди сосѣдей Анна Павловна пользовалась всеобщей любовью; домъ ея славился самымъ радушнымъ гостепріимствомъ и, даже безъ всякаго заказа съ ея стороны, готовились лишнія порціи на случай незванныхъ гостей, которые всегда принимались съ теплымъ привѣтомъ.

Мое послѣднее свиданіе съ ней было въ началѣ декабря истекшаго года; въ ноябрѣ мы видѣлись на съѣздѣ теософовъ, который состоялся по случаю годичнаго Собранія Общества. Анна Павловна была въ самомъ свѣтломъ настроеніи, можетъ быть потому, что выборы на новое трехлѣтіе предсѣдательницы Россійскаго Теософическаго Об-ва А. А. Каменской, которую Анна Павловна горячо любила и цѣнила чрезвычайно высоко, прошли необыкновенно дружно, и вся работа собранія обнаружила рѣдкое единодушіе и говорила объ успѣхѣ теософическаго движенія въ Россіи; не помню, чтобы я когда либо видѣла ее такой веселой, какъ 17-го ноября за ужиномъ, который былъ прекрасно приготовленъ членами кружка Служенія (этотъ кружокъ образовался при Теософическомъ Об-вѣ для оказанія посильной помощи вездѣ, гдѣ представится случай). Въ концѣ собранія, длившагося безъ перерыва 5 часовъ, она шепнула мнѣ, смѣясь, что ей ужасно захотѣлось ѣсть и мы пробрались незамѣтно въ заднія комнаты, гдѣ былъ уже поданъ вегетарьянскій ужинъ. Она много шутила во время этого ужина и когда собрались остальные члены и я предложила тостъ за нашу вице-предсѣдательницу, она погрозила мнѣ и сдѣлала видъ, что сильно сердится. Одинъ изъ присутствовавшихъ, членовъ заступился за меня и заявилъ Аннѣ Павловнѣ, что такіе „поклоны" не должны смущать ее, такъ какъ всѣ работающіе *сверхлично* должны чувствовать себя въ положеніи царскаго кучера, который все время помнитъ, что поклоны относятся не къ нему, а къ тому, кого онъ везетъ. Аннѣ Павловнѣ чрезвычайно понравилось это объясненіе. „Вотъ за эти слова большое спасибо!" Сказала она весело, „и совершенно вѣрно! И я очень хочу быть такимъ кучеромъ!" Но въ декабрѣ, когда я передъ отъѣздомъ изъ Петербурга пришла проститься съ ней, я застала ее задумчивой и грустной и когда я ей напомнила ея обѣщаніе пріѣхать ко мнѣ въ деревню, — я получила отъ нея осенью письмо, въ которомъ она сообщала о своемъ намѣреніи весной пріѣхать ко мнѣ въ Подборки *)—она ничего не сказала

*) Имѣніе моего мужа въ Калужской губ.

а нѣсколько разъ отвѣтила на мое „до свиданья“ грустнымъ „прощайте“. Въ первый разъ я разставалась съ ней съ тяжелымъ предчувствіемъ, что эта бесѣда можетъ оказаться нашимъ послѣднимъ свиданіемъ.

XIII.

1-й Всероссійскій Женскій Съѣздъ въ 1908 году

Мое краткое жизнеописаніе Анны Павловны Философовой было бы не полно, если бы я не упомянула о Всероссійскомъ Женскомъ Съѣздѣ. Съѣздъ этотъ былъ задуманъ и выполненъ Р. Женскимъ взаимно-благотвор. Обществомъ, а она была душой этого Об-ва.

Подробный отчетъ о немъ читатели могутъ найти въ обширныхъ „Трудахъ“ этого Съѣзда, а также въ газетахъ и журналахъ за 1908 г. Это первое признанное объединеніе русскихъ женщинъ было большимъ общественнымъ событіемъ, и въ то же время вѣнцомъ 50-лѣтней дѣятельности Анны Павловны; всѣмъ, бывшимъ на этомъ многолюдномъ, превосходно организованномъ конгрессѣ, проведенномъ до конца съ большимъ единодушіемъ и умѣлостью, было ясно, что этому экзамену общественной зрѣлости русскихъ женщинъ должна была предшествовать долгая подготовка, что въ Россіи женскія силы были уже заранѣе сорганизованы и имѣли въ прошломъ очевидный общественный опытъ. А читатель уже знаетъ изъ этого краткаго очерка, какую большую роль сыграли для женскаго движенія въ Россіи неутомимыя усилія Анны Павловны и ея сотрудницъ, направленныя на то, чтобы поднять женское образованіе, объединить женскія силы, пробудить въ женщинахъ общественное сознаніе и сплотить ихъ для дѣятельнаго участія въ культурномъ развитіи страны. На этомъ конгрессѣ на долю Анны Павловны выпало рѣдкое счастье увидать воочію плоды своихъ трудовъ, полюбоваться на осуществленіе своей завѣтной мечты.

Сколько настойчивыхъ усилій и какое напряженіе воли потребовалъ 1-ый Всероссійскій Женскій Съѣздъ, можно судить уже по тому, что согласіе на него было получено еще въ 1902 году отъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве и, тѣмъ не менѣе, прошло еще три тода въ неустанныхъ прошеніяхъ и настойчивыхъ хлопотахъ прежде, чѣмъ получилось окончательное разрѣшеніе на созывъ Съѣзда 1-го Іюня 1905 года, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на него допускались только женщины, оффиціально

утвержденныя въ званіи членовъ Комитетовъ и Правленій различныхъ зарегистрованныхъ Обществъ. Но и этого было мало. Передъ самымъ съѣздомъ, когда въ его бюро уже поступило свыше 100 докладовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ Треповъ предъявилъ новое требованіе, чтобы всѣ доклады проходили черезъ предварительную полицейскую цензуру. На это Совѣтъ женскаго О-ва не согласился и рѣшено было отложить съѣздъ до болѣе благопріятнаго времени.

Время это вскорѣ наступило и общественныя условія настолько измѣнились, что оказалось возможнымъ и значительно расширить программу Съѣзда, и облегчить доступъ для желающихъ принять въ немъ участіе.

Подготовительныя работы къ Съѣзду велись въ теченіе двухъ лѣтъ Организаціонной Комиссіей, которая за это время имѣла болѣе 50 собраній. На нихъ были выработаны программы работъ Съѣзда и вся дѣятельность конгресса была распредѣлена на 4 секціи:

1-я секція—*Дѣятельность женщинъ въ Россіи на различныхъ поприщахъ* (завѣдывала этой секціей А. П. Философова) 2-я — *Экономическое положеніе женщинъ и вопросы этики въ семьѣ и обществѣ* (завѣдующая Е. Н. Щепкина); 3-я—*Политическое и Гражданское положеніе женщинъ* (завѣдующая А. Н. Шабанова); 4-я—*Женское образованіе въ Россіи* (завѣдующая М. А. Чехова).

Одной изъ самыхъ главныхъ заботъ Организац. Комиссіи было стараніе привлечь къ участію на Съѣздѣ какъ можно больше женскихъ силъ. Предсѣдательницей Организаціонной Комиссіи была д-ръ А. Н. Шабанова, вице-предсѣдательницей А. П. Философова и О. А. Шапиръ, Предсѣдательницей Распорядительной Комиссіи была А. П. Философова; на ея обязанности была забота о внѣшней организаціи Съѣзда.

Общія собранія Съѣзда, происходили въ большомъ залѣ городской Думы, а засѣданія секцій, собиравшіяся 2 раза въ день, въ обширныхъ аудиторіяхъ Сельско-Хозяйственнаго Музея и въ помѣщеніи Р. Ж. вз.-благ. О-ва.

Наканунѣ открытія Съѣзда, Р. Ж. О-во устроило у себя, съ 1 часа дня до 12 час. вечера, пріемъ членовъ Съѣзда съ цѣлью познакомить ихъ другъ съ другомъ. Вечеромъ обѣ предсѣдательницы, А. П. Философова и А. Н. Шабанова, привѣтствовали съѣхавшихся членовъ Съѣзда. Аннѣ Павловнѣ былъ поднесенъ букетъ изъ бѣлыхъ розъ съ надписью: „Неутомимому борцу за женское равноправіе“; членамъ Съѣзда раздавалось нѣчто въ родѣ

воззванія съ краткимъ изложеніемъ современнаго положенія женскаго вопроса. Воззваніе заканчивалось такими словами: „Только свободная мать-гражданка можетъ воспитать свободныхъ гражданъ. Стремленіе женщинъ къ улучшенію ихъ положенія есть стремленіе къ благу всего народа, къ свѣтлому будущему грядущихъ поколѣній. И, во имя этого будущаго, мы привѣтствуемъ выступленіе русской женщины на историческое поприще, привѣтствуемъ новый шагъ ея по пути къ свѣту и свободѣ".

Вечеръ этотъ, очень привлекательный и задушевный, кончился концертомъ.

10-го Декабря, на торжественномъ вечернемъ засѣданіи въ большой, красиво декорированной Александровской залѣ городской Думы, состоялось открытіе перваго Всероссійскаго Женскаго Съѣзда. Въ залѣ было не менѣе 1500 человѣкъ *), но черные сюртуки и фраки мужчинъ совершенно терялись среди огромной толпы собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи женщинъ.

У эстрады виднѣлось много представителей печати, которая—за весьма немногими исключеніями—слѣдила съ сочувствіемъ и серьезнымъ интересомъ за работами Съѣзда; большинство газетныхъ статей считало данную женщинамъ возможность высказаться открыто о своихъ нуждахъ и стремленіяхъ не только своевременной, но и полезной какъ для самихъ женщинъ, такъ и для прогресса всей русской жизни. Среди корреспондентовъ были представители столичной и провинціальной печати, а также много представителей иностранной прессы, въ томъ числѣ отъ Персіи и Японіи **).

Въ 9 часовъ предсѣдательница Организац. Комиссіи А. Н. Шабанова объявила Первый Женскій Съѣздъ открытымъ и сказала короткое привѣтствіе съѣхавшимся участникамъ Съѣзда. Затѣмъ, подъ шумъ долго не смолкающихъ аплодисментовъ, на каѳедру выступила Анна Павловна и сказала такую рѣчь:

„Дорогія желанныя гостьи, привѣтствую и поздравляю васъ съ торжественнымъ днемъ открытія перваго женскаго Съѣзда въ Россіи. Для меня, дожившей до восьмого десятка, этотъ день является однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней моей жизни. Щедрая ко мнѣ судьба послала мнѣ въ мои юные годы радость быть свидѣтельницей освобожденія рабовъ, а въ данное время, на склонѣ лѣтъ, я являюсь свидѣтельницей освобожденія женщинъ.

*) Изъ этого числа 1000 участницъ Съѣзда, остальные—гости.

**) Всѣхъ пропускныхъ билетовъ для корреспондентовъ выдано было болѣе 100.

И кто знаетъ, можетъ быть отъ насъ недалеко то время, когда мы войдемъ равноправными членами не только въ эту Думу, гдѣ въ настоящій моментъ мы, съ горячей благодарностью, пользуемся столь широкимъ гостепріимствомъ, но и въ Думу Государственную, гдѣ займемъ мѣсто рядомъ съ товарищами-депутатами. Конечно, я не доживу до этой новой зари, но близость ея я чувствую. Привѣтствую васъ, собравшихся здѣсь во имя равноправія. Хочется мнѣ при этомъ воскресить въ памяти славные шестидесятые годы и помянуть теплымъ словомъ тѣхъ, которые самоотверженно и безтрепетно шли по тернистому пути, расчищая намъ дорогу для завоеванія равныхъ правъ, какъ на образованіе, такъ и на трудъ. Наше женское движеніе началось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. У насъ въ Россіи не было ни историческихъ традицій Западной Европы, ни готовой почвы для развитія идеи женскаго вопроса, какъ въ Америкѣ... Въ шестидесятыхъ годахъ, въ эту великую эпоху русской жизни, зародилось въ обществѣ серьезное стремленіе придти на помощь русскому народу въ его порывѣ къ образованію. Само собой разумѣется, что это стремленіе увлекло и женщинъ"...

Указавъ въ короткихъ словахъ на исторію женскаго движенія въ Россіи, Анна Павловна воспользовалась случаемъ, чтобы помянуть добрымъ словомъ своихъ сотрудницъ М. В. Трубникову и Н. В. Стасову. „И вотъ передъ нами вырисовываются",—заключила она свою рѣчь,—„личности двухъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, которыя и начали это святое дѣло. Я говорѣ о Маріи Васильевнѣ Трубниковой и Надеждѣ Васильевнѣ Стасовой. Первая изъ нихъ была нашимъ истиннымъ добрымъ геніемъ, она насъ просвѣщала, давала намъ добрые совѣты, вливала въ насъ энергію, и подъ ея руководствомъ легко работалось піонеркамъ женскаго движенія. Но, вдохнувъ жизнь въ это дѣло, она, къ нашему горю, рано должна была сойти съ поприща дѣятельности, но завѣщала намъ свою энергію. Надежда Васильевна продолжала работу М. В. Трубниковой; она дожила до глубокой старости и до самой смерти отдавала себя всецѣло на служеніе страждущему человѣчеству и женскому просвѣтительному движенію. Помянемъ же дорогую память этихъ двухъ піонерокъ и пойдемъ твердо по ихъ пути".

Послѣ рѣчи Анны Павловны начались привѣтствія со стороны многочисленныхъ депутацій: отъ просвѣтительныхъ и педагогическихъ организацій, отъ Городской Думы, отъ слѣдующихъ фракцій Государств. Думы: народной свободы, трудовой группы,

партіи мирнаго обновленія, отъ группы прогрессистовъ и фракціи мусульманъ; отъ женскихъ клубовъ, отъ литовскихъ, польскихъ, финляндскихъ и еврейскихъ женщинъ; изъ-за границы—отъ чешскихъ, нѣмецкихъ, венгерскихъ и англійскихъ женщинъ.

Послѣ привѣтствій была произнесена рѣчь предсѣдательствовавшей А. Н. Шабановой, затѣмъ профессоръ Петражицкій прочелъ обширный докладъ „Законы развитія права и правового положенія женщины"; послѣ него произнесла рѣчь талантливая писательница А. П. Тыркова и въ заключеніе г-жа Волкова сказала привѣтствіе Съѣзду отъ именира ботницъ „борющихся за свое политическое и экономическое освобожденіе", послѣ чего первое Собраніе Ж. Съѣзда было объявлено закрытымъ.

Слѣдующіе пять дней, съ 11 по 16 декабря, были посвящены усиленной работѣ всѣхъ четырехъ секцій, собиравшихся въ Соляномъ Городкѣ и успѣвшихъ за эти дни прослушать до 150 докладовъ. Чтобы дать общее представленіе о серьезности и всесторонности произведенной работы, приведу лишь перечень главныхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ каждой изъ четырехъ секцій.

Въ I-й секціи, которой завѣдывала Анна Павловна, всѣхъ докладовъ было 28, и они касались *благотворительнаго и просвѣтительнаго поприща женщинъ, женской дѣятельности въ области: науки, литературы, искусства, музыки, сцены, врачебной практики, сельско-хозяйственной и коммерческой дѣятельности и роли женщинъ въ проведеніи принциповъ мира.*

Во второмъ отдѣленіи этой же секціи происходило подробное обсужденіе самаго дорогого для Анны Павловны вопроса *о значеніи объединенія Женскихъ Обществъ въ Россіи* и разсмотрѣніе ея проекта о *Всероссійскомъ Женскомъ Совѣтѣ*, скорое учрежденіе котораго было единодушно признано желательнымъ на соединенномъ засѣданіи всѣхъ секцій 16-го декабря.

Во II-й секціи были выслушаны и дебатированы 34 доклада: 1) *по общимъ вопросамъ женскаго труда*; 2) *о женскомъ трудѣ на фабрикахъ и заводахъ*; 3) *о трудѣ женщины въ области промышленной и торговой*; 4) *о женской прислугѣ;* 5) *объ организаціи спроса и предложенія труда*; 6) *о служебной дѣятельности женщинъ въ государственныхъ, земскихъ, городскихъ и частныхъ учрежденіяхъ;* 7) *объ экономическомъ положеніи учительницъ;* 8) *о женскомъ трудѣ въ области свободныхъ профессій*; 9) *объ охранѣ женскаго труда всѣхъ категорій;* 10) *о страхованіи работницъ и служащихъ;* 11) *о трудѣ женщинъ въ монастыряхъ;*

12) *о заработкахъ черничекъ и странницъ;* 13) *о нищенскомъ промыслѣ женщинъ;* 14) *о различныхъ сторонахъ быта женщинъ-крестьянокъ*, и рядъ другихъ вопросовъ женскаго экономическаго быта въ Россіи.

Во второмъ Отдѣлѣ той же секціи разбирались *этическіе вопросы въ семьѣ и обществѣ* *). Женскій вопросъ освѣщался съ морально-психологической точки зрѣнія; обсужденію подлежало семейное положеніе женщинъ, церковный и гражданскій бракъ, половая жизнь, материнство и идеалы будущаго. Въ этомъ же отдѣлѣ читались доклады объ алкоголизмѣ и проституціи.

III-я секція, въ которой разсматривалось *политическое и гражданское положеніе женщинъ въ Россіи и за границей*, раздѣлялась также на два Отдѣла.

Въ I-мъ разбиралось *прававое положеніе женщинъ, практика ихъ политической и общественной дѣятельности*, а во II-мъ отдѣлѣ читались доклады по *исторіи женскаго движенія за границей и въ Россіи, начиная съ 60 годовъ.*

Предметомъ IV-й секціи была *исторія женскаго образованія въ Россіи*,—низшаго, средняго и высшаго,—начиная съ допетровской Руси и до нашего времени. Нѣсколько докладовъ этой секціи имѣли темой *профессіональное образованіе женщины*, вопросы *совмѣстнаго обученія* и значеніе *физическаго воспитанія дѣвочекъ.*

Всѣ доклады вызвали оживленныя пренія и сослужили большую службу, познакомивъ присутствующихъ со множествомъ очередныхъ вопросовъ русской общественной жизни, на которые женщины могутъ имѣть прямое или косвенное вліяніе.

Докладъ самой Анны Павловны о „*Значеніи Международнаго Женскаго Союза и Національнаго Женскаго Совѣта*“, излагаетъ исторію Національныхъ Женскихъ Совѣтовъ, которые возникли впервые въ 1888 г. въ Сѣверо-Америк.Соед. Шт., а ко времени доклада существовали уже въ 23 государствахъ. Цѣль и смыслъ такого объединенія женщинъ всѣхъ странъ, съ помощью Международнаго Совѣта, выражено въ уставѣ послѣдняго такъ: „Мы, женщины всѣхъ націй, искренно убѣжденныя въ томъ, что счастье человѣчества будетъ достигнуто при большемъ единеніи мыслей, симпатій и цѣлей, и что правильно организованная дѣятельность женщинъ наилучшимъ образомъ обезпечитъ благосостояніе

---

*) Въ этомъ отдѣлѣ было представлено и Р. Теософическое О-во, предсѣдательницей котораго былъ прочитанъ докладъ на тему: „Энтузіазмъ и фанатизмъ“.

семьи и государства,—объединяемся въ союзъ дѣятельницъ съ цѣлью проведенія въ общество, нравы и законы золотого правила: „поступайте съ другими такъ, какъ вы желали бы, чтобы съ вами поступали".

Разсказавъ исторію Меж. Ж. Совѣта, А. П. обстоятельно излагаетъ необходимость и для русскихъ женщинъ организовать свой Всероссійскій Совѣтъ, „который будетъ содѣйствовать единенію мыслей, симпатій и цѣлей женщинъ-дѣятельницъ всѣхъ классовъ, партій и вѣрованій, и распространять приложеніе вышеприведеннаго золотого правила („поступайте съ другими такъ, какъ вы желали бы, чтобы поступали съ вами") къ жизни общества, къ обычаямъ и законодательству".—Далѣе А. П. указываетъ на большое значеніе для обще-человѣческой культуры Межд. Ж. Совѣта, который, „имѣя цѣлью служить объединенію всѣхъ женщинъ", долженъ быть мѣстомъ, „гдѣ онѣ имѣли бы возможность знакомиться другъ съ другомъ, научаться взаимному довѣрію, находить поддержку, руководительство и вдохновеніе для соединенныхъ усилій въ защиту вопросовъ, дорогихъ для всего человѣчества"... Затѣмъ Анна Павловна указываетъ на три важныя обязательства, которыя Межд. Ж. Совѣтъ уже принялъ на себя: во 1) *распространять движеніе въ пользу международнаго третейскаго суда;* во 2) *бороться съ торговлею женщинами, привлекать Нац. Совѣты къ содѣйствію уничтоженія ея и отстаивать принципъ одинаковаго нравственнаго мѣрила для обоихъ половъ;* 3) *поддерживать всѣ старанія, которыя имѣютъ цѣлью достиженіе женщинами права голоса во всѣхъ странахъ съ представительнымъ правленіемъ.*

Въ концѣ своего доклада Анна Павловна возвращается къ руководящей нотѣ всей своей жизни. *„Въ единеніи сила"*, говоритъ она; „одно уже сознаніе своей принадлежности къ крупной ассоціации придаетъ всегда много энергіи и силъ для работы. Организація Всероссійскаго Женскаго Совѣта повлечетъ за собой возможность устраивать періодическіе съѣзды въ различныхъ городахъ Россіи, а затѣмъ и общеніе русскихъ делегатокъ съ представительницами всѣхъ странъ въ большихъ центрахъ за границей".

Здѣсь будетъ кстати упомянуть, что Анна Павловна была избрана на Международномъ Женскомъ Конгрессѣ, состоявшемся въ 1899 году въ Лондонѣ, почетной вице-предсѣдательницей, въ качествѣ которой она лично участвовала на двухъ послѣдующихъ конгрессахъ: въ Женевѣ въ 1905 году и въ Стокгольмѣ въ іюнѣ 1911 года.

Результатомъ этого доклада Анны Павловны была резолюція I секціи Всероссійскаго Женскаго Съѣзда, которую я приведу цѣликомъ, такъ какъ она служитъ сжатой формулой для всей общественной дѣятельности дорогой нашей Анны Павловны:

„I секція Перваго Всероссійскаго Женскаго Съѣзда, ознакомившись съ тѣми общественными нуждами и язвами, отъ которыхъ страдаютъ главнымъ образомъ женщины и дѣти, пришла къ заключенію, что усиліями отдѣльныхъ лицъ, не сплоченныхъ общими задачами и объединенной дѣятельностью, невозможно достигнуть сколько-нибудь значительныхъ результатовъ и облегчить ту бездну горя, отъ котораго страдаетъ наше современное общество.

Выходомъ изъ такого положенія вещей I секція считаетъ немедленное образованіе Всероссійскаго Женскаго Совѣта, дѣятельницы котораго будутъ періодически съѣзжаться для обсужденія совмѣстной планомѣрной работы, для обмѣна мыслями и опытомъ, для изысканія средствъ и способовъ къ искорененію общественныхъ язвъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, секція считаетъ, что общественная работа женщинъ будетъ только тогда плодотворна, когда женщины начнутъ принимать дѣятельное участіе въ судьбѣ своей родины, т. е. когда онѣ будутъ имѣть право голоса въ дѣлахъ общества и государства".

Изъ остальныхъ резолюцій Съѣзда наиболѣе важныя затрагиваютъ *необходимость уравненія правъ женщинъ съ правами мужчинъ вездѣ, гдѣ онѣ могутъ принимать одинаковое съ ними участіе въ общественной жизни; необходимость немедленной отмѣны регламентаціи проституціи и закрытія всѣхъ публичныхъ домовъ; активное участіе женщинъ въ борьбѣ съ пьянствомъ; необходимость совмѣстнаго обученія въ школахъ мальчиковъ и дѣвочекъ.*

Закрытіе Съѣзда состоялось вечеромъ, 16 декабря, въ томъ же Александровскомъ залѣ городской Думы, при такомъ же многолюдіи и въ образцовомъ порядкѣ, ярко выразившимъ собой большой организаторскій талантъ руководительницъ Съѣзда и сознательную дисциплину всѣхъ его участницъ, прекрасно понимавшихъ всю отвѣтственность своей роли. Къ сожалѣнію, полная гармонія Съѣзда была нарушена въ послѣдній день боевымъ выступленіемъ нѣсколькихъ представительницъ отъ рабочей группы, которыя противились баллотировкѣ резолюціи Съѣзда по общимъ политическимъ вопросамъ на томъ основаніи, что ихъ собственная резолюція не могла быть голосована. Когда же большинство все-таки пожелало баллотировать резолюцію, протестующія покинули собраніе; но это не помѣшало Съѣзду спокойно продолжать свое засѣданіе.

Устроительницы Съѣзда позаботились и о развлеченіи своихъ гостей; 11-го состоялся вечерній раутъ въ Женскомъ Клубѣ, а 12-го Анна Павловна пригласила всѣхъ пріѣзжихъ участницъ Съѣзда къ себѣ; оба вечера отличались большимъ подъемомъ и оживленіемъ; 14-го вечеромъ Анна Павловна устроила концертъ въ залѣ Петровскаго училища съ участіемъ артистовъ Императорскихъ театровъ, а 17 декабря происходилъ оживленный обѣдъ по подпискѣ, въ ресторанѣ Контанъ, въ которомъ участвовало 515 чел. Этотъ многолюдный, веселый, изящный обѣдъ, на которомъ царило общее радостное оживленіе, и, несмотря на отсутствіе вина, было произнесено такъ много хорошихъ тостовъ—тостъ Анны Павловны за женщину-крестьянку былъ принятъ особенно горячо—служилъ какъ бы яркой иллюстраціей того, какъ хорошо женщины умѣютъ справляться съ общественными задачами, включая сюда и общественныя празднества, когда ихъ силы могутъ свободно развернуться, не стѣсненныя безчисленными препятствіями.

Къ сожалѣнію, свое краткое описаніе I Всероссійскаго Женскаго Съѣзда я не могу закончить на этой привлекательной иллюстраціи; не ею завершились старанія лучшихъ женскихъ силъ нашей родины объединиться для мирной культурной работы. Я думаю, что нѣтъ ни одного грамотнаго человѣка въ Россіи, который бы не зналъ о взрывѣ негодованія, пронесшемся по всей Россіи, когда печально-знаменитый депутатъ Государственной Думы, В. Пуришкевичъ, оскорбилъ неприличнымъ письмомъ, наполненнымъ площадною бранью, всѣми признаннаго вождя русскаго женскаго движенія, нашу свѣтлую Анну Павловну Философову.

Трудно понять, чего добивался депутатъ Государственной Думы, но что ему удалось болѣзненно потрясти Анну Павловну, это я знаю по тому волненію, съ которымъ она долго спустя вспоминала объ оскорбленіи, которое въ ея лицѣ было нанесено всѣмъ русскимъ женщинамъ.

Что же касается общественнаго мнѣнія, то здѣсь случилось то, чего развязный депутатъ очевидно не добивался: взрывъ горячаго сочувствія къ оскорбленной Аннѣ Павловнѣ былъ до того единодушенъ, что письма и телеграммы, выражавшія негодованіе по поводу его поступка и глубокое уваженіе къ почитаемой представительницѣ русскихъ женщинъ, стекались къ ней со всѣхъ сторонъ великой Россіи, отъ всѣхъ классовъ общества, отъ представителей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ группъ, не исключая даже солдатъ и рабочихъ артелей.

XIV.

Послѣдніе годы жизни Анны Павловны.

Самые послѣдніе годы жизни Анны Павловны, которые мнѣ извѣстны уже не по историческимъ документамъ, а во всѣхъ живыхъ подробностяхъ, вызываютъ невольное удивленіе: если въ 75 лѣтъ, обезсиленная подкрадывавшимися недугами, съ утомленной нервной системой и ослабѣвшими силами, она могла такъ пламенно интересоваться различными общественными начинаніями и такъ активно принимать въ нихъ участіе, каковъ же былъ размѣръ ея общественной работы во цвѣтѣ силъ? Если взять только одинъ послѣдній годъ ея земной жизни, передо мной проходитъ одно за другимъ: ея 50 лѣтній юбилей, ея участіе въ Стокгольмскомъ Международномъ женскомъ Конгрессѣ въ качествѣ почетной вице-предсѣдательницы, устроенный ею пріемъ представителей педагогическихъ дѣятелей Франціи, участіе въ годовомъ Собраніи теософовъ, о которомъ я уже упоминала въ гл. XII-й; ея работа надъ вопросомъ, который она считала какъ бы очередной своей задачей — я говорю объ организаціи національнаго Совѣта въ Россіи и его включеніи въ Международный Союзъ женщинъ,— ея участіе въ различныхъ комиссіяхъ, которыя — ввиду упадка ея силъ—собирались въ прошлую зиму у нея на дому, и, наконецъ, подготовка къ осуществленію одного изъ отдѣловъ, задуманнаго группой прогрессивныхъ женщинъ „Всероссійскаго Съѣзда по женскому образованію". Ее просили принять на себя руководство одной изъ секцій будущаго Съѣзда и, хотя она сильно колебалась въ виду растущей слабости, она все же дала свое согласіе послѣ того, какъ заручилась обѣщаніемъ А. А. Каменской (предсѣдательницы Россійскаго Теософическаго Общества) помогать ей въ организаціи секціи и взять на себя разработку этической стороны вопроса о воспитаніи въ семьѣ и школѣ. Анна Павловна принимала горячо къ сердцу вопросы воспитанія и многое въ постановкѣ этого дѣла у насъ, въ Россіи, вызывало въ ней тяжелую тревогу. Она глубоко скорбѣла о матеріалистическомъ направленіи современнаго воспитанія, о слабой постановкѣ нравственной отвѣтственности и чувства долга у дѣтей, объ отсутствіи идеи духовной культуры въ планахъ нашего школьнаго и домашняго воспитанія и въ этихъ отрицательныхъ явленіяхъ она видѣла причину пониженія идеи красоты въ жизни, литературѣ и искусствѣ. На эту тему она много бесѣдовала съ А. А. Каменской, уже нѣсколько лѣтъ работающей надъ новой постановкой педагоги-

ческой этики, въ которой духовная культура выдвигается на первый планъ и суть которой можно свести къ слѣдующему тезису: *главной цѣлью воспитанія должно быть пробужденіе въ дѣтяхъ потребности самовоспитанія.*

Анну Павловну чрезвычайно привлекала возможность поставить на этомъ съѣздѣ совершенно опредѣленно идею *объединенія этики и эстетики*, какъ элемента облагораживающаго и противодѣйствующаго растущему эгоизму современныхъ дѣтей, который она приписывала не только общественной неурядицѣ и безпринципности взрослыхъ, но главнымъ образомъ отсутствію духовнаго начала въ современной педагогикѣ. Въ духѣ этихъ идей была уже выработана и руководящая формула для будущей секціи на предполагавшемся Съѣздѣ, порученной А. П.: „*объединеніе этическихъ и эстетическихъ задачъ воспитанія въ связи съ вопросами духовной культуры.*

Но Съѣзду этому не было суждено осуществиться при ея жизни: Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не дало необходимаго разрѣшенія, и задуманная общественная работа осталась не выполненной.

Празднованіе 50 лѣтняго юбилея общественной дѣятельности Анны Павловны, о которомъ я упоминала въ XII главѣ, разсказывая, какъ она молила оставить ее въ покоѣ, состоялось 17 апрѣля 1911 г. въ залѣ Женскаго взаимно-благотворительнаго Общества. Я не стану описывать этотъ юбилей, такъ какъ онъ былъ повтореніемъ описаннаго мною въ X-й главѣ празднованія 40 лѣтней общественной дѣятельности Анны Павловны. Онъ отличался такимъ же единодушнымъ энтузіазмомъ какъ и первый юбилей, также соединилъ около Анны Павловны самые прогрессивные элементы русскаго общества, также читались на немъ адреса, полные горячей любви и глубокаго уваженія къ безупречному облику вождя русскаго женскаго движенія, такая же прошла на немъ вереница делегатовъ отъ многочисленныхъ организацій и обществъ Петербурга и представителей земства, Государственной Думы и Государственнаго Совѣта; въ такой же степени можно было назвать и это чествованіе Анны Павловны „праздникомъ русской женщины“, какъ и первый ея юбилей 1901 г.

Слѣдуетъ упомянуть, что Анна Павловна наотрѣзъ отказалась присутствовать на своемъ юбилеѣ, если онъ состоится въ большомъ залѣ городской Думы при торжественной обстановкѣ, какъ это проектировали его устроители, и соглашалась только на „семейный праздникъ“ въ дорогомъ для нея помѣщеніи Женскаго взаимно-благотворительнаго Общества.

Зная эту нелюбовь Анны Павловны ко всякой оффиціальности, организаторы юбилея постарались придать ему чисто семейный характеръ; войдя въ залъ и увидавъ въ немъ радостную толкотню, Анна Павловна просвѣтлѣла и начала посылать во всѣ стороны дружескія привѣтствія, повторяя растроганнымъ голосомъ: „здравствуйте мои дорогіе! здравствуйте мои милые!“ съ той очаровательной улыбкой, которая такъ ласково освѣщала ея лицо.

Г-жа Шабанова, сказавшая привѣтственную рѣчь, поднесла ей букетъ бѣлыхъ и красныхъ розъ, какъ символъ „чистоты и яркости чувствъ всѣхъ собравшихся“. Отъ имени 20 организацій, въ которыхъ Анна Павловна принимала дѣятельное участіе, ей была поднесена брошь въ видѣ покрытаго розовой эмалью золотого сердца, внутри котораго вырѣзаны начальныя буквы всѣхъ 20 обществъ, а на обратной сторонѣ надпись: „Всѣми чтимой, всѣми любимой А. П. Философовой въ день празднованія 50-тилѣтія общественной дѣятельности“. Депутація отъ друзей и товарищей по общественной работѣ поднесла Аннѣ Павловнѣ ея большой портретъ, написанный художницей Кавосъ-Зарудной. Послѣ многочисленныхъ привѣтствій отъ различныхъ обществъ, членъ Государственнаго Совѣта профессоръ М. М. Ковалевскій привѣтствовалъ Анну Павловну отъ имени „тысячи свидѣтелей ея плодотворной дѣятельности, признательныхъ ей за то дѣло, которому она посвятила свою жизнь“ и указалъ на совпаденіе ея 50-лѣтняго юбилея съ первымъ шагомъ, сдѣланнымъ Законодательнымъ Собраніемъ въ пользу уравненія женскихъ правъ съ правами мужчинъ*). Вслѣдъ за нимъ Анну Павловну привѣтствовалъ Ѳ. И. Родичевъ какъ „носительницу самыхъ благородныхъ воспоминаній и чаяній нашего прошлаго и будущаго“. Взволнованная и растроганная Анна Павловна отвѣтила приблизительно такими словими:

„Позвольте мнѣ поблагодарить нашу уважаемую предсѣдательницу и всѣхъ членовъ нашего общества, представителей всѣхъ обществъ и всѣхъ васъ, дорогіе друзья и товарищи по работѣ, за то вниманіе, которое вы мнѣ удѣлили. Я всего этого не заслужила... Позвольте попросить васъ мой портретъ, который вы мнѣ сегодня поднесли, повѣсить здѣсь, и прошу еще, чтобы онъ оставался здѣсь и послѣ моей смерти, на память о той глубокой любви, которую я питаю къ нашему Обществу“.

Это происходило въ апрѣлѣ, а въ іюлѣ, несмотря на возраставшее недомоганіе, Анна Павловна поѣхала въ Стокгольмъ, чтобы лично участвовать въ качествѣ почетной вице-предсѣда-

*) Указаніе на уравненіе правъ на пенсію учительницъ съ правами учителей.

тельницы на Женскомъ Международномъ Конгрессѣ. Поѣздка эта не только не повредила ей, какъ боялись ея ближайшіе родственники—ея зять говорилъ мнѣ въ іюнѣ, что Аннѣ Павловнѣ и думать нечего ѣхать на конгрессъ, такъ она слаба—но она подняла ея силы, вѣроятно, потому, что дало ей отдохнуть душой и порадоваться. Сужу объ этомъ на основаніи ея письма ко мнѣ отъ 24 сентября 1911 г. „Что вамъ сказать о себѣ? Я гораздо лучше себя чувствую и осталась въ восхищеніи отъ Стокгольмскаго Конгресса; для этого переплывала море и очень удачно совершила свое путешествіе съ Таней *) и А. Н. Шабановой. Я совершенно забыла о земныхъ дрязгахъ такъ меня унесли въ небеса всѣ міровые вопросы, которые возбуждались тамъ: материнство, дѣти, и пр., и пр. Чудные были ораторши, которыя восхищали насъ!—Я читала имъ мой отчетъ, онѣ сочувственно отнеслись ко мнѣ... ну словомъ было чудно, чудно, и все это промелькнуло какъ сонъ!“.

Переходя къ своимъ петербургскимъ впечатлѣніямъ она продолжаетъ: „Вернувшись въ Петербургъ, я повидалась съ Тырковой и къ моему удивленію и горю я узнала, что у нея былъ обыскъ и что у нея забрали и мой архивъ **). Его конечно мнѣ вернутъ, но непріятно, что копаются въ моей душѣ совершенно чужіе люди. Вся трагедія Столыпинская меня страшно поразила и огорчила (какъ теософку). Боже мой, что за ужасы дѣлаются на свѣтѣ, а войны, а голодающіе, а молодежь, а каторжане... И какъ мы всѣ безсильны, и какъ иногда является грѣховное сомнѣніе!“...

По поводу Стокгольмскаго конгресса Анна Павловна сдѣлала докладъвъ Женскомъ взаимно-благотворительномъ О-вѣ, въ которомъ совершенно опредѣленно выразилось ея отношеніе къ женскому вопросу.

„Существуетъ весьма распространенное мнѣніе“ говоритъ она въ этомъ докладѣ, что „феминизмъ“ стремится достигнуть лишь узко-спеціальныхъ профессіональныхъ цѣлей, и что тутъ женщины хотятъ лишь конкурировать съ мужчинами, но это, конечно, не такъ. Прежде всего здѣсь рѣчь идетъ о достоинствѣ и о самосознаніи женщины какъ человѣческой личности, о правѣ ея на самоопредѣленіе, на развитіе и проявленіе вложенныхъ въ нее способностей и талантовъ, и вообще объ интересахъ общечело-

---

*) Внучка Анны Павловны, Татьяна Дмитріевна Каменецкая.

**) Г-жа Тыркова намѣревалась написать біографію Анны Павловны, которая для этой цѣли отдала ей свой семейный архивъ; въ немъ находилась вся ея многолѣтняя переписка съ мужемъ который скончался 24 ноября 1894 года.

вѣческой культуры. На ряду съ этимъ, женскій вопросъ есть вопросъ о сотрудничествѣ женщинъ съ мужчинами въ дѣлѣ развитія этой культуры“. Въ подтвержденіе своего опредѣленія „женскаго вопроса“, Анна Павловна ссылается на характеръ работъ Стокгольмскаго Конгресса, который выдвинулъ вопросъ о *международномъ мирѣ*, рекомендуя членамъ женскихъ національныхъ союзовъ содѣйствовать самымъ активнымъ образомъ осуществленію идеи мира. Рядомъ съ этимъ вопросомъ Конгрессъ постановилъ „принять энергическое участіе въ борьбѣ правительствъ съ торговлей женщинами, предпринять различныя мѣры по охранѣ общественнаго здоровья, по борьбѣ съ туберкулозомъ, по охранѣ материнства, заняться съ особымъ вниманіемъ вопросомъ совмѣстнаго воспитанія юношества обоего пола и проч. Развѣ все это вопросы чисто женскіе? Развѣ этими резолюціями не затронуты самыя больныя мѣста современной общественной жизни? Женщина во всѣхъ этихъ областяхъ требуетъ развитія и защиты не только своихъ спеціально-женскихъ интересовъ... „Но для того, чтобы всѣ столь разностороннія задачи женскаго движенія были достигнуты, чтобы женщины могли принимать дѣятельное участіе во всѣхъ нуждахъ общественной и государственной жизни и оказывать вліяніе на развитіе ихъ, имъ прежде всего необходимы *образованіе и знанія*“. Затѣмъ Анна Павловна даетъ картину женскаго образованія въ Россіи, начиная съ 60-хъ годовъ, и заканчиваетъ свой докадъ такими словами: „на нашихъ глазахъ выросла въ Россіи *средняя* женщина, которая въ короткое время внесла всюду культурный элементъ: въ школу, въ семью, въ деревню. Развѣ можно себѣ представить теперь самый глухой уголъ современной деревни, гдѣ бы женщина не находила исхода для своихъ непочатыхъ силъ, гдѣ бы она не работала въ качествѣ учителя, доктора, фельдшерицы, сельской хозяйки? И на какихъ основаніяхъ эти труженицы не допускаются до избирательныхъ урнъ? И кто выигралъ отъ пріобщенія женщины къ обще-культурной работѣ? Неужели *только* женщины? Конечно, нѣтъ. Выиграло все общество, потому что увеличилось число культурныхъ работниковъ, потому что возросло уваженіе къ человѣческой личности, къ ея многосторонности и разнообразію. Образованная женщина не конкурентка мужчинѣ, а благородная соревновательница въ дѣлѣ культурнаго роста человѣчества“.

Въ этомъ докладѣ ясно выразилось широкое пониманіе А. П. общественной эволюціи: ея вдохновляли не столько средства, сколько цѣль, не столько политическая борьба, сколько культур-

ная дѣятельность женщины на всѣхъ поприщахъ, ее радовалъ тотъ свѣтъ, который общественно-развитая, образованная и любящая женщина можетъ внести въ темные углы народной жизни. Но она высказалась въ этой послѣдней своей рѣчи не вся; въ ней самой шла глубокая духовная работа, поднимались вѣчные вопросы о смыслѣ жизни, о назначенiи человѣка, о его отношенiи къ Богу, о внутреннемъ смыслѣ историческаго процесса, о конечной цѣли человѣческой эволюцiи.

На эту, болѣе глубокую работу ея души, указываетъ и выборъ чтенiя, къ которому А. П. постоянно возвращалась въ послѣднiе годы своей жизни. Она читала ежедневно Евангелiе и *„Кругъ Чтенiя"* Толстого; за послѣднюю зиму она читала каждую субботу съ однимъ изъ близкихъ ей членовъ Теос. О-ва, З. К. Кроль, комментарiи д-ра Штейнера на Апокалипсисъ, которые даютъ замѣчательные по углубленности, но требующiе большой духовной зрѣлости разъясненiя на тѣ вѣчные вопросы, которые за послѣднее время не переставали стоять передъ душой Анны Павловны. Глубоко интересовали ее также изреченiя изъ „Голоса Безмолвiя", древне-восточной мистической книги, въ которой въ глубокихъ символахъ излагается путь къ достиженiю святости; А. П. очень хотѣлось проникнуть въ самую глубину сокровеннаго смысла этой книги и она просила помощи у А. А. Каменской, которая во время своихъ посѣщенiй читала ей вслухъ и комментировала символы „Голоса Безмолвiя". Послѣдняя книга, которую А. П. читала передъ смертью, была „Духовная Брань", Никодима Святогорскаго. Но эти глубокiе духовные интересы нисколько не умаляли любящаго участiя А. П. ко всѣмъ событiямъ текущей жизни; да иначе и быть не могло: эти духовные интересы были въ ней вызваны Теософiей, а Теософiя никого не уводитъ изъ жизни; ея ученiя соединяютъ высокую духовную культуру съ самымъ дѣятельнымъ участiемъ къ текущей жизни, и можно съ увѣренностью сказать, что именно эта нота дѣятельной любви, которой проникнуты всѣ теософическiя ученiя, и сдѣлала Анну Павловну горячей и убѣжденной послѣдовательницей Теософiи.

До самой послѣдней минуты не переставало ея сердце горѣть любовью къ людямъ, и близкимъ и дальнимъ. Незадолго до смерти, здороваясь съ навѣстившей ее З. К. Кроль, Анна Павловна радостно сообщила ей, что „съ вечера читала про побѣду англiйскихъ рудокоповъ и такъ радовалась, что не могла заснуть всю ночь, все думала, какъ это хорошо, что имъ удалось улучшить свое положенiе!" Если она способна была не спать отъ ра-

дости, что облегчилась судьба далекихъ и незнакомыхъ ей людей, можно себѣ представить, какъ горячо было ея отношеніе къ судьбѣ близкихъ друзей... Благодаря такому отношенію послѣдніе дни ея жизни были сильно омрачены тревогой, которая была вызвана судомъ надъ ея другомъ, А. А. Каменской, назначеннымъ на 12 марта; поводомъ привлеченія ея, какъ редактора „Вѣстника Теософіи", на скамью подсудимыхъ, была пропущенная по недосмотру въ одной изъ переводныхъ статей названнаго журнала непочтительная фраза по адресу императора Константина Великаго; и хотя очень неправдоподобно, чтобы за такой недосмотръ возможно было осудить по 73-й статьѣ, *) все же Анна Павловна сильно волновалась за обвиняемую, а также безпокоилась за Теос. О-во; 11-го марта, наканунѣ суда, она пригласила къ себѣ редактора „Рѣчи" І. Н. Гессена, котораго горячо убѣждала освѣтить этотъ вопросъ въ прессѣ съ его истинной стороны. „Гдѣ же свобода совѣсти, гдѣ свобода печати?... Ради Бога, напишите объ этомъ вопіющемъ дѣлѣ!" говорила она. „Смотря въ ея горящіе глаза, слушая эту быструю оживленную рѣчь" пишетъ І. Н. Гессенъ по поводу ея смерти въ газетѣ „Рѣчь", „изумляясь этой чрезвычайной чуткости и отзывчивости, нельзя было не думать, что время надъ ней не властно и что мощь ея благородной души побѣждаетъ всѣ слабости тѣла".

Внучка Анны Павловны, Т. Д. Каменецкая, была въ этотъ день съ ней и отъ нея я знаю, что А. П. сильно волновалась во время этого разговора, а послѣ ухода Гессена сидѣла грустная сказала только: „какіе они сухіе" **) и затѣмъ принялась писать сочувственную телеграмму шлиссельбуржцу Н. А. Морозову, который былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ за сборникъ стихотворенія „Звѣздныя пѣсни".

Утро 12-го марта Анна Павловна провела въ сильномъ волненіи***); она хотѣла непремѣнно сама присутствовать на судѣ, чтобы—какъ она выразилась—„оставаться въ минуты испытанія вмѣстѣ съ товарищами теософами", но ее спасло отъ этого тяже-

---

*) А. А. Каменской былъ предъявленъ обвинительный актъ по 73-й статьѣ, въ которой дѣло идетъ о *кощунствѣ*, что влечетъ за собою наказаніе отъ заключенія въ крѣпости, до ссылки въ Сибирь.

**) Редакція отмѣчаетъ, что замѣткой въ „Рѣчи" отъ 18 апрѣля У. Гессенъ высказалъ тонкое и глубокое пониманіе личности А. П. и сердечное вниманіе къ ея словамъ.

***) Въ 2 часа стало извѣстно, что слушаніе дѣла А. А. Каменской откладывается до мая и одинъ изъ членовъ Теос. О-ва—ихъ было около 20, остававшихся около подсудимой все время, пока она ожидала своей очереди, немедленно отправился къ Аннѣ Павловнѣ, чтобы сообщить ей, что суда не будетъ.

лаго испытанія то обстоятельство, что судоговореніе по поводу столь важнаго преступленія было при *закрытыхъ дверяхъ*.

14-го марта А. П. перенесла новое потрясеніе, читая брошюру: „Что такое Теософія и Теос. О-во“ бывшаго члена Совѣта Теос. О-ва К. Д. Кудрявцева, въ которой онъ враждебно выступаетъ противъ теософическаго движенія. Ее особенно сильно возмущало то обстоятельство, что недоговоренныя обвиненія и намеки брошюры были направлены на людей, въ безусловной правдивости которыхъ она была глубоко увѣрена, которые и привлекли то ее, прямую и искреннюю, болѣе всего своей искренностью, исключа-ю щей всякую возможность какихъ бы то ни было кривыхъ путей.

На другой день, 15-го марта, А. А. Каменская застала ее отправляющей на почту свой докладъ на Международный Женскій Конгрессъ, который долженъ былъ собраться въ Брюсселѣ 28-го апрѣля; А. П. работала надъ этимъ докладомъ (краткое сообщеніе о положеніи юристокъ въ Россіи) наканунѣ, имѣла видъ усталый и нервный и очень обрадовалась, когда А. А. Каменская предложила составить для нея телеграмму на имя предсѣдательницы Женскаго Національнаго Совѣта въ Брюсселѣ, г-жи Попеленъ, о невозможности для А. П. по случаю нездоровья самой присутствовать на Конгрессѣ. Отправивъ докладъ и телеграмму, Анна Павловна съ грустью сказала, какъ ей тяжело, что она не въ состояніи быть на своемъ посту, что слѣдовало бы подвинуть дѣло сближенія русскихъ женщинъ съ европейскими и тутъ же прибавила, чтобы Анна Алексѣевна передала всѣмъ членамъ Теос. О-ва, что она „вправду не лѣнится“, что она душой каждый разъ съ ними, если физически и не можетъ такъ часто бывать въ О-вѣ, какъ прежде. Затѣмъ она перешла къ брошюрѣ Кудрявцева, которую еще не успѣла дочитать до конца; говорила какъ тяжело ей достаются такія вещи и какую трудную безсонную ночь она провела, думая о невѣрности людей и объ ихъ взаимномъ непониманіи; видя, какъ она волнуется и огорчается, А. А. рѣшила взять у нея брошюру. „Если нужна—берите“! сказала Анна Павловна и прибавила: „ну, дорогая, не будемъ больше говорить объ этомъ, Господь съ нимъ! будемъ продолжать наше дѣло и Господь намъ поможетъ!“ Не надѣясь быть сама на ближайшемъ Совѣтѣ О-ва, А. П. просила передать его членамъ свое мнѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ отозваться на нападеніе Кудрявцева и съ обычной своей вѣрой въ хорошихъ людей прибавила: „теперь на насъ обрушатся въ печати, начнутъ поливать помоями, а мы дожлны молчать, совсѣмъ не вступать въ полемику, пусть за насъ вступятся хорошіе люди“.

Желая отвлечь огорченную А. П. отъ грустныхъ мыслей, А. А. Каменская стала разсказывать о своей скорой поѣздкѣ въ Варшаву, куда ее приглашали польскіе теософы на открытіе польскаго Теософическаго Общества, а затѣмъ въ Финляндію, гдѣ ее уже давно просили прочитать лекцію по теософіи. Анна Павловна очень обрадовалась, начала съ одушевленіемъ говорить—какъ это важно, особенно для поляковъ, какъ дорого такое духовное сближеніе и какое облегченіе можетъ внести въ тяжелое настроеніе поляковъ духовный свѣтъ, который приноситъ съ собой теософія. Просила кланяться полякамъ и финляндцамъ и, провожая Анну Алексѣевну, радостно повторяла: „поѣзжайте, голубушка! Господь благословитъ вашу работу!“ Прощаніе ихъ было самое свѣтлое; А. П. вся сіяла, снова и снова выражала свое удовольствіе по поводу этой поѣздки и желала А. А. Каменской радостно встрѣтить приближающійся Свѣтлый Праздникъ.

16-го марта Анна Павловна встала въ свое время и написала свое послѣднее письмо; оно было къ А. А. Каменской, состояло изъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ выражалась ея послѣдняя забота о друзьяхъ. Въ 4 часа у нея сдѣлался ударъ, но до утра слѣдующаго дня сознаніе, хотя слабо, но не переставало дѣйствовать, а затѣмъ она заснула и болѣе уже не просыпалась; между 8 и 9 час. вечера она тихо и спокойно перешла въ иной міръ.

* * *

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о погребеніи праха Анны Павловны, которое состоялось 22-го марта въ с. Богдановскомъ, на шестой день послѣ ея кончины. Въ ожиданіи младшаго сына Анны Павловны, который долженъ былъ пріѣхать изъ Франціи, гробъ съ ея останками оставался четыре дня въ квартирѣ усопшей, и за эти четыре дня происходило настоящее паломничество къ гробу той, которая всю жизнь была истиннымъ другомъ людей. Стѣны ея спальни, а затѣмъ и гостиной, покрылись вѣнками изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ, что имъ придало видъ часовни; въ рукахъ у Анны Павловны, скончавшейся въ Вербную Субботу, виднѣлась вѣточка вербы, которую ей принесла ея маленькая любимица-внучка. Слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ устроили посмѣнныя дежурства у ея гроба.

Выносъ тѣла былъ назначенъ 21 марта въ 10 ч. утра и къ этому времени вся квартира усопшей была переполнена и сотни людей ожидали выносъ тѣла на улицѣ. Когда родственники по-

койной и представительницы Обществъ, въ которыхъ работала Анна Павловна, вынесли гробъ и поставили его на траурную колесницу, похоронная процессія направилась къ Владимирскому собору и по пути къ ней присоединялись все новыя толпы народа, сдерживаемыя живой цѣпью студентовъ и слушательницъ медицинскихъ, Бестужевскихъ и др. женскихъ курсовъ. За гробомъ шли депутаціи въ такомъ порядкѣ: отъ о-ва высшихъ курсовъ, отъ женскаго взаимно-благотворительнаго о-ва, отъ теософическаго о-ва, отъ о-ва вспоможенія высшимъ курсамъ, отъ о-ва дешевыхъ квартиръ, отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ женской прогрессивной партіи, отъ Петерб. женск. клуба, отъ россійской лиги равноправія женщинъ, отъ о-ва охраненія правъ женщинъ, отъ польскаго женскаго о-ва, отъ о-ва воспитательницъ и учительницъ, отъ женск. медицинскаго института, отъ о-ва взаимопомощи женщинъ-врачей, отъ курсовъ:сельско-хозяйственныхъ, историко-литературныхъ, архитектурныхъ и политехн., отъ педагогич. академіи, отъ женск. педагогич. инстит., отъ союза польскихъ женщинъ, отъ финскихъ женщинъ, отъ еврейскаго о-ва грамотности и отъ другихъ обществъ. Всѣхъ депутацій, участвовавшихъ въ похоронной процессіи, было около 30. Кромѣ депутацій, за гробомъ шли представители науки и литературы, профессора, члены Госуд. Думы и Госуд. Совѣта, представители присяжныхъ повѣренныхъ и различныхъ культурныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій Петербурга и много учащейся молодежи. У Владимирскаго собора траурная колесница была встрѣчена духовенствомъ. Огромная толпа, не попавшая въ храмъ, осталась на улицѣ.

Послѣ заупокойной литургіи, учащіеся понесли гробъ съ прахомъ Анны Павловны на рукахъ до Царскосельскаго вокзала. Когда гробъ былъ поставленъ въ траурный вагонъ и туда перенесли всѣ вѣнки, едва помѣщавшіеся на трехъ колесницахъ, послѣ краткой панихиды были произнесены рѣчи представительницами о-ва помощи высшимъ женскимъ курсамъ (О. К. Нечаева), фребелевскаго о-ва (А. М. Калмыкова и лиги равноправія женщинъ (П. Н. Шишкина-Явейнъ.).

22-го происходилъ обрядъ погребенія въ с. Богдановскомъ, Псковской губ. Приведу описаніе этого погребенія присутствовавшей на немъ представительницы Р. Теософическаlо о-ва Ц. Л. Гельмбольдтъ.

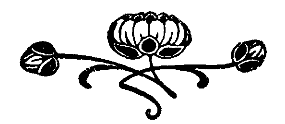
„Яркое весеннее солнце залило лучами своими небольшую станцію Сущово, Царскосельской ж. д. Казалось, будто сама природа хотѣла во всей своей красѣ отдать послѣдній долгъ чело-

вѣку великаго сердца. Уже съ утра со всѣхъ концовъ стали собираться къ траурному вагону мѣстные крестьяне. Въ 9 часовъ утра, по совершеніи мѣстнымъ духовенствомъ литіи, въ присутствіи семьи покойной и представителей отъ Бестужевскихъ курсовъ, Русскаго Женскаго Общества, перваго общежитія Женскаго Общества и Россійсккаго Теософическаго Общества, гробъ съ прахомъ А. П. Философовой былъ вынесенъ изъ траурнаго вагона сыновьями и внуками покойной. Траурная процессія двинулась къ Богдановскому въ сопровожденіи крестьянъ, несшихъ вѣнки. Здѣсь, навстрѣчу была вынесена старинная икона и передъ открытыми дверями дома была совершена литія. На Богдановскомъ лежитъ какая то особая печать любовной заботы и духа А. П. Все полно ею; здѣсь любила она гулять, здѣсь любила отдыхать во время прогулки, здѣсь слѣдила за веселой игрой молодежи, здѣсь у окна сидѣла она съ книжкой и карандашемъ въ рукахъ, а вотъ и балконъ, съ котораго она любила смотрѣть на скромный бѣжаницкій храмъ. Этотъ дивный паркъ, этотъ милый домъ навѣваетъ тихое, мирное настроеніе, вызывающее воспоминаніе о свѣтлой и чуткой душѣ А. П. Изъ Богдановскаго шествіе направилось къ храму села Бѣжаницы мимо школы и пріемнаго покоя, основаннаго А. П. Послѣ заупокойной обѣдни гробъ былъ опущенъ въ могилу, приготовленную въ склепѣ близъ храма. Въ склепѣ, за стеклами шкафовъ бережно хранятся всѣ вѣнки съ гроба покойнаго мужа А. П.—еще одна черта бережнаго и любовнаго отношенія покойной ко всякому общественному вниманію. Надъ могилой были произнесены рѣчи: г-жа Скворцова, представительница Бестужевскихъ курсовъ сказала, что русская женщина не забудетъ завѣтовъ А. П., которая въ образованіи видѣла путь къ освобожденію женщины и къ ея равноправію. Г-жа Юзофовичъ, представительница 1-го Общежитія Русскаго Женскаго Общества, указала, что дѣло исторіи дать характеристику общественной дѣятельности А. П., ей же лично хочется подчеркнуть ту основную ноту, которую Анна Павловна проводила въ своей жизни — ноту единенія. „Въ единеніи сила“ были любимыя слова А. П., и это единеніе могла создавать только она, полная неутомимой энергіи и силы. Представительница Теософическаго о-ва сказала слѣдующее: „Да ниспадетъ каждая жгучая человѣческая слеза въ глубину твоего сердца и да пребываетъ она тамъ; не удаляй ее пока не устранится печаль, ее родившая“. Эти слова настольной книги каждаго Теософа выражаютъ все настроеніе души А. П. Ея живая вѣра въ безпредѣльную цѣнность человѣческой души и ея

сознаніе нравственной отвѣтственности за всякое зло, творимое на землѣ, составляли основную ноту всей ея жизни и являлись импульсомъ, двигавшимъ А. П. на ея многообразную дѣятельность. Страданіе человѣка всегда западало въ ея всеобъемлющее сердце, образуя въ немъ тотъ живой родникъ, изъ котораго истекало свѣтлое вдохновеніе, создавшее непрерывную нить дѣятельности А. П. до послѣдней минуты ея жизни. Служеніе человѣчеству—вотъ девизъ ея жизни. Служеніе безъ мысли о себѣ, безъ остановки передъ какими бы то ни было препятствіями. И теперь мы глубоко вѣримъ, что духъ А. П., освобожденный отъ своей физической оболочки, все же остается съ нами и будетъ звать насъ къ лучшей, болѣе чистой и глубокой жизни,—къ жизни духа. Не забудетъ А. П. земля русская, на пользу которой она трудилась такъ беззавѣтно, не забудетъ ее и Теософичессое О-во столь близкое А. П. по своимъ вѣчнымъ идеаламъ. Миръ праху твоему незабвенный другъ!“

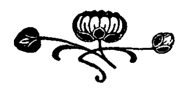
Е. Писарева.

25 іюня 1912 г.

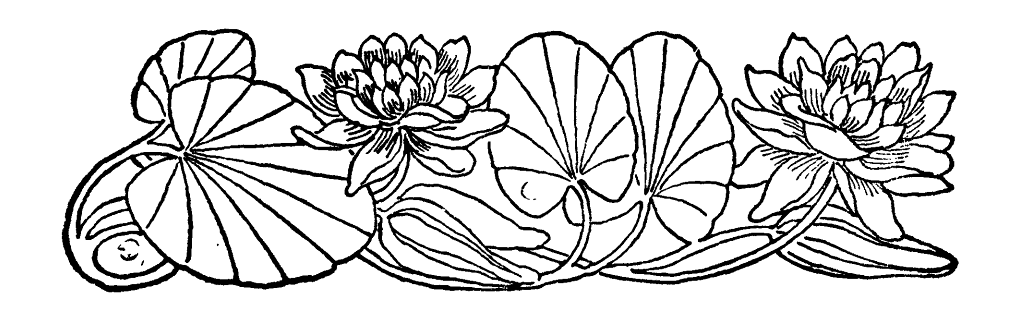

Если человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ Бога въ своей душѣ, онъ сознаетъ и чувствуетъ свое единство со всѣми людьми міра.

Изъ Круга Чтенія Л. Толстого.

Прим. автора. Матеріалы, которыми я пользовалась при составленіи, этого очерка: Записки самой Анны Павловны, копіи съ поднесенныхъ ей адресовъ, „Воспоминанія“ В. Стасова, „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ Е. Лихачевой и „С.-Петерб. высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ“, изданіе комитета для доставленія средствъ В. Ж. курсамъ были мнѣ вручены самой Анной Павловной, когда я задумала написать очеркъ ея дѣятельности для англійскаго журнала „The Teosophist“.

Памяти героевъ, погибшихъ на „Титаникѣ“.

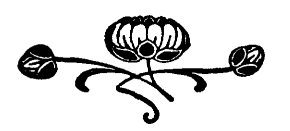
Игралъ большой отлично сыгранный опытный оркестръ. Но въ необычное время и среди необычной обстановки раздавалась музыка среди океана. Кругомъ крики, лязгъ цѣпей, топотъ ногъ, рыданія, истерическіе вопли, короткія, суровыя слова команды, выстрѣлы, растерянная суета людей, внезапно поставленныхъ лицомъ къ лицу со смертью. Гигантъ-пароходъ погибалъ; надъ нимъ небо опускало свой куполъ, величаво сіяя золотыми звѣздами; подъ нимъ море стлало темныя воды, пестрѣвшія бѣлыми, бугристыми льдинами. Музыканты темной кучкой стояли на палубѣ. Никогда не играли они такъ хорошо и проникновенно. Они въ звукахъ выливали все величіе переживаегo момента. Капельмейстеръ велъ ихъ вдохновенно. Онъ слился съ ними и всѣ они въ самоотверженномъ порывѣ мощной струей вливали въ хаосъ чувствъ и ощущеній обезумѣвшихъ людей, спасавшихъ жизнь своихъ тѣлъ, гармонію безплотныхъ звуковъ, самымъ своимъ существованіемъ напоминавшихъ имъ, что есть нѣчто могучее и прекрасное и внѣ этой драгоцѣнной физической оболочки. Съ неудержимой силой страстнаго вдохновенія прорѣзали эти звуки потрясенную атмосферу и неслись къ сіяющимъ звѣздамъ съ недоумѣннымъ отчаяніемъ, вопрошая ихъ: „Зачѣмъ? Почему?“ И звѣзды, мерцая огнями, шептались между собой: „Разсказать ли страдальцамъ блаженную тайну ихъ мукъ?“ И какъ зрители въ театрѣ глядѣли они, какъ внизу на плавучихъ подмосткахъ, являвшихъ собой квинтъ-эссенцію цивилизаціи XX вѣка, разыгрывалось 2.500 отдѣльныхъ драмъ, слившихся въ одну изъ тѣхъ чудовищныхъ трагедій, что отъ времени до времени потрясаютъ міръ.

Между тѣмъ герои-актеры этой драмы окончили первый актъ. На гибнувшемъ кораблѣ стало стихать. Послѣдняя шлюпка,

наполненная людьми, отчалила, послѣднiй человѣкъ, имѣвшiй спасательный поясъ, бросился въ океанъ, надѣясь на свое счастье. Лихорадочная дѣятельность прекратилась на пароходѣ. Оставленнымъ на немъ дѣлать было больше нечего. Приходилось лишь ждать гибели. Но музыканты не расходились. Имъ велѣно было играть, и они исполняли свой долгъ до конца. Гимнъ смѣнился похороннымъ маршемъ Бетховена. Скрипка рыдала подъ смычкомъ артиста, вiолончель вторилъ ей со сдержанной мукой; остальные музыканты, съ ужасомъ вглядываясь въ призракъ мучительной смерти, поднимавшейся изъ глубины водяной бездны, все же точно отсчитывали пустые такты и безошибочно вплетали скорбные звуки въ потрясающую своимъ реальнымъ трагизмомъ пѣсню, разливавшуюся въ эту холодную, ясную ночь по безбрежному океану. Герои на тонувшемъ кораблѣ слушали ее благоговѣйно въ ожиданiи близкой и неминуемой смерти. Звуки лились величавой чередой. Но внезапно они оборвались. „Титаникъ" вдругъ съ грохотомъ и трескомъ сталъ вертикально. Онъ простоялъ такъ нѣсколько минутъ, терзая послѣдней мукой души повисшихъ на немъ людей; затѣмъ медленно легъ на бокъ и исчезъ.

Но не съ проклятiями и не съ отчаянiемъ погибли люди, исчезнувшiе вмѣстѣ съ нимъ. Звѣзды отвѣтили на ихъ недоумѣнный вопросъ. Они нашептывали имъ, въ горькiй предсмертный часъ, что герой, отдавшiй свою жизнь для спасенiя слабыхъ, на вѣки обрѣтаетъ ключъ къ разгадкѣ тайны мiра. И ключъ этотъ— жертва.

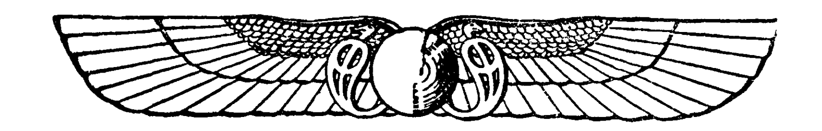
В. Пушкина.

Сознанiе долга даетъ намъ сознанiе божественности нашей души, и, наоборотъ, сознанiе божественности нашей души даетъ намъ сознанiе долга,

Изъ Круга Чтенiя Л. Толстого.

Ведантасара.

(Продолженіе [1]).

II.

Ложное приданіе [2]) (Adhyarора)

34. Придать веревкѣ, которая не есть змѣя, значеніе змѣи— вотъ примѣръ ложнаго приданія, которое состоитъ въ возведеніи нереальнаго въ реальное,

35. Реальнымъ является недвойственный Брахманъ, состоящій изъ бытія, мудрости и блаженства.

36. Нереальное есть соединеніе всего неодухотвореннаго съ невѣдѣніемъ.

37, Невѣдѣніе же—нѣчто неопредѣлимое ни бытіемъ, ни небытіемъ; оно состоитъ изъ трехъ качествъ (guna [3]) противополагается знанію и присуще всему проявленному.

38. Я невѣжественъ, говоритъ намъ наше внутреннее чувство „Сила божественнаго духа утаивается его собственными качествами" говоритъ Писаніе (Çvel lep 1, 3).

39. Это невѣдѣніе разсматривается какъ единое или множественное въ зависимости отъ того, понимается ли оно какъ совокупность или раздѣльность.

40. А именно: подобно тому, какъ единству деревьевъ въ ихъ совокупности даютъ названіе лѣса, или какъ единству водъ въ ихъ совокупности даютъ названіе моря, множественнымъ невѣдѣніямъ, присущимъ отдѣльнымъ душамъ, даютъ въ совокупности названіе единаго невѣдѣнія.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Теософіи" № 5—6, 1912 г.

[2]) Т. е. придаваніе, придаваніе ложнаго смысла.

[3]) Три качества матеріи: Sattva, Ŗajas, Tamas, Ритмъ или гармонія, движеніе и инертность.

41. Ибо сказано: Единая, нерожденная (коза) [1]) и т. д. Çvel lep. 4, 5).

42. Совокупность же невѣдѣнія состоитъ преимущественно изъ Саттвы, а такъ какъ она ограничиваетъ Высшій духъ,—то изъ чистой Саттвы.

43. Этотъ ограниченный Высшій Духъ, имѣющій своими качествами всевѣдѣніе, всемогущество, все правительство именуется непроявленнымъ, внутреннимъ правителемъ, міровой причиной, Господомъ (Ishvara).

44. Его всевѣдѣніе состоитъ въ просвѣтленіи совокупности невѣдѣнія, ибо въ Писаніи сказано: „Всезнающій, всевѣдующій и т. д. (Mund Up. 1, 1, 2).

45. Эта совокупность, являющаяся причиной всего, есть Его причинное тѣло [2]).

46. Оно (причинное тѣло) также именуется оболочкой блаженства, ибо полно блаженства и облекаетъ его какъ оболочка.

47. Такъ какъ въ немъ (причинномъ тѣлѣ) все находитъ успокоеніе, то оно является какъ бы глубокимъ сномъ.

48. Поэтому оно также названо мѣстомъ растворенія грубыхъ и тонкихъ тѣлъ.

49. Какъ множественности лѣса, разсматривая его раздѣльно, даютъ названіе деревьевъ, или множественности морей, разсматривая его раздѣльно, даютъ названіе водъ, такъ и невѣдѣніе является многообразнымъ, если принять его множественность во вниманіе.

50. Ибо въ Писаніи сказано: Черезъ иллюзію Йндра (посредствомъ иллюзіи) является во множествѣ формъ (Rigveda 4, 7, 18).

51. Итакъ, слово раздѣльность или совокупность употребляется въ зависимости отъ того, обозначаетъ ли оно раздѣльное или совокупное невѣдѣніе.

52. Раздѣльность состоитъ также преимущественно изъ гармоніи (Саттва), но такъ какъ ограниченный менѣе Высокій духъ, то и состоитъ изъ смѣшанной гармоніи (Саттва).

53. Духъ, ограниченный этой раздѣльностью, имѣетъ своими качествами малознаніе и безсиліе, и именуется Мудрецомъ (prajna [3]) ибо просвѣтляетъ только частичное невѣдѣніе.

---

[1]) Aja (сансаръ) обозначаетъ въ одно и то же время козу и нерожденное и символизируетъ матерію.

[2]) Corps causal.

[3]) Пражна.

54. Его Мудрость не въ состояніи просвѣтить невѣдѣніе въ сильной степени, ибо ограничивающая его среда не прозрачна.

55. Раздѣльность невѣдѣнія, являющаяся причиной самосознанія (ahamkara) и т. п., есть его причинное тѣло.

56. Оно (причинное тѣло) также названо оболочкой блаженства, ибо полно блаженства и облекаетъ его какъ оболочка.

57. Въ немъ все находитъ успокоеніе и оттого оно является глубокимъ сномъ.

58. Поэтому оно также названо мѣстомъ растворенія грубыхъ и тонкихъ тѣлъ.

59. При этомъ оба — Господь (Ishvara) и Мудрецъ (Prajna) испытываютъ блаженство въ силу очень тонкихъ измѣненій, вносимыхъ просвѣтленнымъ духомъ въ невѣдѣніе [1]).

60. Ибо въ Писаніи сказано: „Мудрецъ испытываетъ блаженство и сознаніе ему служитъ вмѣсто устъ"... (Maud. Up. 1, 5) это же согласуется съ сознаніемъ просыпающагося и говорящаго: я прекрасно спалъ, не сознавая ничего".

61. И нѣтъ разницы между этими двумя (совокупностью и раздѣльностью), какъ нѣтъ ея между лѣсомъ и деревьями, моремъ и водами.

62. Также нѣтъ разницы между Господомъ (Ishvara) и Мудрецомъ (Prajna) ограничивающей ихъ (совокупностью и раздѣльностью невѣдѣнія), какъ и нѣтъ ея между воздушнымъ пространствомъ, заключеннымъ лѣсомъ или заключеннымъ деревьями; или небомъ, отраженнымъ моремъ и небомъ, отраженнымъ водами.

63. Ибо въ Писаніи сказано: „Онъ Господь всего сущаго... (Mund. Up. 1, 6).

64. Также какъ существуетъ неограниченное пространство, вмѣщающее въ себѣ и лѣсъ и деревья и заключенное ими воздушное пространство и море, и воды и отраженное ими небо, также существуетъ чистая духовность, вмѣщающая въ себѣ и невѣдѣніе и оба ограниченныхъ духа, носящихъ названіе Четвертаго (Turiyam). Ибо сказано въ Писаніи: „Полно блаженства, полно успокоенія, не двойственное — такимъ является Четвертое (Mund. Up. 2, 7).

65. Это Четвертое состоящее изъ чистой духовности, не отдѣленное отъ невѣдѣнія и двухъ ограниченныхъ духа, похоже на раскаленный желѣзный шаръ и являетъ истинный смыслъ вели-

---

1) *Прим. ред.* буквально: въ силу очень тонкихъ измѣненій невѣдѣнія просвѣтленнаго духа.

каго слова (tat tvam asi—это ты); отдѣленное же отъ невѣдѣнія и двухъ ограниченныхъ духа, оно являетъ его переносный смыслъ.

66. Невѣдѣніе обладаетъ двумя силами: силой обволакиванія и силой простиранія.

Примѣчаніе къ главѣ II. О ложномъ приданіи (Adhyaropa).

Слово Adhyaropa, которое мы переводимъ „ложнымъ приданіемъ" переводится Дейссеномъ—Aufbürdung, Бётлингомъ—falsche Ubertragung, Джэкобомъ—illusory attribution. Происходитъ оно отъ корня ruh—увеличивать, разростаться, нагромождать, префиксъ adhia имѣетъ значеніе ложнаго нагроможденія, придатка. Слово это должно передать ту основную мысль Садананза, что невѣдѣніе, создаетъ матеріальную, иллюзорную сторону жизни и ею окутываетъ Брахмана или Атмана. Другими словами, Нереальному ложно придается значеніе Реальнаго. Причиной этого ложнаго приданія является невѣдѣніе (ajuana, avidya), которое, въ тоже время, становится во главѣ всего нереальнаго. Его нельзя опредѣлить ни бытіемъ, ни небытіемъ, о немъ лишь сказано, что состоитъ оно изъ тѣхъ трехъ качествъ, которыя играютъ столь видную роль въ систамѣ Санкхіа, именуясь импульсомъ и причиной разновидностей проявленій; Саттва, Раджасъ и Тамасъ обозначаютъ въ широкомъ смыслѣ противоположности и среднее между ними состояніе, напр. Свѣтъ, Тьма и среднее между свѣтомъ и тьмой. Переводятся они также: уравновѣшенностью, страстностью и безстрастіемъ, или гармоніей, движеніемъ и инерціей. Эти три качества невѣдѣнія, позволяютъ ему создать или вообразить Иллюзію міроздания.

Прежде всего оно ограничиваетъ высшую духовность, Брахмана, придавъ и ему качества или атрибуты; безъатрибутный Брахманъ, ограниченный совокупностью невѣдѣнія, состоящаго изъ *чистой* Саттва (свѣта, гармоніи), становится Господомъ, (Духомъ Міровымъ Ishvara) всезнающимъ, всемогущимъ и т. д.

Тутъ мы должны немного остановиться на словѣ „ограничивать". Невѣдѣніе является ограниченіемъ духа; это ограниченіе (Upadhi) служитъ въ то же время основаніемъ и необходимымъ условіемъ проявленія. Понятіе объ Upadhi встрѣчается во многихъ системахъ и можетъ толковаться по разному. Веданта насчитываетъ 4 такихъ условій или ограниченій, къ которымъ иногда еще прибавляется пятое; въ системѣ (Nyâyâ) Ньяя оно является необходимымъ условіемъ двухъ соотношеній. Для теософа же интересно прослѣдить Upadhi въ Тайной Доктринѣ Е. П. Блаватской и взглянуть на діаграмму въ I т. на 177 стр. англ. изданія.

Параллельно съ ограниченіемъ проявляющагося Господа раздѣльное, частичное невѣдѣніе, состоящее изъ *смѣшанной* Саттва (свѣта, гармоніи) ограничиваетъ Атмана и превращаетъ его въ мудреца (индивидуальный духъ, Prajna). — Итакъ мы имѣемъ ограниченіе за ограниченіемъ, которыя превращаютъ Брахмана въ: 1) Міровой духъ (Ishvara), 2) Міровую душу (Sutratman) и 3) Міровое тѣло (Vaisvanara); Атмана же въ: 1) Индивидуальный духъ (Prajna), 2) индивидуальную душу (Taijava) и 3) индивидуальное тѣло (Visva). Этимъ ограниченнымъ Брахману и Атману противопоставляется ограничивающее ихъ невѣдѣніе, какъ совокупное, такъ и частичное. Оно служитъ имъ тѣломъ и оболочкой. Первымъ такимъ тѣломъ является причинное тѣло (Karanasariram), ибо оно содержитъ въ себѣ причину всего; оно же является мѣстомъ растворенія грубыхъ и тонкихъ тѣлъ, и такъ какъ все находитъ въ немъ успокоеніе, то названо оно также глубокимъ сномъ. Первая же оболочка, есть оболочка блаженства (anandamayá—коза).

Объ оболочкахъ будетъ сказано болѣе обстоятельно—ниже, здѣсь же скажемъ лишь, что оболочка носитъ это названіе, потому что Господь и Мудрецъ, облеченные ею, испытываютъ, въ силу очень тонкихъ измѣненій (вибрацій), высшее блаженство. Замѣтимъ еще, что между міровымь духомъ и индивидуальнымъ духомъ—нѣтъ разницы по существу; они разны постолько, посколько лѣсъ отличается отъ отдѣльныхъ деревьевъ или море отъ воды. Надъ ними находится „Четвертое“ (Turiyam) Брахманъ, (напомнимъ мимоходомъ, что въ четырехъ состояніяхъ—бодрствованія, сна, глубокаго сна и Четвертаго (Turiyam) мы имѣетъ параллель съ четырьмя ограниченіями). Это „Четвертое“—чистая духовность, которая вмѣщаетъ и Господа и Мудреца, какъ воздушное пространство вмѣщаетъ и лѣсъ и деревья. Она проникаетъ ихъ, какъ калильный жаръ проникаетъ желѣзный раскаленный шаръ. Въ этомъ прямомъ, смыслѣ нужно понимать великія слова „tat tvam asi“—„то ты еси„. Въ переносномъ же смыслѣ можно его истолковывать иначе, а именно: „и ты, и то—Четвертое“.

А. Сила окутыванія. (Avaranasakti).

67. Обратимся къ силѣ окутыванія. Подобно маленькой тучкѣ, заслоняющей кругозоръ наблюдателя и скрывающей, такимъ образомъ отъ него далеко отстоящій солнечный дискъ, ограниченное невѣдѣніе, заслоняя разумъ наблюдателя скрываетъ отъ него неограниченный духъ, не подлежащій больше круговороту возрожденій. Вотъ какова сила окутыванія.

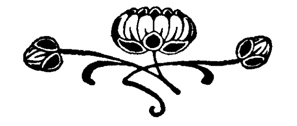
68. Ибо сказано: Когда тучка заслоняетъ глазъ глупцу, тотъ думаетъ что само солнце скрылось и потеряло блескъ свой; также кажется глупцу съ затемненнымъ взоромъ, что его „я“ сковано, хотя по существу своему оно вѣчное созерцаніе.

69. Въ этомъ окутанномъ духѣ является ложное представленіе о своей принадлежности къ круговороту жизни. Онъ мнитъ себя дѣятельнымъ, наслаждающимся, испытывающимъ горе и радость; такое же ложное представленіе будитъ въ насъ окутанная нашимъ невѣдѣніемъ веревка, которую мы принимаемъ за змѣю.

Примѣчаніе къ отдѣлу А II главы. Сила окутыванія (Avaranasakti).

Намъ говорится здѣсь, что невѣдѣніе владѣетъ двумя силами, которыя создаютъ Иллюзію мірозданія. Первая изъ нихъ—сила окутыванія по Деиссену и Бётлингу—Verhüllungs Kraft, по Джэкобо power of envelopment or concealment)—подобна тучкѣ, скрывающей солнце отъ глаза наблюдателя такъ, что тотъ можетъ подумать, что солнца нѣтъ. Эта сила иллюзіи окутываетъ духъ и внушаетъ ему ложное понятіе о его принадлежности къ круговороту жизни.

И. М.

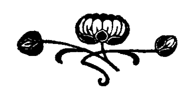

Жизнь наша есть наше сознаніе себя вѣчнымъ, безконечнымъ, т. е. безвременнымъ и внѣпространственнымъ духомъ, ограниченнымъ условіями временныхъ и пространственныхъ явленій.

Душа человѣка божественна.

Ставить свои собственныя духовныя силы внѣ зависимости отъ силы Божеской—это все равно, что вѣрить, что мѣхъ не есть приборъ, лишь пропускающій черезъ себя воздухъ, а самостоятельный источникъ, самъ изъ себя его производящій, и что, слѣдовательно, онъ могъ бы дуть и въ безвоздушномъ пространствѣ. Такъ учитъ Лао-Тсе.

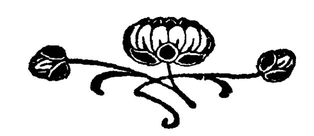
Изъ Круга Чтенія Л. Толстого.

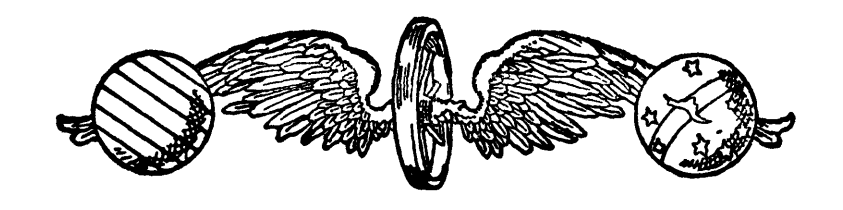

Черезъ жизни.

Помнишь пѣсни урагана,
Глушь невѣдомыхъ лѣсовъ,
Становище у кургана,
Звукъ гортанныхъ голосовъ.
Кровь — оружія бряцанье,
Звѣря хищническій вой.
И полярное сіянье
Озаряетъ насъ съ тобой.
Помнишь ты равнины Нила,
Храмъ божественнаго Пта.
Озимандія могила,
Весты жертвенной мечта.
Помнишь ночь у пирамиды,
Сонныхъ лотосовъ цвѣты.
Жду я, вѣрный жрецъ Изиды,
И ко мнѣ приходишь ты.
Чрезъ столѣтья повторялись
Наши встрѣчи, наши сны,
И какъ прежде разгорались
Грезы юныя весны.
И теперь, какъ и когда-то,
Голосъ твой звучитъ любя.
Сердцемъ друга, сердцемъ брата
Я привѣтствую тебя.

Сергѣй Гедройцъ.

Заживо обоготворенный.

Лэфкадіо Хӧрнъ *).

Съ незапамятныхъ временъ берега Японіи заливались въ разные промежутки, иногда черезъ нѣсколько столѣтій, чудовищными приливами, вызываемыми землетрясеніемъ или дѣйствіемъ подводныхъ вулканическихъ силъ. Это ужасающее внезапное поднятіе моря называется японцами *tsunami*. Послѣднее изъ такихъ поднятій произошло вечеромъ 17 іюня 1896 г., когда волна— длиною почти въ 200 миль — ударилась о сѣверо-восточный берегъ, затопила провинціи Міячи, Иватэ и Аомори, разрушила множество городовъ и деревень, разорила цѣлые округа и уничтожила около 30.000 человѣческихъ жизней. Исторія Іамагуши Гохеи представляетъ собой исторію какъ разъ такого бѣдствія, случившагося много ранѣе эры Менджи, въ другой части японскаго побережья.

Онъ былъ уже старымъ человѣкомъ во время катастрофы, сдѣлавшей его знаменитымъ. Онъ былъ самымъ вліятельнымъ жителемъ своей деревни и въ теченіе многихъ лѣтъ избирался на должность ея головы, *muraosa*, и былъ онъ столько же любимъ, какъ и уважаемъ. Народъ называлъ его обыкновенно *Ojüsan*, что означаетъ дѣдушка; но такъ какъ онъ былъ самымъ богатымъ членомъ общества, его иногда называли оффиціальнымъ именемъ *Choja*. Онъ имѣлъ обыкновеніе давать полезные совѣты своимъ односельчанамъ, мелкимъ фермерамъ, разрѣшать ихъ споры, ссужать ихъ въ нуждѣ деньгами и устраивать для нихъ сдѣлки по продажѣ риса на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Большая ферма Іамагуши, построенная изъ тростника, стояла на окраинѣ небольшой возвышенности, съ которой открывался свободный видъ на заливъ. Возвышенность, покрытая главнымъ

*) Отрывокъ изъ книги Л. Хӧрн'а „Gleamings in Buddha-Fields“.

образомъ рисовыми плантаціями, была съ трехъ сторонъ окаймлена покрытыми густымъ лѣсомъ холмами. Съ открытой своей стороны она спускалась огромной зеленой выемкой, словно нарочно выкопанной, до самаго берега моря; и весь этотъ скатъ, длиною въ три четверти мили, если глядѣть на него съ открытаго моря, имѣлъ видъ огромной лѣстницы съ зелеными ступенями, раздѣленными по самой серединѣ узкимъ бѣлымъ зигзагомъ—дорогой, ведущей съ морского берега на вершину. Девяносто камышевыхъ хижинъ и храмъ Шинто, которые составляли всю деревню, были расположены на берегу круглой бухты; остальные дома лѣпились по скату, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги, которая вела къ дому Іамагуши.

Въ одинъ осенній вечеръ Іамагуши Гохеи смотрѣлъ съ балкона своего дома на приготовленія дѣлавшіяся внизу, въ деревнѣ, къ сельскому празднику. Былъ собранъ большой урожай риса и крестьяне собирались отпраздновать удачную жатву танцами во внутреннемъ дворѣ храма *Ujigami* *). Старый человѣкъ могъ видѣть съ своего балкона праздничныя знамена, развѣвавшіяся надъ крышами хижинъ, ряды бумажныхъ фонарей, спускавшіеся фестонами между бамбуковыми шестами, праздничныя украшенія на храмѣ и нарядно разодѣтую толпу молодежи. Въ этотъ вечеръ съ нимъ не было никого, кромѣ его маленькаго внука, мальчика лѣтъ десяти; остальные домочадцы уже давно отправились въ деревню. И онъ отправился бы съ ними, если бы не почувствовалъ себя въ этотъ день слабѣе обыкновеннаго.

Жара въ этотъ день была гнетущая и, несмотря на поднимавшійся время отъ времени вѣтерокъ, въ воздухѣ повисъ тотъ особый, тяжелый зной, который, по наблюденіямъ японскихъ крестьянъ, всегда предшествуетъ землетрясенію. И дѣйствительно, произошло землетрясеніе. Оно было не достаточно сильно, чтобы испугать народъ, но Іамагуши, который на своемъ вѣку пережилъ не менѣе сотни землетрясеній, подумалъ что на этотъ разъ было что то странное—движеніе было слишкомъ длинное и черезчуръ медленное. Можетъ быть, это былъ лишь отголосокъ какого нибудь огромнаго подземнаго взрыва, происшедшаго гдѣ нибудь очень далеко. Домъ затрещалъ и тихо покачнулся нѣсколько разъ; затѣмъ все снова затихло.

Когда колебаніе прекратилось, старые проницательные глаза Іамагуши устремились съ выраженіемъ тревоги на деревню. Бы-

*Приходскій храмъ Шинто.

ваетъ нерѣдко, что вниманіе человѣка, пристально глядящаго на одну опредѣленную точку, внезапно отвлекается какимъ то неопредѣленнымъ чувствомъ, что видишь нѣчто помимо этой точки, смутнымъ ощущеніемъ чего то необычайнаго въ томъ неясномъ кругѣ воспріятія, который *лежитъ за* полемъ яснаго зрѣнія. Такимъ образомъ случилось, что Іамагуши замѣтилъ нѣчто необычайное, творящееся на морской поверхности. Онъ всталъ на ноги и началъ пристально смотрѣть въ море. Оно какъ то слишкомъ внезапно потемнѣло и съ нимъ происходило что то странное. Казалось, что оно двигается противъ вѣтра. *Море отливало отъ земли.*

Черезъ короткое время вся деревня замѣтила странное явленіе. Повидимому внизу никто не почувствовалъ сотрясенія почвы, но всѣ видимо дивились движенію воды. Многіе побѣжали на самый берегъ и даже далѣе, двигаясь за убѣгающей волной, чтобы поближе посмотрѣть на необыкновенное явленіе, Никогда такого отлива не видано было на этомъ берегу, съ тѣхъ поръ какъ люди поселились здѣсь.

Невиданныя вещи начали возникать передъ взорами наблюдающихъ. Никогда не открывавшіяся до тѣхъ поръ пространства серебристаго песка и опутанныхъ морскими травами скалъ, быстро обнажались передъ взоромъ Іамагуши. И никто изъ собравшагося внизу народа, очевидно, не угадывалъ, *что* означаетъ этотъ чудовищный отливъ.

Іамагуши Гохеи и самъ никогда не видалъ ничего подобнаго; но онъ вспомнилъ разсказы, слышанные имъ въ дѣтствѣ отъ стараго дѣда, который зналъ всѣ преданія береговой страны. Онъ понялъ, *что* намѣревается сдѣлать море. Можетъ быть, онъ подумалъ о времени, необходимомъ для того, чтобы послать вѣсть въ деревню или къ священнику буддійскаго храма на холмѣ, чтобы онъ зазвонилъ въ большой колоколъ... Но разсказывать, что̀ онъ могъ подумать, возьметъ гораздо больше времени, чѣмъ это потребовалось для его мысли. Онъ подумалъ и крикнулъ своему внуку: „Тада! скорѣй, какъ можно скорѣй!.. Зажги мнѣ факелъ!“

Таиматсу или сосновые факелы находятся въ большинствѣ приморскихъ жилищъ для зажиганія сигнальныхъ знаковъ во время бурныхъ ночей, а также и для употребленія во время извѣстныхъ религіозныхъ празднествъ Шинто. Мальчикъ немедленно зажегъ факелъ, а старый Іамагуши поспѣшилъ съ нимъ на свои поля, гдѣ сотни рисовыхъ скирдовъ, которые предста-

вляли все его богатство, стояли въ ожиданіи перевозки съ поля. Подойдя къ тѣмъ скирдамъ, которые находились ближе къ склону, онъ началъ ихъ зажигать факеломъ, спѣша отъ одного къ другому такъ скоро, какъ только позволяли его старые ноги. Высушенные солнцемъ стебли загорались какъ трутъ, усилившійся морской вѣтеръ раздувалъ пламя по направленію земли и вскорѣ— рядъ за рядомъ — скирды запылали, выбрасывая къ небу столбы дыма, которые, поднявшись на высоту, соединялись въ огромный сѣрый вихрь. Тада, удивленный и перепуганный, бѣжалъ за своимъ дѣдомъ крича:

— „Оджиизанъ! Зачѣмъ? Оджиизанъ! Зачѣмъ?.. зачѣмъ?..“

Но Іамагуши не отвѣчалъ; у него не было времени для объясненія; онъ думалъ только о четырехстахъ жизняхъ, которыя находились въ смертельной опасности. Нѣкоторое время мальчикъ таращилъ испуганные глаза на пылающіе скирды; затѣмъ онъ залился слезами и побѣжалъ назадъ къ дому, увѣренный, что его дѣдъ сошелъ съ ума. А Іамагуши переходилъ отъ скирда къ скирду, поджигая ихъ всѣ подрядъ, пока не достигъ границы своего поля; послѣ этого онъ бросилъ на землю факелъ и началъ ждать. Аколитъ *) при храмѣ, замѣтивъ пламя, принялся звонить въ большой колоколъ и народъ немедленно отвѣтилъ на тревожный призывъ **). Іамагуши наблюдалъ, какъ они поспѣшно покинули пески, перебѣжали береговую линію и направились въ деревню подобно муравьиной рати и, какъ казалось его встревоженному сердцу, двигались не быстрѣе муравьевъ. Всѣ послѣдующіе моменты тянулись ужасающе медленно для него. Солнце садилось; морщинистое ложе залива и обширное, желтоватое испещренное пространство за бухтой, лежало обнаженное и загорѣвшееся подъ оранжевымъ огнемъ заката; а море все еще продолжало мчаться по направленію къ горизонту.

На самомъ дѣлѣ, Іамагуши пришлось ждать не очень долго, пока появилась первая партія, проворная толпа деревенскихъ юношей, поспѣшившихъ впереди другихъ на борьбу съ пожаромъ. Но Чойіа, протянувъ обѣ руки, остановилъ ихъ.

---

*) Церковный прислужникъ.

**) Въ японскихъ деревняхъ обычаи, освященные вѣковымъ опытомъ, имѣютъ силу закона; къ такимъ обычаямъ принадлежитъ дружная взаимопомощь во время различныхъ бѣдствій; такъ, во время пожаровъ, *всѣ* жители безъ исключенія, и старые и малые, обязаны оказывать помощь по мѣрѣ силъ. На этомъ обычаѣ, свято выполняемомъ, основанъ весь разсказъ, передающій истинное происшествіе.

„Пускай горитъ, ребята,—скомандовалъ онъ,—бросьте! Нужно, чтобы вся *мура* собралась около меня. Настала великая опасность—*taihen da!*“

Собралась вся деревня и Іамагуши пересчиталъ всѣхъ. Прежде всѣхъ появились молодые люди и мальчики и не малое число наиболѣе подвижныхъ женщинъ и дѣвушекъ; затѣмъ подошли наиболѣе старые и матери со своими младенцами за спиной и маленькія дѣти, ибо и дѣти могли помогать, передавая воду; а старики, слишкомъ слабые, чтобы поспѣть за передовыми, спѣшили позади, поднимаясь по крутому склону. Растущая толпа, все еще ничего не понимавшая, смотрѣла поочередно то на пылающее поле, то на застывшее лицо своего Чойіа. Въ это время солнце скрылось за горизонтомъ.

„Дѣдъ сошелъ съ ума! Я боюсь его!..“ — рыдалъ Тада въ отвѣтъ на многочисленные вопросы. — „Онъ вправду сошелъ съ ума! Онъ умышленно поджигалъ скирды... я самъ видѣлъ!“

„Мальчикъ говоритъ правду,—закричалъ Іамагуши,—я поджегъ рисъ... всѣ ли собрались?“

Всѣ главы семей осмотрѣлись кругомъ, взглянули внизъ на дорогу, ведущую къ холму, и отвѣтили: „всѣ здѣсь, или скоро будутъ всѣ... но мы ничего не можемъ понять“.

„Море!“—закричалъ старый человѣкъ во всю мочь, указывая на морскую даль.—„Говорите теперь, что я сошелъ съ ума!“

Всѣ взглянули на востокъ и увидали сквозь сгущающіяся сумерки на мрачномъ горизонтѣ длинную, тонкую, тусклую линію, подобную тѣни отъ берега, гдѣ никакого берега не было,—линію, которая увеличивалась по мѣрѣ того, какъ они смотрѣли на нее, ширилась какъ ширится береговая линія для глазъ приближающагося къ ней, но — безконечно быстрѣе. Эта темная линія была ничто иное, какъ возвращающееся море, вздымавшееся какъ высокія горы, или какъ несущійся съ ужасающей быстротой необъятный утесъ, съ бо́льшей быстротой, чѣмъ летитъ самая быстрая птица.

„*Tsunami!*“ закричалъ народъ, а затѣмъ всѣ крики и всѣ звуки, и самая возможность слышать звуки поглотилась небывалымъ по силѣ ударомъ, сильнѣе всякаго грома, когда колоссальная водяная гора ударилась о берегъ съ такой тяжестью, которая заставила содрогнуться всѣ прибрежные холмы.

Затѣмъ, въ теченіе минуты не было видно ничего кромѣ бури брызгъ, несшихся на верхъ холма, подобно огромному облаку; и народъ бросился назадъ вразсыпную въ паникѣ, какъ бы отбро-

шенный этой нѣмой угрозой. Когда они рѣшились взглянуть снова — передъ ними разстилалась клокочущая и бушующая поверхность моря, страшныя водовороты, клоки пѣны, яростныя волны — и весь этотъ ужасъ неистовствовалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ только что стояли ихъ дома. Вслѣдъ за тѣмъ, водяная гора отступила назадъ съ страшнымъ ревомъ, вырывая на своемъ пути большіе куски почвы. Дважды, трижды, и еще, и еще разъ море набрасывалось на землю и уносилось назадъ, но каждый разъ его ярость ослабѣвала; затѣмъ оно возвратилось въ свое прежнее ложе и остановилось, все еще бушуя, какъ послѣ тифона.

На высокой площадкѣ, гдѣ собрались перепуганные люди, долго никто не произносилъ ни слова. Всѣ безмолвно смотрѣли на опустошеніе внизу, на страшную картину разбитыхъ скалъ, разверстыхъ утесовъ, на развороченное пространство бывшей деревни и храма, съ разрушенными домами, опутанными огромными морскими водорослями и заваленными круглыми валунами. Деревни болѣе не существовало; на мѣстѣ полей была, какъ бы изрытая и заваленная морскими отбросами, зіяющая рана; и даже выше расположенныя террасы перестали существовать, а отъ всѣхъ домовъ, стоявшихъ вокругъ бухты, не осталось ничего, кромѣ двухъ соломенныхъ крышъ, бросаемыхъ морскими волнами туда и сюда.

Ужасъ только что избѣгнутой смерти и оцѣпенѣніе при видѣ погибшаго имущества наложили на всѣ уста печать молчанія; первымъ раздался голосъ Іамагуши, который мягко сказалъ:

„*Вотъ почему я зажегъ скирды риса*“.

Онъ, ихъ Чойіа, стоялъ теперь между ними почти столь же бѣдный, какъ и бѣднѣйшій изъ нихъ, ибо его богатство ушло, но за то его жертва спасла четыреста жизней. Маленькій Тада прибѣжалъ къ нему, схватилъ его руку и сталъ просить прощенія за то, что подумалъ о немъ такъ дурно. Послѣ этого весь народъ понялъ вполнѣ ясно, почему всѣ они остались въ живыхъ и всѣ начали дивиться тому простому, безкорыстному предвидѣнью, которое спасло ихъ всѣхъ; и старые люди поклонились до земли передъ Іамагуши Гохеи и весь народъ палъ ницъ передъ нимъ.

Видя это, старый человѣкъ заплакалъ, отчасти отъ того, что сильно радовался, отчасти благодаря тому, что былъ старъ и слабъ и пережилъ сильное испытаніе.

„Мой домъ сохранился“, — сказалъ онъ, когда нашелъ въ себѣ силу заговорить, ласково гладя смуглыя щеки Тада. — „Въ

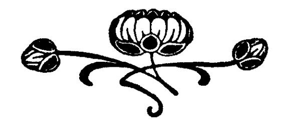
немъ найдется мѣсто для многихъ. И храмъ на холмѣ сохранился, въ немъ найдутъ прiютъ остальные“.

Затѣмъ онъ пригласилъ всѣхъ слѣдовать за нимъ, къ его дому; народъ сопровождалъ его криками благодарности.

Бѣдственный перiодъ длился долго, потому что въ тѣ времена не было удобныхъ сообщенiй между разными областями, а помощь, которая была необходима, присылалась издалека. Но когда пришли лучшiя времена, народъ не позабылъ своей благодарности къ Iамагуши Гохеи. Они не могли сдѣлать его богатымъ; да и онъ не согласился бы, если бы это было возможно. Кромѣ того, никакiе дары не могли выразить ихъ благоговѣйныхъ чувствъ, ибо они были увѣрены, что въ немъ живетъ божественный духъ. И они объявили его богомъ и прибавили къ его имени Iамагуши имя *Daimyōjin*, думая, что бо̀льшей почести они не могли оказать ему. И дѣйствительно, большей почести не могла оказать ни одна страна смертному человѣку. И когда они вновь построили деревню, они возвели храмъ въ честь его духа и прикрѣпили надъ дверью храма таблицу, на которой его имя было написано золотыми китайскими буквами; и они поклонялись ему въ этомъ храмѣ съ молитвами и приношенiями.

Какъ *онъ* относился къ этому—не могу сказать. Знаю только, что онъ продолжалъ жить въ своемъ старомъ тростниковомъ домѣ, на верху холма, со своими дѣтьми и съ дѣтьми своихъ дѣтей, также просто и гуманно, какъ и до тѣхъ поръ, въ то время какъ духу его поклонялись въ святилищѣ, построенномъ внизу. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ онъ умеръ, но храмъ въ его честь стоитъ и до сихъ поръ, и народъ продолжаетъ молиться духу стараго добраго фермера, прося его помощи въ минуты нужды или опасности.

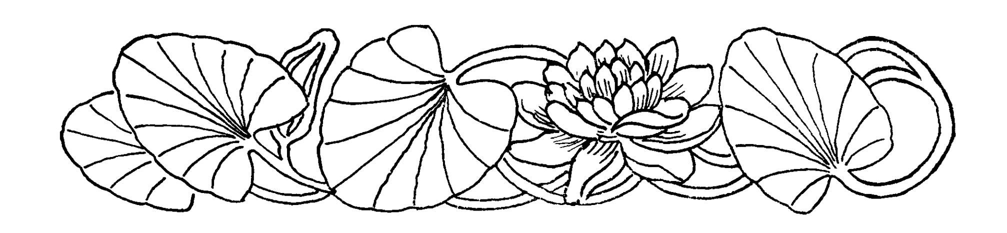
Пер. съ англiйскаго **Е. П.**

Память о томъ, что въ человѣкѣ живетъ Богъ, сильнѣе всего удерживаетъ человѣка отъ зла и помогаетъ дѣлать доброе.

Изъ Круга Чтенiя Л. Толстого.

Обозрѣніе Теософической литературы.

Въ Theosophist'ѣ продолжена статья А. Безантъ о кармѣ, и сжатымъ изложеніемъ системы планетарныхъ цѣпей заканчивается „Руководство по теософіи“ Ч. Ледбитера. Въ статьѣ, озаглавленной „Нѣкоторыя соображенія, касающіяся теософіи“, и принадлежащей перу гр. Кайзерлинга, авторъ ея—не теософъ, и который „врядъ-ли когда нибудь имъ станетъ“, какъ онъ самъ говоритъ, относится, однако, весьма сочувственно къ теософическимъ ученіямъ и именно вслѣдствіе его симпатіи къ ней, онъ рѣшается указать на тѣ недочеты, которые, по его мнѣнію, мѣшаютъ ей стать величайшей жизненной силой въ современномъ мірѣ; при устраненіи же ихъ онъ находитъ ее способной занять это положеніе. Но упреки, которые онъ ставитъ теософическому ученію основаны на недоразумѣніи, или на недостаточномъ ознакомленіи съ разбираемой имъ религіозно-философской системой. Такъ, онъ говоритъ, что она основана не на подлинныхъ ученіяхъ древнихъ индусскихъ мудрецовъ, а на комментаріяхъ къ нимъ ихъ многочисленныхъ толкователей, во многихъ случаяхъ исказившихъ первоначальное ученіе.

Второе существенное недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, теософія призываетъ всѣхъ послѣдователей къ аскетизму, тогда какъ далеко не всѣ рождены аскетами, и миссія каждаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы развить до совершенства лично ему присущія качества и дарованіе, а не въ усвоеніи чуждыхъ ему путей развитія. Здѣсь авторъ ломится въ настежъ открытую дверь, такъ какъ индивидуализація усилій сообразно съ особенностями натуры каждаго человѣка въ отдѣльности и составляетъ именно ту жизненность и гибкость теософіи, которая дѣлаетъ ее примѣнимой ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни, во всѣхъ странахъ и во всѣ вѣка. Авторъ, повидимому, не озна-

комился основательно съ ученіемъ о дхармѣ, вошедшемъ цѣликомъ въ теорію и практику теософическихъ ученій.

Гр. Кайзерлингъ—авторъ многихъ философскихъ сочиненій, написанныхъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ, вращается, слѣдовательно, совершенно свободно въ области отвлеченнаго мышленія; статья его написана чрезвычайно блестяще и читается съ большимъ интересомъ; мысль его смѣла и онъ не боится крайнихъ выводовъ; такъ напр. онъ утверждаетъ, что „истинное значеніе и важность имѣетъ лишь *выраженіе*, приданное духу на какомъ бы то ни было планѣ; такъ что совершенная физическая красота, конечно, цѣннѣе скудной философской системы или несовершеннаго святаго, потому что она представляетъ собою полное и цѣльное воплощеніе духовнаго принципа, чѣмъ никогда не можетъ быть нѣчто несовершенное".

Не безынтересенъ и достаточно наивенъ его взглядъ на теософію вообще. „Не знаю, какова въ конечномъ итогѣ цѣнность теософіи какъ общей теоріи бытія; поэтому оставляю этотъ вопросъ въ сторонѣ. Но я къ ней пристрастился. Какъ то невольно любуешься тѣми, кто смѣетъ то, что никогда не посмѣлъ бы самъ. Къ тому же теософія, дѣйствительно, очаровательна. Она такъ непосредственно молода и неопытна, несмотря на то, что выдаетъ себя за древнюю старушку. Она необычайно повышаетъ темпъ жизни своей безудержной смѣлостью, и подобно многимъ удалымъ юнымъ рыцарямъ, отправлявшимся совершать невозможные подвиги, она, можетъ быть, и сдѣлаетъ ихъ возможными, хотя бы до нѣкоторой степени; поэтому я и хотѣлъ бы помочь ей въ ея дальнѣйшемъ развитіи, поскольку мнѣ то позволяетъ пониманіе ея положенія".

Въ томъ же журналѣ есть статья одного мусульманина, Навабъ-Гуссейна, сообщающаго, что мусульманскій міръ ожидаетъ близкаго пришествія Пророка, согласно преданіямъ и пророчествамъ своихъ священныхъ книгъ. „Онъ установитъ вселенскую религію и весь міръ будетъ слѣдовать ученіямъ божественной мудрости и поклоняться одному богу". Съ нимъ появятся высокія личности, оставившія міръ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Въ статьѣ Э. Виль: „отношеніе человѣка къ своей средѣ", мы читаемъ слѣдующія интересныя строки: „Логосъ дѣлится свободно своимъ бытіемъ, отдаетъ себя всѣмъ въ таинствѣ жизни; то же самое и мы должны дѣлать въ нашихъ маленькихъ мірахъ, если хотимъ жить въ гармоніи съ его начертаніями. Эта идея была такъ широко признана, что тамъ, гдѣ этотъ духъ самопожертвованія проявлялся въ совершенствѣ, хотя бы въ ограниченномъ кругѣ

одной личной жизни, эти лица неизмѣнно соединялись въ человѣческой мысли съ Логосомъ, какъ его воплощеніе и его жизнь, и біографіи ихъ перерабатывались въ народномъ преданіи по образцу вѣчно повторяющагося солнечнаго миѳа.

Насколько мы понимаемъ, цѣль міра есть повидимому эволюція индивидуализированнаго сознанія и созданіе расы божественныхъ людей. Духъ долженъ сознать себя черезъ матерію и каждая сознательная единица должна пріобрѣсти путемъ опыта силу и мудрость, необходимыя для того, чтобы служить въ свою очередь центромъ все-жизни, сѣменемъ будущей вселенной".

Далѣе приводится цѣлый рядъ афоризмовъ Филиппа Ойлера, свидѣтельствующихъ о глубинѣ его души. Не можемъ не привести нѣкоторыхъ изъ нихъ:

„Если вы хотите понять, на какихъ же реальныхъ основахъ воздвигнуты наши законы, наши нравственные кодексы, наши вѣрованія и условности, выйдите въ міръ одни и безъ гроша; останьтесь безъ пищи три дня въ зимнюю стужу и вы вскорѣ начнете смотрѣть на всѣхъ другими глазами, болѣе широко и правильно. Затѣмъ вернитесь домой и сдѣлайте вашу жизнь и жизнь окружающихъ васъ проще". Проскальзываетъ у него и столь близкая нашей русской душѣ идея странствованія:

„Есть одинъ только способъ путешествія—это пѣшкомъ и безъ опредѣленной цѣли. Скорое передвиженіе дастъ тѣ же результаты, какъ и быстрая ѣда—несвареніе".

„Поступки ваши могутъ сдѣлать добро лишь немногимъ. Ваши мысленныя волны любви могутъ омывать берегъ каждаго сердца".

Въ „Path" мы читаемъ статью: „Наша сложная цивилизація" (*Our perplexed civilisation*), указывающая, что цивилизація должна была бы быть процессомъ претворенія; между тѣмъ мы нерѣдко упраздняемъ какое-нибудь установленіе, не усвоивъ еще его принципа; мы не вполнѣ поняли еще, что цѣль эволюціи есть расширеніе сознанія и упускаемъ изъ виду, что форма есть лишь средство для достиженія цѣли и что „творческій импульсъ въ нашемъ сердцѣ не можетъ навѣки заключить себя въ одну форму или въ одинъ обычай, какъ бы прекрасны они ни были. Отъ патріархальнаго склада жизни, когда царствовали правители, столь мудрые, что на нихъ народы взирали какъ на учителей, мы перешли къ индивидуалистическому строю, въ своемъ крайнемъ развитіи въ современномъ мірѣ произведшемъ такое неравенство въ жизни, что мы чувствуемъ, что что-нибудь должно быть сдѣлано,

чтобы измѣнить порядокъ вещей. Явился соціализмъ, общественность какъ протестъ противъ индивидуализма и безчисленное количество общественныхъ организацій, реформаторій, благотворительныхъ заведеній, больницъ, публичныхъ каѳедръ и органовъ печати, посвятившихъ себя разработкѣ соціальныхъ вопросовъ, доказываютъ, насколько мы недовольны состояніемъ человѣчества. Но среди этого обилія установленій трудно найти руководящій принципъ или идеалъ. Зло не уменьшается потому что мы лечимъ проявленіе, оставляя безъ вниманія причину. Корень и сѣмя всего въ жизни есть мысль. Наше состояніе сегодня есть результатъ мысли, индивидуальной и національной. Наша сложная цивилизація есть продуктъ мысли, но она этого не сознаетъ. Не сознаетъ она, что позади всѣхъ соціальныхъ теорій, всѣхъ произведеній ученыхъ, философовъ, соціологовъ лежитъ жажда здоровья—жизненнаго, духовнаго здоровья. Мы живемъ на периферіи, далеко отъ нашего источника и центра, гдѣ пребываетъ истинный человѣкъ—мыслитель. Всякое зло можетъ быть искоренено путемъ правильнаго мышленія, правильнаго, поскольку оно приспособлено къ нуждамъ эволюціи въ данный моментъ. Но мужчины и женщины должны каждый изъ нихъ индивидуально сознать эту истину, и тогда мы избавимся отъ нашихъ прегрѣшеній и очистимъ всякую жизнь. Для этого намъ нечего ждать дальнѣйшихъ откровеній, или новыхъ теорій. Все это уже изложено въ писаніяхъ многочисленныхъ учителей. Вся истина, необходимая намъ, уже открыта и намъ хватитъ ее на много милліоновъ лѣтъ. Путь намъ указанъ, но онъ труденъ и узокъ, и мы предпочитаемъ испробовать сначала окольныя дороги. Но пора человѣчеству попытаться осуществить хоть нѣкоторыя изъ высокихъ ученій, данныя ему. Нѣтъ для насъ надежды, если мы всѣ, одинъ за другимъ, не возьмемъ себя *индивидуально* въ руки. Намъ нужны люди, которые, дѣйствительно, олицетворятъ собою идеалы, о которыхъ мы говоримъ. Мы должны осуществить въ физическомъ мірѣ истинную, „внутреннюю", древнюю аристократію, къ которой всѣ мы должны стремиться принадлежать. Черезъ осуществленіе древнихъ идеаловъ мы сдѣлаемъ нашу жизнь счастливѣе и справедливѣе. „*The Theosophic Messenger*" помѣстилъ на своихъ страницахъ выдержки изъ корреспонденціи полковника Олькотта въ газету „*New-York Daily Graphie*" относительно необычайныхъ медіумическихъ явленій, происходившихъ въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія въ домѣ фермера Эдди. Факты, касающіеся этихъ эпизодовъ достаточно извѣстны; намъ интересно отмѣтить отношеніе къ нимъ публики во второй

половинѣ прошлаго столѣтія. Особенно сильными медіумическими способностями отличались дѣти фермера Эдди съ самой колыбели. И это составляло несчастіе ихъ жизни. Отецъ считалъ всѣ спиритуалистическія явленія навожденіемъ діавола и сперва молитвами, а затѣмъ насильственными мѣрами старался освободить отъ него свой домъ. Вокругъ колыбелей дѣтей „слышались таинственные голоса, они часами играли съ прекрасными дѣтьми, видимыми лишь для нихъ и для ихъ матери, приносившими имъ цвѣтовъ и домашнихъ животныхъ; тѣла ихъ поднимались надъ кроватью и медленно плыли по воздуху", отецъ тщетно сердился, грозилъ; явленія все продолжались; тогда онъ въ бѣшенствѣ прибѣгалъ къ побоямъ и избивалъ маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, покрывая тѣла ихъ рубцами, оставшимися на нихъ до самой ихъ смерти.

Дѣти боялись ходить въ школу, потому что на столахъ и скамейкахъ слышались стуки; учитель выгонялъ ихъ изъ класса, и за ними бѣжала съ гиканьемъ и свистомъ толпа школьниковъ. Такъ годъ за годомъ это продолжалось, причиняя горе и страданіе всему несчастному дому".

Но несмотря на свое негодованіе, отецъ все же не преминулъ использовать матеріально данныя обстоятельства и отдалъ трехъ или четырехъ дѣтей антрепренеру, возившему ихъ по Америкѣ и Англіи.

„Въ этой сдѣлкѣ всѣ побои пришлись на долю дѣтей и всѣ гривенники на долю отца. Печальное это было для нихъ время. Они прошли чрезъ немилосердныя руки десятковъ „комитетовъ скептиковъ", ихъ привязывали веревками опытные матросы, привыкшіе завязывать узлы, опасные для человѣческой жизни, руки ихъ были покрыты рубцами отъ растопленнаго воска, употреблявшагося для вящаго обезпеченія крѣпости ихъ; жалко смотрѣть на эти руки и кисти, покрытыя ожогами отъ горячаго сургуча.

„А опасности, которымъ они подвергались при нападеніяхъ толпы! Въ Линнѣ (Массачусетсъ) и Моравіи (Нью-Іоркъ) разнесли будку, гдѣ они демонстрировали явленія, и имъ бѣгствомъ пришлось спасать свою жизнь; въ разныхъ городахъ въ нихъ бросали камнями, толпа гонялась за ними; въ Данверсѣ въ нихъ стрѣляли изъ засады и Уилльямъ имѣетъ рубецъ отъ пули на пяткѣ, а Марія на рукѣ".

Такова была 35 л. тому назадъ терпимость не только черни, но и интеллигентныхъ людей даже въ такой просвѣщенной странѣ, какъ Америка. Дѣйствительно, пора было народиться теософиче-

скому обществу и зажечь свой факелъ, освѣщающій непонятныя загадки жизни.

„*Adyar Bulletin*“ цитируетъ выдержку изъ ортодоксально-научной книги лектора по химіи и радіоактивности въ университетѣ въ Глазго, Фредерика Содди. Онъ пишетъ: „удивительно, какое освѣщеніе получаютъ нѣкоторые древніе миѳы и легенды, касающіеся матеріи и человѣка при свѣтѣ современнаго знанія. Возьмемъ, напр. древній мистическій символъ матеріи, изображающій змія, свернувшагося въ кольцо и пожирающаго свой хвостъ; девизомъ его служило изреченіе: „цѣлое едино“. Это символизируетъ эволюцію въ циклѣ и, что еще болѣе странно, эволюцію матеріи,—существованіе которой усиленно отрицалось Клеркомъ Максвелломъ и другими учеными еще въ прошломъ столѣтіи. Наиболѣе привлекательнымъ и логическимъ объясненіемъ вселенной въ свѣтѣ современной науки является теорія о томъ, что матерія разлагается и энергія ея эволюируетъ и ослабѣваетъ въ одной части цикла эволюціи, въ то время какъ въ другой части его, еще неизвѣстной намъ, матерія опять возсоздается путемъ использованія свободной энергіи. Вслѣдствіе этого получается, не взирая на всѣ перемѣны, состояніе равновѣсія, поддерживаемое безконечно. Трудно придумать лучшіе символы тому, чѣмъ древній змій, пожирающій свой хвостъ.

Напрашивается вопросъ, разсуждаетъ далѣе авторъ, являются-ли эти символы случайными совпаденіями съ новѣйшими точками зрѣнія или же они составляютъ отголоски невѣдомой цивилизаціи, „настолько древней, что сами атомы ея успѣли въ буквальномъ смыслѣ разложиться“. И не представляетъ-ли паденіе человѣка, казавшееся еще недавно столь непонятнымъ, паденіемъ съ высоты подобной цивилизаціи, когда природа была рабой человѣка, а не его владыкой, и не приходится-ли ему послѣ подобной катастрофы снова взбираться на когда-то уже завоеванныя высоты“. Уже не является-ли, добавимъ мы, вышеприведенный отрывокъ, выдержкой изъ какой-нибудь мистической книги, а непроизведеніемъ трезваго, матеріалистически настроеннаго профессора XX вѣка

Въ Финляндіи выходитъ теософическій журналъ „*Tietaja*“, содержащій въ первыхъ трехъ номерахъ: „Ключи къ пониманію Калевалы“, „Монизмъ и дуализмъ,“, „Проникновеніе въ тайную лабораторію природы“, беллетристическіе разсказы, статьи отъ редактора и мелочи. „Идеалъ братства въ дѣйствительности“,

„Духовная жизнь Индіи" и изреченія мистика-поэта Тукарамъ. Есть также „Воззваніе къ молодежи".

Въ отдѣлѣ „По пути" дается критика теософическаго движенія. Перечислены лекціи д-ра Р. Штейнера, читанныя въ апрѣлѣ и дается отчетъ о лекціи Предсѣдательницы Р. Т. Об-ва А. Каменской: „Вопросы воспитанія", о ея рѣчи въ закрытомъ собраніи Т. Об-ва и о методѣ цвѣтъ—звукъ—число, сообщенной А. В. Унковской членамъ Финляндской Секціи, замѣтка написана очень тепло и задушевно.

„*Le Thèosophe*" перепечатываетъ изъ *Temps* еще болѣе интересныя для насъ, теософовъ строки; приводимъ изъ нихъ выдержки.

„Какъ извѣстно 14 дек. 1910 г. г. Корнеджи (американскій милліардеръ) учредилъ фондъ въ десять милліоновъ долларовъ, проценты съ котораго должны идти на поддержку движенія въ пользу всеобщаго мира. Въ теченіе года совѣтъ, избранный г. Корнеджи для выработки плана компаніи, усиленно надъ нимъ работалъ. Онъ избралъ исполнительный комитетъ, распредѣлившій весь трудъ на три отдѣла: отдѣлъ международнаго права, отдѣлъ политической экономіи и исторіи и отдѣлъ общественныхъ отношеній и воспитанія. Отдѣлъ международнаго права, находящійся подъ руководствомъ г. Джемса Скопипа уже выработалъ цѣлый рядъ важныхъ проектовъ. Онъ просилъ профессора Колумбійскаго университета, Джона Мура предпринять изданіе всѣхъ извѣстныхъ случаевъ международнаго арбитража. Это собраніе составитъ юридическую основу для третейскихъ разбирательствъ въ будущемъ. Съ весны 1913 г. этотъ отдѣлъ учредитъ лѣтніе курсы международнаго права во дворцѣ мира, въ Гаагѣ. Такимъ путемъ комитетъ надѣется развить въ публикѣ пониманіе различныхъ доктринъ международнаго права.

Отдѣлъ политической экономіи и исторіи, подъ предсѣдательствомъ Джона Кларка, уже далеко подвинулъ осуществленіе своей программы. Онъ подготовляетъ изученіе историческихъ и экономическихъ причинъ войнъ, добавляя къ нимъ изученіе способовъ предотвращенія ихъ въ будущемъ. Въ августѣ прошлаго года онъ созвалъ въ Бернѣ конференцію, на которой присутствовали двадцать два наиболѣе выдающихся экономистовъ и публицистовъ—пацифистовъ въ Европѣ.

Въ его программѣ значатся важные практическіе вопросы, а именно: международные займы, отношеніе между государствами-кредиторами и государствами-заимодавцами, организованный трудъ и соціализмъ въ ихъ отношеніяхъ къ вопросамъ войны и

вооруженія и вообще вліяніе войны на весь общественный организмъ и на государственныя установленія.

Отдѣлъ общественныхъ отношеній и воспитанія, подъ руководствомъ президента Колумбійскаго университета, Бутлера, вѣдаетъ всѣ вопросы, относящіеся къ пропагандѣ, изданіи трудовъ международнаго примиренія и воспитанія общественнаго мнѣнія въ смыслѣ установленія дружественныхъ международныхъ отношеній.

„Въ Европѣ эта работа сосредоточится въ бюро, учреждаемомъ въ Парижѣ подъ общимъ руководствомъ совѣщательнаго комитета, состоящаго изъ сорока наиболѣе извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и публицистовъ“,

Въ „*Theosophy in Jndia*“ мы читаемъ статью подъ заглавіемъ: „Теософическіе центры какъ храмы истины, любви и чистоты“, въ которой указывается, что каждая община, село, городъ имѣютъ свои храмы, свидѣтельствующіе о несокрушимомъ внутреннемъ стремленіи человѣка къ безконечному и къ вѣчному. Но, какъ и все въ мірѣ, согласно закону природы и эти храмы, выстроенные человѣческими руками, имѣютъ свои циклы и измѣненія; воздвигаются новые алтари, сообразно съ новыми потребностями и стремленіями человѣчества. Авторъ обращается къ членамъ Теософическаго общества съ указаніемъ на то, что на нихъ лежитъ обязанность сдѣлать такъ, чтобы отдѣлы об-ва отвѣчали требованіямъ новыхъ храмовъ Истины, Чистоты и Милосердія. Теософическій центръ имѣетъ тѣло и живущій въ немъ духъ; зданіе, оборудованіе его, обстановка составляютъ его тѣло, а члены его, ихъ единеніе, преданность, сочувствіе, характеръ, самопожертвованіе, умственная работа образуютъ его душу, безъ которой онъ не можетъ быть жизненнымъ; и то и другое должно быть тщательно очищено, развито. Чтобы стать дѣйствительно храмомъ Бога-живаго, наши центры должны быть храмами Божественнаго закона, гдѣ учили бы безпрестанной альтруистической дѣятельности и шествію по пути Мудрости, Любви, Чистоты и Служенія Человѣчеству.

„*Theosophy in Australasia*“ даетъ оченъ интересную статью: „Зрѣніе слѣпыхъ“, гдѣ авторъ передаетъ намъ впечатлѣнія одного молодого человѣка, ослѣпшаго, когда ему было 5—6 лѣтъ. Онъ вовсе не знакомъ съ оккультными теоріями, вслѣдствіе чего его свидѣтельство пріобрѣтаетъ особую цѣнность по своей непосредственности. Онъ, оказывается, почти никогда не видитъ *темноты*; все ему представляется въ видѣ различныхъ цвѣтовъ. Комната не занятая никѣмъ кажется ему свѣтлѣе обитаемаго помѣщенія.

Атмосфера церквей проникнута блѣдно-сѣрымъ туманомъ. Одни люди представляются красными, другіе коричневыми; вокругъ головы нѣкоторыхъ изъ нихъ является золотистое кольцо. Онъ ясно чувствуетъ, трогаетъ-ли онъ мертвое дерево или живое. Всѣ эти впечатлѣнія, разсказанныя имъ довольно подробно, сходятся съ данными, изложенными Ч. Ледбитеромъ въ его книгѣ: „Человѣкъ видимый и невидимый".

Сообщенія слѣпого еще болѣе подтверждаютъ теософическія данныя относительно цвѣто-звуковъ. Такъ, каждый звукъ связанъ у него съ опредѣленной формой и цвѣтомъ. „Во время концерта, пишетъ онъ, высокія ноты представляются мнѣ какъ звѣзды, среднія падаютъ какъ капли. Звонъ колоколовъ образуетъ большіе шары разныхъ цвѣтовъ, но обыкновенно сѣро-голубого цвѣта. Пѣніе птицъ имѣетъ видъ жемчужнаго ожерелья, и разорванная нитка его позволяетъ жемчужинамъ падать каскадомъ. Звукъ рога наполняетъ воздухъ красными пузырями; мычаніе коровъ образуетъ большіе шары красноватаго цвѣта; а тихая игра на арфѣ или на роялѣ производитъ дождь розовыхъ лепестковъ".

Всѣ эти формы воспроизводятся и человѣческимъ голосомъ, смотря по эмоціямъ, волнующимъ человѣка. При гнѣвѣ изо рта вырываются огненныя лезвія; сочувствіе выражается въ видѣ розовыхъ лепестковъ, падающихъ одинъ за другимъ, тогда какъ нѣкоторыя ноты въ голосѣ молодыхъ дѣвушекъ образуютъ дождь радужныхъ жемчужинъ.

Конечно, не всѣ слѣпые, говоритъ авторъ, обладаютъ такимъ астральнымъ зрѣніемъ, но у насъ есть основанія предположить, что у многихъ изъ нихъ оно имѣется и что потеря физическаго зрѣнія способствуетъ развитію астральнаго. Въ данномъ случаѣ показанія слѣпого, о которомъ идетъ рѣчь, интересны тѣмъ, что они вполнѣ подтверждаютъ теософическія ученія.

Въ римскомъ теософическомъ органѣ „*Ultra*" мы читаемъ статью Мерлини: „По ту сторону эгоизма и альтруизма", въ которой онъ проводитъ мысль, что эгоизмъ и альтруизмъ составляютъ явленія, необходимыя для полноты цикла существованія; эгоизмъ есть добродѣтель въ періодъ *инволюціи* жизни; альтруизмъ же есть признакъ совершающейся *эволюціи* ея и онъ является нелѣпостью безъ пониманіи общаго плана жизни. Дѣйствительно, моралисты проповѣдуютъ Ивану, чтобы онъ жертвовалъ собой Петру; если же они тоже самое будутъ проповѣдывать Петру, то въ результатѣ получится безсмыслица; потому законъ жертвы непонятенъ и антипатиченъ тому, кто хотя бы смутно не созналъ

единства всей Вселенной. Поэтому важно стать на эту последнюю точку зрѣнія; она выше, и эгоизма и, альтруизма, и включаетъ въ себѣ и то и другое. Во многихъ случаяхъ эгоистъ поступаетъ правильнѣе съ точки зрѣнія эволюціи Вселенной, чѣмъ альтруистъ, неразумными своими дѣйствіями тормозящій поступательное шествіе эволюціи. Важны не эгоизмъ и не альтруизмъ; они сами по себѣ имѣютъ мало значенія; важно сумѣть поставить ихъ на свои мѣста; важно сознать, что самая ничтожная водоросль станетъ съ вѣками прекрасной розой, многоцвѣтной бабочкой, величественнымъ слономъ, хитрымъ дикаремъ, отважнымъ воиномъ древнихъ временъ, современнымъ промышленнымъ рабочимъ, геніемъ, благодѣтелемъ человѣчества, наконецъ сверхъ-человѣческимъ существомъ, которое стучится невидимыми перстами въ дверь нашего сердца и указываетъ намъ горній путь".

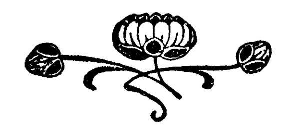
Много философскихъ жемчужинъ разсѣяно по статьѣ, и при чтеніи ея, становится все яснѣе, что завѣса, скрывающая тайну міра разорвалась на двое и не можетъ уже болѣе задернуться для нашего цикла.

Въ „*Theosophic Messenger*" напечатано „Письмо къ теософу" г. Джинараджадаза, въ которомъ онъ отвѣчаетъ на вопросъ: „какія книги слѣдуетъ читать для того, чтобы познакомиться постепенно съ ученіями Теософіи"? Авторъ, перечисливъ нѣкоторыя сочиненія, добавляетъ: „Позвольте обратить ваше вниманіе на тотъ фактъ, что не слѣдуетъ думать, что теософія заключается только въ книгахъ; теософія есть *наука жизни* и, какъ и жизнь, *разлита повсюду*. Все то, что, помимо современной теософической литературы, содержится въ наукѣ и въ искусствѣ,—есть также Теософія.

Не забудьте, что она есть часть великаго цѣлаго. Читая научныя книги, помните, что и въ нихъ есть часть теософіи, которая есть наука фактовъ; читая поэтическое произведеніе, помните, что поэты помогаютъ намъ понимать сердце людское и что это составляетъ одну изъ сторонъ Теософіи. Ищите Теософію въ прекрасныхъ твореніяхъ греческаго искусства, среднихъ вѣковъ и въ немногочисленныхъ дѣйствительно художественныхъ произведеніяхъ современности; но прежде всего постарайтесь *почувствовать* теософію въ природѣ, въ лѣсахъ, въ поляхъ и въ тучахъ на небѣ; любите ее въ музыкѣ, потому что теософическое пониманіе жизни несомнѣнно музыкально. Многое васъ ожидаетъ въ жизни и я надѣюсь, что вы въ ней найдете больше солнечныхъ лучей, чѣмъ

тѣней. Но во всякомъ случаѣ вы всегда будете имѣть въ Теософіи безошибочный компасъ, который укажетъ вамъ, по какому пути идти. Что вамъ ни принесетъ ваша карма,—помните слова въ „Идилліи бѣлаго Лотоса:" „Оставайся въ лучахъ солнца, о дитя, и не позволяй иллюзіи тебя обманывать; потому что существуетъ *жизнь жизней*, ожидающая тебя и расцвѣлъ чистый цвѣтокъ знанія и любви для того, чтобы мы сорвали его своими руками".

В. Пушкина.

Если человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ силы Божіей, это не доказываетъ того, что сила Божія не живетъ въ человѣкѣ, а только то, что человѣкъ не научился еще сознавать ее въ себѣ.

Богъ живетъ во всякомъ человѣкѣ. И нѣтъ той души, въ которой не могло бы пробудиться сознаніе Его. Это пробужденіе и есть то, что называется воскресеніемъ.

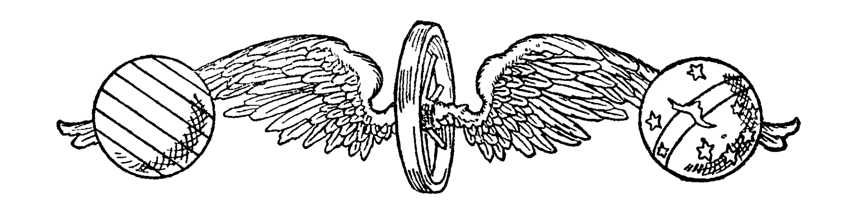
Спасеніе отъ всего — это сознаніе своей духовности. Что бы ни случилось съ человѣкомъ, сознающимъ свою духовность, зло не можетъ коснуться его.

Человѣка иногда томитъ, радуетъ живо-сознанная имъ страшная противоположность между чѣмъ то безконечно-великимъ и всемогущимъ въ немъ и чѣмъ то узкимъ и слабымъ, чѣмъ онъ есть самъ.

Духовное руководитъ тѣлеснымъ, а не наоборотъ. И потому, чтобы измѣнить свое состояніе, человѣкъ долженъ работать надъ собою въ области духовной, а не плотской.

Изъ Круга Чтенія Л. Толстого.

Хроника Теософическаго движенія.

═ Отъ 30 апрѣля по 14 мая с. г. Предсѣдательница Россійскаго Теософическаго О-ва сдѣлала турнэ, побывавъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Полтавѣ и Ростовѣ-на-Дону. Въ Полтавѣ и въ Ростовѣ ею были прочитаны 2 публичныя лекціи на темы: „Задачи новаго воспитанія“ и „Проблемы эстетическія въ связи съ задачами духовной культуры“.

═ Въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ имѣется большой интересъ къ теософическому движенію, былъ открытъ отдѣлъ Р. Т. О. и 10 мая были произведены выборы правленія. Предсѣдательницей отдѣла выбрана М. Г. Федорова, секретаремъ К. К. Латынинъ, казначеемъ Н. В. Эвморфопуло. Члены отдѣла ознаменовали день открытія отдѣла въ Ростовѣ устройствомъ въ память Е. П. Блаватской и А. П. Философовой обѣда въ богадѣльнѣ для 100 престарѣлыхъ женщинъ. Передъ открытіемъ отдѣла было совершено молебствіе. Публичная бесѣда, устроенная наканунѣ открытія отдѣла, привлекла многочисленную публику и вызвала оживленныя пренія. Темой бесѣды были „Задачи теософіи“.

═ Въ мѣстной Ростовской газетѣ появилось объявленіе, что образовавшійся въ Ростовѣ отдѣлъ Р. Т. О. будетъ устраивать по субботамъ и воскресеньямъ собранія своихъ членовъ для чтенія книгъ, статей и докладовъ по теософіи и преній по ихъ содержанію; кромѣ того по воскресеньямъ будутъ созываться собранія съ участіемъ гостей (по рекомендаціи членовъ) для ознакомленія интересующихся съ теософическимъ ученіемъ.

═ 18 мая въ IX отд. спб. окружнаго суда слушалось дѣло редактора Вѣстника Теософіи А. Каменской. Редакторъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 2 ч. 73 ст. угол. улож. за переводную статью „Терапевты“ помѣщенную въ „Вѣстникѣ Теософіи“

въ мартѣ 1911 г. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ 8 час. вечера присяжные засѣдатели вынесли редактору оправдательный вердиктъ.

= 13—14 іюля н. с. состоялся въ Лондонѣ Великобританскій съѣздъ Т. О. (Convention), на которомъ присутствовали представители всѣхъ теософическихъ центровъ Англіи, Шотландіи и Уэльса. Собраніе вела Предсѣдательница Международнаго Т. О. mss. Безантъ.

= Совѣтъ Р. Т. О. получилъ отъ представителя Т. О. въ Скандинавіи Г. Кинеля сообщеніе о томъ, что VII Международный Теософическій конгрессъ состоится въ Стокгольмѣ отъ 15—18 іюня н. с. 1913 г. и что вскорѣ выйдетъ подробная программа конгресса. При конгрессѣ организуется выставка картинъ, рисунковъ, скульптурныхъ и др.. произведеній искусства съ теософическимъ направленіемъ.

= Въ Германской секціи Т. О. выработанъ проектъ постройки величественнаго дома Теософіи въ Швебингѣ, близъ Мюнхена. Зданіе будетъ служить академіей, театромъ, часовней, монастыремъ и госпиталемъ; оно будетъ носить названіе „Высшая школа ментальной жизни". Въ архитектурномъ отношеніи новый домъ будетъ представлять величественное зданіе съ двумя огромными куполами. Театральный отдѣлъ, въ которомъ будутъ исполняться музыкальныя и драматическія произведенія, иллюстрирующія теософическое ученіе, разсчитанъ на 900 человѣкъ.

= Въ Vâhan помѣщена интересная замѣтка о томъ, что, по мнѣнію извѣстнаго болгарскаго теософа С. Никова, въ Болгаріи открыто обширное поле для воспитательной работы съ теософическимъ направленіемъ. Матеріалистическія тенденціи настолько сильны въ странѣ, что многіе родители, не желающіе сдѣлать своихъ дѣтей такими матеріалистами, колеблются посылать ихъ въ школу. С. Никовъ полагаетъ, что дама-теософка, пожелавшая бы основать въ Болгаріи пансіонъ, въ которомъ дѣвочки могли бы жить и получить теософическое воспитаніе, не встрѣтила бы къ тому ни финансовыхъ, ни иныхъ затрудненій. Со своей стороны онъ съ радостью помогъ бы теософической работѣ.

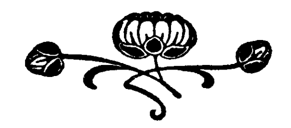
= Въ Мюнхенѣ, въ концѣ августа, д-ръ Р. Штейнеръ прочтетъ циклъ лекцій на тему: „О посвященіи, о вѣчности и о тьмѣ жизни въ свѣтѣ духа". (25 до 31 августа). 18, 20 и 22 августа будутъ исполнены членами Т. О. Елевзинскія мистеріи, Э. Шюре и Розенкрейцеровская мистерія съ послѣсловіемъ: „Испытаніе души и

Стражъ порога". 19, 21 и 23 августа, д-ръ Унгеръ прочтетъ тамъ же 3 лекціи на тему: „По пути къ наукѣ духа".

═ Кромѣ упомянутой уже *) Лѣтней Теософической Школы, руководимой г. Дэплономъ, въ настоящемъ году въ Англіи открываются еще двѣ лѣтнія школы: въ Брайтонѣ (Food-reform Summer School), имѣющая цѣлью пропагандировать вегетаріанство, и лѣтняя школа въ Городѣ-Садѣ Лечвортъ (Citizenship Summer School), поставившая рядъ интересныхъ общественныхъ вопросовъ. Первая откроется 1 августа, вторая—26 іюля.

═ Теософическая труппа артистовъ „Свободнаго народнаго Театра" недавно поставила въ бѣдныхъ кварталахъ Лондона пьесу М. Арнольда „Неронъ", собравшая болѣе $4^1/_2$ тысячъ зрителей. Пьеса имѣла большой успѣхъ.

В. М.

Въ человѣкѣ живетъ духъ Божій.

Любовь и разумъ суть двѣ стороны, съ которыхъ мы можемъ созерцать Бога.

Чѣмъ моложе и маломысленнее человѣкъ, тѣмъ больше онъ вѣритъ въ реальность вещества. Чѣмъ старше и разумнѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе познаетъ онъ основу міра въ духовномъ.

Только освободившись отъ обмана чувствъ, признающихъ дѣйствительно существующимъ и вѣрнымъ міръ „тѣлесный", человѣкъ можетъ понять свое истинное назначеніе и исполнять его.

Жизнь есть сознаніе своей божестенной сущности, заключенной въ предѣлахъ.

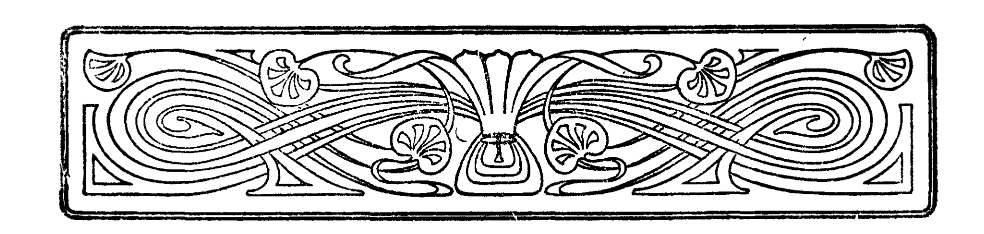
Человѣкъ, признающій божественность своей души и живущій ею, имѣетъ все то, чего можетъ желать для своего блага.

Изъ Круга Чтенія Л. Толстого.

---

*) См. № май, В. Т.

Хроника жизни.

Приглашеніе соединиться для организаціи Общества Духовно-просвѣтительнаго объединенія.

Кто хочетъ разобраться въ современномъ хаосѣ понятій;

Кто желаетъ осмыслить жизнь свою;

Кого тяготитъ обособленное — одиночество, и душа его жаждетъ теплаго общенія;

Чей духъ стремится къ высшему, надчеловѣческому;

Душу кого угнетаютъ страданія человѣчества въ каждомъ моментѣ настоящаго;

Кто ищетъ примиренія личнаго съ общимъ и всеобщимъ;

Кого поражаетъ фактъ страданій и трагедія смерти;

Кто хочетъ посвятить часть или всю жизнь свою на облегченіе страданія человѣчества;

Мысль чья занята изслѣдованіемъ причинъ, препятствующихъ покойному теченію развитія жизни;

Кто ищетъ выхода изъ круга революцій и реакцій,—

Къ тѣмъ обращаемся мы, съ тѣми желаемъ мы объединиться въ теплую духовную семью, чтобы взаимно помогая, при взаимномъ дополненіи другъ друга, разобраться въ этихъ глубокихъ вопросахъ жизни, дабы установить болѣе правильныя и совершенныя взаимоотоошенія въ личной, семейной, общественной, общественно-государственной, общечеловѣческой жизни и жизни міра, какъ она проявляется въ условіяхъ Земного Шара.

Цѣль Общества—сближать между собою людей всѣхъ положеній для уясненія въ чемъ смыслъ жизни міра, и постепенно, съ уясненіемъ смысла жизни, направлять свою умственную, нравственную и экономическую дѣятельность на укрѣпленіе и развитіе личной, семейной, общественной и общественно-человѣческой жизни и практикой своей жизни

бороться съ разрушительными побужденіями въ семейныхъ, общественныхъ и общечеловѣческихъ взаимоотношеніяхъ. Для достиженія этой цѣли Общество устраиваетъ, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, научныя засѣданія, лекціи, бесѣды, публичныя чтенія, литературныя собранія, съѣзды, съ надлежащаго разрѣшенія, библіотеки, кабинеты для чтенія, издаетъ труды общества; предпринимаетъ изданіе книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій.

═ „Основная задача нѣмецкой женщины", говорилъ императоръ Вильгельмъ II, „лежитъ не въ области собраній и организацій, не въ достиженіи мнимыхъ правъ, въ предѣлахъ которыхъ она не въ состояніи создать равнаго мужчинѣ, а въ тихой работѣ дома и въ семьѣ". Но ... сохраняется ли сейчасъ этотъ вырабатывавшійся столѣтіями укладъ въ прежней силѣ? На это недавно отвѣтили сами нѣмецкія женщины путемъ организаціи въ Берлинѣ выставки: „Die Frau im Haus und Beruf" и женскаго конгресса. Выставка привлекла десятки тысячъ посѣтителей. Залъ засѣданій конгресса, разсчитанный на 3.000 чел., не могъ вмѣстить и половины желающихъ присутствовать, отчего приходилось доклады читать дважды. Однѣхъ делегатокъ на конгрессѣ было до 1.000 чел. Путемъ выставки учредительницы имѣли ввиду показать, чѣмъ является сейчасъ нѣмецкая женщина. Конгрессъ же служилъ, какъ бы комментаріемъ къ выставкѣ и въ то же время показывалъ, чѣмъ хочетъ быть нѣмецкая женщина... Выставка и конгрессъ не оставляли сомнѣнія, что старый укладъ жизни началъ измѣняться и нѣмецкая женщина уже переступила за магическую черту, долго отдѣлявшую ее отъ той области, гдѣ жилъ и работалъ одинъ лишь мужчина. На основаніи выставленныхъ матеріаловъ можно сказать, что, наконецъ, и среди нѣмецкихъ женщинъ пробудилась потребность въ высшемъ образованіи, и, хотя число женщинъ въ высшей школѣ еще крайне ничтожно, но важно, что дорога туда уже проложена... На-ряду съ общими вопросами образованія, устроительницы должны были затронуть и болѣе частныя. Онѣ должны были показать, какое мѣсто занимаютъ и могутъ занимать нѣмецкія женщины въ качествѣ преподавательницъ и воспитательницъ. Это было тѣмъ болѣе интересно, что педагогическое поприще уже давно стало доступнымъ женщинамъ, и она имѣла достаточно времени упрочить здѣсь свое положеніе; матеріалы выставки говорятъ о цѣлой арміи преподавательницъ и воспитательницъ въ семьѣ... но и здѣсь еще возможно дальнѣйшее расширеніе дѣятельности, и здѣсь предстоитъ упорная борьба съ мужчиною, не дающимъ женщинамъ ходу. О новыхъ возможностяхъ говорятъ интересныя нововведенія въ постановкѣ школьнаго дѣла въ Шарлотенбургѣ (около Берлина), обращающія вниманіе на выставкѣ. Городское упра-

вленіе создало для начальныхъ школъ должность особыхъ воспитательницъ—Schulpflegerinnen, на обязанности которыхъ лежитъ знакомиться съ домашнею обстановкою ребенка, наблюдать за развитіемъ его характера и помогать педагогу въ его жизни... О необходимости борьбы съ мужчиною въ областяхъ, уже давно доступныхъ женщинѣ, наглядно говорятъ громадныя таблицы, путемъ которыхъ учительницы жалуются на свою судьбу. Поучительны свѣдѣнія и о женской средней школѣ. Учительницы преобладаютъ въ младшихъ классахъ, въ среднихъ ихъ число уже равняется числу учителей, а въ старшихъ болѣе чѣмъ вдвое уступаетъ послѣднему... Если на выставкѣ учительницы жаловались на свое положеніе, то на конгрессѣ онѣ энергично настаивали на его улучшеніи, встрѣчая полное сочувствіе присутствующихъ.

Отдѣлы образованія и воспитанія на выставкѣ и конгрессѣ, взятые въ цѣломъ, говорили достаточно ясно о томъ новомъ, что уже внесло въ эту область растущее женское движеніе и что оно имѣетъ еще внести — такъ кончаетъ свой отчетъ о нихъ С. Знаменскій — (газета „Школа и жизнь"), но и въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ другихъ, новое, начиная съ занятій женщины наукою и кончая соціальной работой, гармонично сливалось со многимъ изъ стараго, нашедшимъ, напримѣръ, свое выраженіе въ общемъ изящномъ убранствѣ выставки, въ массѣ живыхъ цвѣтовъ, въ элегантности туалетовъ и обстановки... въ этомъ С. Знаменскій видитъ, что нѣмецкая женщина сохранила свою Weiblichkeit.

= **Проблема европейской культуры.** Извѣстный парижскій профессоръ г. Анри Лихтанберже, гость французскаго института въ С.-Петербургѣ, читалъ лекцію „О проблемѣ европейской культуры".

Лекторъ поставилъ себѣ очень интересную задачу—показать возможность развитія, на-ряду съ индивидуальными національными культурами, одной общей европейской или интернаціональной культуры.

Космополитическія иллюзіи XVIII вѣка окончательно отвергнуты въ XIX вѣкѣ. Раціоналисты считались только съ разумомъ человѣка и чисто логическимъ путемъ утверждали единство и одинаковость всѣхъ людей.

Они слишкомъ мало считались съ ирраціональнымъ въ человѣкѣ, съ безсознательнымъ, которое въ жизни и исторіи оказалось и сильнѣе и дѣйственнѣе абстрактнаго разума. XIX вѣкъ явился временемъ расцвѣта и углубленія индивидуализма. Великія націи проявляютъ могучую волю къ культурному самоутвержденію, къ ревнивой охранѣ своихъ особенностей, своего языка, своего творчества, словомъ—своей духовной культуры. Явленіе это, несомнѣнно плодотворное, ибо оно обогащаетъ міръ великимъ разнообразіемъ формъ и красоты.

Но значитъ ли это, что на-ряду съ отдѣльными національными культурами нѣтъ и не можетъ быть одной общей всеевропейской культуры? Значитъ ли это, что нѣтъ и не можетъ быть такихъ формъ культуры, которыя объединяли бы европейскія націи?

На этотъ вопросъ лекторъ отвѣчаетъ безусловно утвердительно.

Въ области проявленій человѣческаго разума, человѣческихъ знаній, въ области науки — XIX вѣкъ создалъ безграничное множество цѣнностей и формъ обще-европейской, такъ сказать, марки,

Колоссальный прогрессъ науки во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ не есть явленіе національное. Не только точныя науки, но даже исторія, поскольку она научна и не является романомъ или памфлетомъ съ опредѣленной мѣстной тенденціей, имѣютъ въ настоящее время универсальный характеръ. Интересна въ этомъ отношеніи исторія европейскихъ университетовъ. Въ XVIII вѣкѣ нѣмецкіе университеты носили ярко выраженный мѣстный характеръ, заставившій Лейбница опасаться за будущее нѣмецкой науки. Въ настоящее время—они очаги общечеловѣческихъ (общеевропейскихъ) знаній въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ Парижѣ изъ 12.000 студентовъ болѣе 3.000 иностранцевъ. Въ послѣднее время обычнымъ явленіемъ становится и обмѣнъ профессорами. Это фактъ, что научная жизнь все болѣе и болѣе интернаціонализируется, становясь, такъ сказать, космополитической.

Значительную нивеллировку въ европейскую жизнь вноситъ съ другой стороны, капиталлистическій способъ производства, стирающій локальныя особенности и людей-рабочихъ и предметовъ. Параллельно идетъ все болѣе и болѣе растущее и ширящееся общеніе народовъ.

Книги, пьесы, картины, оперы кочуютъ по міру и извѣстны всему цивилизованному человѣчеству. Существуетъ, и все быстрѣе, и быстрѣе интернаціонализируется художественная индустрія (мебель, ковры, драгоцѣнныя украшенія).

Можно сказать, что въ Европѣ реальнымъ фактомъ является существованіе нѣкоего единаго высшаго европейскаго общества — такъ называемаго „космополисъ“, описаннаго романистами.

Затѣмъ, если взять репертуары оперныхъ театровъ и концертовъ всего міра, то можно убѣдиться, что въ этой области общеніе народовъ достигло широчайшихъ размѣровъ.

Все это факты неоспоримые. Но лекторъ очевидно, отлично сознаетъ, что все это еще не обще-европейская, и во всякомъ случаѣ, не синтетическая культура, и дѣлаетъ попытку намѣтить такую въ болѣе высокихъ и глубокихъ проявленіяхъ.

— Да, признаетъ онъ, между націями существуетъ весьма замѣтное различіе вкусовъ и темперамента, которое очень часто мѣшаетъ

одной націи цѣнить и понимать наиболѣе глубокія, наиболѣе характерныя произведенія генія другой націи. Такъ, нѣмцы, наиболѣе музыкальный народъ въ мірѣ, не понимаютъ и не чувствуютъ французскихъ новаторовъ музыки вродѣ Дебюси, характернѣйшаго француза. Французы не чувствуютъ Брамса. Романскіе народы не чувствуютъ такихъ писателей сѣвера, какъ Ибсенъ. Французъ не пойметъ нѣмца Дэммеля и т. д. и т. д. Къ счастью,—говоритъ лекторъ, — ритмъ современной жизни утончаетъ человѣческую воспріимчивость, обостряетъ нервную впечатлительность и дѣлаетъ человѣка все болѣе и болѣе способнымъ проникаться чужими настроеніями, почувствовать чужую душу. Достаточно сравнить Гайдна съ Дебюси, чтобы увидѣть, какое произошло за XIX вѣкъ утонченіе и усложненіе чувства ритма. Благодаря этому люди становятся зрячѣе душею. И то, что когда-то въ другихъ было густой тайной, стало прозрачнѣй, яснѣй и роднѣе.

Общеевропейская культура — заключается, такимъ образомъ, въ универсализаціи вкуса, который долженъ стать и становится болѣе широкимъ и объемлющимъ. Прообразомъ такого европейца является Гете.

Лекція, въ которой вопросъ поставленъ глубже отвѣта, рѣшающаго скорѣе проблему европейской культурности, чѣмъ проблему европейской культуры—у аудиторіи имѣла большой успѣхъ.

(Отчетъ о лекціи С. Литовцева въ газетѣ „Рѣчь“).

= **Анри Пуанкарэ о матеріализмѣ.** Французскимъ обществомъ „Вѣра и Жизнь“ организованъ въ Парижѣ рядъ лекцій о современномъ матеріализмѣ; прочесть эти лекціи приглашены наиболѣе видные представители мысли XX вѣка и въ ихъ числѣ извѣстный математикъ и физикъ Анри Пуанкарэ. Онъ плохой ораторъ; однако никто лучше его не умѣетъ заставить слушать себя; прочитанную имъ на дняхъ лекцію о новыхъ взглядахъ на матерію аудиторія, по словамъ „Temps“, выслушала съ затаеннымъ дыханіемъ. Онъ началъ ее съ вопроса: идетъ ли наука къ матеріализму, и признался, что не вѣдаетъ что такое матеріализмъ. Но зато наука детерминистична, т. е. видитъ въ каждомъ явленіи проявленіе цѣпи причинъ и слѣдствій: она необходимо такова и внѣ такого пониманія немыслима. Однако наука несовершенна и въ ней всегда будетъ оставаться неизслѣдованное мѣсто для проявленія свободы. Но такое мѣсто будетъ постоянно въ опасности и ему постоянно будетъ грозить открытіе естественныхъ причинъ и слѣдствій явленій признаваемыхъ „свободными“. Онъ долженъ, тѣмъ не менѣе, сознаться, что излюбленныя физиками теоріи отзываютъ матеріализмомъ; особенно атомистическая, созданная Демокритомъ. Она не рѣшаетъ всѣхъ затрудненій, а лишь отодвигаетъ ихъ

дальше, что на руку ученымъ, желающимъ по возможности отдалить всѣ затрудненія. Наука непрерывно колеблется въ своихъ взглядахъ между атомизмомъ и протяженностью, т. е. между прерывнымъ и непрерывнымъ строеніемъ міра. Тридцать лѣтъ тому назадъ причины вѣры въ существованіе атомовъ признавались нѣсколько наивными. Дюгамъ и другіе выдумали термодинамику, пользовавшуюся вмѣсто атомовъ еще большимъ количествомъ интеграловъ. Теперь все перемѣнилось и мы вернулись къ атому. Анри Пуанкарэ изложилъ далѣе передъ аудиторіей причины, по которымъ существованіе атомовъ можетъ считаться доказаннымъ.

Онъ напомнилъ кинетическую теорію газовъ, теорію растворовъ фанъ-Т'Гоффа и теорію броуновскихъ движеній; онъ напомнилъ также приведенные недавно въ этомъ отдѣлѣ труды Перрена, которому удалось осуществить родъ искусственной атмосферы; наконецъ, онъ указалъ частичное строеніе излученій радія. Такимъ образомъ около дюжины совершенно различныхъ способовъ позволяютъ вычислить размѣры атомовъ и всѣ эти способы приводятъ почти къ одному и тому же результату, такъ что, сказалъ Пуанкарэ, повидимому, мы уже добрались до простѣйшихъ частичекъ. Но это только повидимому; на самомъ дѣлѣ — ничего подобнаго. Напротивъ, мы уподобились сказочному гиганту, приближающемуся изъ безконечности ко вселенной. Прежде всего онъ увидѣлъ бы млечный путь, который показался бы ему непрерывнымъ, а затѣмъ, по мѣрѣ приближенія—распался бы на безконечное множество маленькихъ свѣтящихся точекъ; гигантъ, воскликнулъ бы: „а, вотъ, наконецъ—атомы", не подозрѣвая, что эти свѣтящіеся точки — солнца, вокругъ которыхъ обращаются планеты, надѣленныя жителями, обсуждающими свое собственное атомистическое строеніе. Такое сравненіе тѣмъ болѣе вѣрно, что вокругъ каждаго атома, наэлектризованнаго положительно, открыты маленькіе электроны, наэлектризованные отрицательно. Нѣкогда считавшійся недѣлимымъ атомъ сталъ вещью опредѣленныхъ размѣровъ и дѣлимой. Теперь, когда атомистическое строеніе вещества установлено прочно, предстоитъ возстановить непрерывность строенія эфира. Мышленіе требуетъ непрерывности, а органы чувствъ требуютъ пространства и непрерывности, и происходитъ постоянная борьба. Побѣждаетъ то одна, то другая сторона, но эти колебанія лишь содѣйствуютъ общему прогрессу человѣчества.

(Изъ газеты „Россія").

Новая библейская рукопись. „Times" сообщаетъ о библейскомъ открытіи весьма большой важности. Оно —новѣйшій плодъ производи-

мыхъ въ Египтѣ раскопокъ, постепенно обнаруживающихъ въ гробницахъ греческихъ поселенцевъ и коптовъ первой христіанской эры множество документовъ, по своему историческнму значенію едва ли меньшихъ, полагаетъ газета, чѣмъ древнѣйшіе іероглифы фараоновъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ британскимъ музеемъ былъ изданъ цѣнный текстъ изъ египетской „книги мертвыхъ", затѣмъ послѣдовало великолѣпное собраніе классическихъ текстовъ — Аристотеля, Бакхилида и др. Послѣднее открытіе, можетъ быть, важнѣе прежнихъ, такъ какъ оно представляетъ изъ себя томъ папируса съ большей частью текста книги Второзаконія, всѣмъ текстомъ книги Іоны, и почти всѣмъ— дѣяній апостольскихъ. Томъ написанъ на верхнеегипетскомъ нарѣчіи; онъ былъ пріобрѣтенъ британскимъ музеемъ въ прошломъ году, а теперь изданъ подъ заглавіемъ „Coptic Biblical Texts in the Dialect of Upper Egypt", by Wallis Budge.

Изъ введенія къ этой книгѣ слѣдуетъ, что папирусъ состоитъ изъ 129 листовъ, размѣромъ 11 дюймовъ на шесть. Многіе листы сильно попорчены, такъ что при возстановленіи текста, пришлось помѣстить каждый листъ между двумя стеклами; томъ переплетенъ въ старый исписанный папирусъ, поля его не украшены и заглавныя буквы безъ орнаментовки, что указываетъ на глубокую древность. Всѣ три текста написаны одной рукой четко и красиво, очевидно опытнымъ писцомъ.

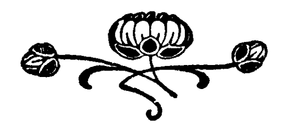
Второзаконіе, книга Іоны и дѣянія — копіи, списанныя для частнаго пользованія съ существовавшихъ рукописей, и не представляютъ изъ себя независимыхъ переводовъ. При сопоставленіи ихъ съ главными греческими рукописями, именуемыми A и F выясняется ихъ почти полное согласіе. Наиболѣе важно, что дѣянія апостольскія—переписка съ болѣе ранняго документа, что вноситъ новыя данныя въ споръ о древности этой книги. Д-ръ Кеніонъ весьма тщательно изслѣдовалъ найденный текстъ и, по сравненіи съ большей частью греческихъ папирусовъ извѣстной давности, пришелъ къ выводу, что папирусъ написанъ не позднѣе средины четвертаго вѣка. Кеніонъ замѣчаетъ, что такъ какъ свойство ошибокъ въ этомъ текстѣ исключаетъ возможность признать его отдѣльнымъ переводомъ, то можно смѣло предположить, что коптская версія появилась до конца третьяго вѣка, а можетъ быть и раньше. Издатель коптскаго текста д-ръ Буджъ пришелъ къ такому же выводу. Во всякомъ случаѣ новая рукопись доказываетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что копіи египетскаго, т. е. коптскаго перевода нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ были въ обращеніи среди египетскихъ христіанъ въ началѣ четвертаго вѣка и самое происхожденіе переводовъ нельза отнести позднѣе, чѣмъ къ третьему вѣку.

Найденный папирусъ подтверждаетъ древнія монастырскія преданія относительно распространенія христіантства въ Египтѣ. Рукопись о которой идетъ рѣчь—древнѣйшая копія изъ всѣхъ переводовъ, сколько либо значительной части греческой библіи; вѣроятно она не меньшей древности, чѣмъ любая извѣстная нынѣ копія какой либо существенной части священнаго писанія.

Въ книгѣ, изданной британскимъ музеемъ, включенъ также текстъ Апокалипсиса съ рукописи 12 вѣка; книга представляетъ изъ себя — изумительный образецъ современнаго типографскаго искусства.

(Изъ газеты „Россія).

Н. Т.

Для того, кто поднимается мыслью на небо, всегда будутъ ясн дни: надъ облаками всегда сіяетъ солнце.

Если ты чего-нибудь желаешь, чего-нибудь боишься, то это значитъ, что ты не вѣруешь въ того Бога любви, который есть въ тебѣ. Если бы ты вѣрилъ въ Него, то ничего не могъ бы дѣлать, потому что всѣ желанія того Бога, который живетъ въ тебѣ, всегда исполняются, а ничего не боялся бы потому, что для Бога ничего не страшно.

Что бы ни постигло тебя, ты не можешь быть несчастливъ, сознавая свое единство съ Богомъ.

Душа человѣческая однородна съ божествомъ.

Какъ только почувствуешь вождел̂ѣніе страсти, вызови въ себѣ сознаніе своей божественности, знай что тобою обладаютъ страсти — борись съ ними.

Если страсть овладѣваетъ тобою, то помни,что твое страстное желаніе не составляетъ твоей души, а только темный налетъ, временно скрывающій отъ тебя ея истинныя свойства.

Изъ Круга Чтенія Л. Толстого.

Письмо изъ Адіара.

О свободныхъ школахъ, основанныхъ полковникомъ Олькоттомъ въ Индіи для бѣднѣйшихъ классовъ населенія [1]).

Кому могло бы придти въ голову, что въ далекой и жаркой Индіи, подъ крышей сплетенной изъ пальмовыхъ листьевъ, въ примитивной конструкціи хижинахъ, вмѣщающихъ въ себѣ темнокожихъ, нагихъ дѣтей и учащій персоналъ съ золотыми или серебряными украшеніями въ носу, въ ушахъ, на щиколоткѣ и на пальцахъ голыхъ ногъ, не только примѣняются усовершенствованные методы преподаванія, но и достигаются въ области воспитанія, такіе результаты, о которыхъ мы, передовые Европейцы, лишь только мечтаемъ.

Въ одномъ изъ оффиціальныхъ, правительственныхъ отчетовъ (составляемыхъ чиновникомъ, присылаемымъ правительствомъ для ревизіи частныхъ школъ) прямо говорится, что только въ Америкѣ и въ нѣкоторыхъ передовыхъ школахъ Германіи обученіе дѣтей стоитъ на такой высотѣ. Группировка уроковъ такова, что умственное напряженіе чередуется съ физическимъ трудомъ; ни наградъ, ни соревнованія не существуетъ; отъ ребенка требуется лишь усиліе, вниманіе и добрая воля, а не опредѣленный по совершенству результатъ, одинаковый для всѣхъ. Учитель старается изучить каждаго ученика въ отдѣльности и приноровить къ нему свои требованія; ручной трудъ, по своему разнообразію

[1]) Бѣднѣйшій классъ населенія составляютъ, такъ называемые, паріа, люди не принадлежащіе ни къ какой кастѣ и исполняющіе самыя грубыя физическія работы. Ненавистное для нихъ слово „паріа“ замѣняется иногда словомъ панчама, что означаетъ 5-ая каста. Поэтому школы Олькотта носятъ названіе школъ для дѣтей панчама.

и исполненію доведенъ почти до совершенства. Мы всѣ знаемъ въ Европѣ, какой удивительной ловкостью въ рукахъ обладаютъ восточные народы, къ тому же одаренные невѣроятнымъ для насъ терпѣніемъ и выносливостью; припомнимъ изящныя китайскія издѣлія, коробочки и плетенія, стоющія гроши, японскія вишневыя косточки, вмѣщающія въ себѣ изображенія Будды и другихъ божествъ, индусскія вышивки золотомъ и массу мелочей, корзиночекъ, пепельницъ, звѣрей, игрушекъ и проч. издѣлій, поражающихъ своей дешевизной и миніатюрностью, и продаваемыхъ въ изобиліи, въ такъ называемыхъ, восточныхъ магазинахъ и на рынкахъ европейскихъ городовъ.

Крайне интереснымъ подспорьемъ въ воспитательномъ и учебномъ отношеніи является систематически примѣняемый въ Индіи (къ искусствамъ и въ наукахъ), такъ называемый, способъ визуализаціи, развивающій вниманіе, наблюдательность и память. О немъ рѣчь будетъ впереди.

Задача полковника Олькотта состояла не только въ томъ, чтобы придти на помощь бѣдному классу населенія, но и въ томъ, чтобы воспитать индусскихъ дѣтей въ уваженіи къ основнымъ принципамъ ихъ собственной религіи. Извѣстно, что, открывая свои школы, христіанскіе миссіонеры преслѣдуютъ какъ разъ противоположную цѣль, они стараются оторвать мудрый и вдумчивый народъ отъ изученія древнѣйшей и интереснѣйшей религіи міра и превратить его въ плохихъ послѣдователей христіанства. Само собою разумѣется, что они немедленно же стали реагировать на дѣятельность Олькотта; одинъ изъ излюбленныхъ пріемовъ, примѣняемый въ особенности католическими патерами (на это жаловались мнѣ и протестанты священники и завѣдущая школьнымъ дѣломъ въ Адіарѣ, престарѣлая г-жа Кофель), состоитъ въ томъ, чтобы открывать свои школы или другія благотворительныя учрежденія въ ближайшемъ сосъдствѣ съ учрежденіями, основанными дѣятелями другого направленія; затѣмъ, сманивать къ себѣ дѣтей или взрослыхъ, обѣщаніемъ всякихъ земныхъ благъ: даровой пищей, развлеченіями, субсидіями, медицинской помощью и пр. и пр. и особенно въ случаѣ принятія христіанства. Поэтому, вы можете встрѣтить въ Индіи огромныя пространства земли, лишенныя всякихъ учрежденій просвѣтительнаго или благотворительнаго характера, но какъ только вы натолнетесь на одну школу или на одинъ пріютъ, вы можете быть увѣрены, что поблизости живутъ католики. То же самое повторилось со школами Олькотта, изъ которыхъ нѣкоторыя окру-

жены плотнымъ кольцомъ миссіонерскихъ училищъ и пріютовъ и было время (при всякомъ открытіи новой миссіонерской школы), когда многіе ученики, такъ называемыхъ, свободныхъ школъ Олькотта переходили въ сосѣднія; однако, приманка матеріальныхъ благъ оказалась все же слабѣе привязанности къ родному вѣроисповѣданію и обычаямъ и въ настоящее время число учениковъ школъ Олькотта растетъ съ каждымъ годомъ. Согласно послѣднему отчету (за декабрь 1911 г.) общее число учащихся достигаетъ цифры 762 учениковъ.

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, отъ 1894 по 1906 годъ, Олькоттомъ были открыты пять [1]) школъ и лишь смерть помѣшала ему открыть еще двѣ, т. к. его завѣтной мечтой было осуществить число семь.

Исторія всѣхъ пяти школъ одинакова; изъ простой хижины съ земляными стѣнами и крышей, сооруженной изъ пальмовыхъ листьевъ, какъ всѣ деревенскія хижины индусовъ, школа—благодаря частнымъ пожертвованіямъ и помощи муниципалитета—превращалась года черезъ два въ прочный и удобный домъ, хотя и примитивной конструкціи, но все же способный вмѣстить сто и больше человѣкъ дѣтей.

Раньше, чѣмъ заняться изложеніемъ программы и воспитательной системы данныхъ школъ, я хочу упомянуть о нѣкоторыхъ подробностяхъ и особенностяхъ, присущихъ данной странѣ.

Во-первыхъ, какъ и въ русской деревнѣ, дѣти часто запаздываютъ или пропускаютъ уроки вслѣдствіе дальности разстояній или необходимости сторожить дома младшихъ братьевъ и сестеръ; иногда они являются въ школу, неся по индусски, верхомъ на бедрѣ, голенькаго младенца, присутствіе котораго порядочно таки осложняетъ дѣятельность учащаго персонала.

Во-вторыхъ, опять таки, какъ въ Россіи, недостаточное питаніе является большимъ вопросомъ въ школьномъ дѣлѣ; ученики часто приходятъ голодными или полуголодными и раздача пищи въ школѣ была бы крайне желательна, но пока она осуществляется только въ рѣдкіе праздники, благодаря пожертвованіямъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ.

Нечего и говорить о томъ, что національный костюмъ Индусовъ отличается крайней простотой; ни бѣлье, ни обувь, ни чулки

---

[1]) Названія школъ въ порядкѣ ихъ открытія. Школа, основанная въ память Е. П. Б., школа Олькотта и школа Damodar, школа Sriavalluvar (по имени одного святаго, родомъ паріа) и школа А. Безантъ. Первая изъ нихъ расположена въ ближайшей деревнѣ, другія въ 4 или 6 миляхъ разстоянія отъ Адіара.

неизвѣстны имъ; дѣти являются въ большинствѣ случаевъ въ томъ образѣ, въ который облекла ихъ невинная природа; зато въ украшеніяхъ нѣтъ недостатка; носъ, уши, иногда губы, щиколотки и пальцы ногъ и даже животъ служатъ обычнымъ мѣстомъ пребыванія колецъ и всякихъ камней и это одинаково относится къ учащимся, какъ и къ учащимъ; если ребенокъ побогаче, его бедра закутаны въ кисею; нѣкоторыя дѣвочки носятъ юбки по европейски, при чемъ окраска тканей очень яркая и красивая, напоминающая русскій ситецъ. Учительницы драпируются въ длинный кусокъ матеріи, одинъ конецъ которой переброшенъ черезъ плечо. На учителяхъ чалма, бѣлый пиджакъ и скромный кусочекъ кисеи. Однако эта нагота васъ совсѣмъ не поражаетъ, отчасти благодаря бронзовому цвѣту кожи Индусовъ, главнымъ же образомъ благодаря удивительной благопристойности этого народа; каждое дѣйствіе ихъ полно достоинства; въ Европѣ мы сказали бы, что Индусы всегда „comme il faut“.

Въ финансовомъ отношеніи дѣла школъ Олькотта не блестящи, а именно каждый годъ получается дефицитъ въ 4—6 тысячъ рупи, покрываемый частными пожертвованіями. Чтобы обезпечить существованіе всѣхъ пяти школъ, требуется капиталъ въ 200 тысячъ рупи, а помощь правительства далеко недостаточна, ибо она выражается въ суммѣ 3 тысячъ рупи въ годъ, расходы же—въ суммѣ 9 тысячъ рупи.

Что касается вознагражденія учащаго персонала, то оно покажется намъ прямо нищенскимъ; однако, не надо забывать мѣстныхъ условій, дешевизны жизни: индусскій учитель не нуждается ни въ бѣльѣ, ни въ обуви, ни даже строго говоря въ платьѣ; извощики ему неизвѣстны; рисъ и плоды составляютъ его пищу; онъ спитъ на полу или на каменной лежанкѣ. При такихъ условіяхъ, жалованіе въ 10—20[1]) рупи въ мѣсяцъ оказывается вполнѣ достаточнымъ. После начальнаго училища, преподаватель долженъ пройти двухгодичный курсъ для учителей и выдержать экзаменъ. Всего въ школахъ Олькотта 34 преподавателя и 7 преподавательницъ. Лучшихъ учениковъ начальство направляетъ дальше и заботится о нихъ во все время ихъ пребыванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ настоящее время завѣдующей школъ Олькотта состоитъ г-жа Кофель, съ рѣдкой энергіей и преданностью отдающей все свое время дорогому дѣлу; каждый день, въ самое пёкло она

---

[1]) Одна рупи составляетъ на наши деньги 65 копѣекъ

разъѣзжаетъ въ своей каретѣ съ откидной спинкой, при чемъ, какъ истая швейцарка, не желающая терять ни минуты времени, она находитъ возможность еще вязать въ экипажѣ. Не мало услугъ оказала она учителямъ школъ Олькотта, запутанныхъ въ долгахъ и процентахъ, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ въ Индіи, гдѣ дѣти всегда берутъ на себя выплату долговъ отца. Всюду горячо любимая за свое доброе сердце, эта старушка извѣстна каждому встрѣчному въ районѣ ближайшихъ восьми милей. Живетъ она въ собственномъ крошечномъ домѣ, въ которомъ совершенно свободно разгуливаютъ бѣлки, ящерицы и другія твари и вокругъ котораго она разсадила собственными руками цѣлый садикъ.

Въ свободныхъ школахъ Олькотта занятія происходятъ три часа утромъ и два или два съ половиною часа послѣ полудня съ однимъ большимъ перерывомъ для обѣда, отъ 12 до 1 ч. 30 м. (дѣти отправляются домой) и одной 15-ти минутной рекреакціей въ 10 ч. [1]); занятія начинаются ровно въ 9 час.; всего 6 классовъ есть параллельные; въ это число включенъ дѣтскій садъ. Умственный трудъ весь день чередуется съ физическимъ, вслѣдствіе чего нѣтъ никакой необходимости въ большемъ числѣ рекреацій. Школы Олькотта соотвѣтствуютъ нашимъ начальнымъ училищамъ; обученіе происходитъ на тамильскомъ языкѣ; въ одной изъ школъ на языкѣ телугу [2]); англійскій языкъ преподается въ старшихъ классахъ. Въ программу дѣтскаго сада входятъ слѣд. предметы: молитвы, хороводы, пѣніе, сопровождаемое движеніями, рисованіемъ на пескѣ пальцами, играми, разсказами, при чемъ послѣдніе раздѣляются на простые разсказы и разсказы съ дѣйствіями, лѣпка, ручной трудъ (издѣлія изъ пальмовыхъ листьевъ и бумаги), садоводство. Въ слѣдующихъ классахъ преподаются: ариѳметика, природовѣдѣніе, географія, гигіена, грамота и разнообразный ручной трудъ. Еще позже — Законъ Божій по составленному Анни Безантъ катехизису, письмо, чтеніе, диктовки, декламація, сочиненія, англійскій языкъ, знакомство съ названіями правительственныхъ учрежденій и прочими необходимыми для будущаго служащаго свѣдѣніями, ибо почти всѣ дѣти, оканчивающія курсъ начальныхъ училищъ идутъ въ услуженіе, въ качествѣ прислуги или приказчиковъ. Дѣтей водятъ на различныя экскурсіи внѣ города

[1]) Въ самое жаркое время года, занятія прерываются на два мѣсяца.

[2]) Въ Индіи столько же различныхъ національностей, вѣрованій и діалектовъ, какъ и въ Россіи. На югѣ, наиболѣе распространенными языками являются; тамиль, или тамильскій, и телугу.

и въ городѣ, для осмотра музеевъ и прочихъ достопримѣчательностей.

Красивыя тамильскія и телугусскія буквы дѣти начинаютъ рисовать на пескѣ уже въ дѣтскомъ саду, при чемъ они, конечно, не знаютъ ихъ значенія; однако, ихъ глазъ постепенно привыкаетъ къ часто воспроизводимому рисунку. Надо отмѣтить, что песокъ играетъ большую роль въ школахъ Олькотта; на немъ четырехлѣтнія крошки рисуютъ и чертятъ: изъ него строютъ разныя сооруженія; онъ же, смѣшанный съ известью, клеемъ и пепломъ кокосовыхъ орѣховъ, покрываетъ всѣ стѣны школы прочной, черной краской, давая такимъ образомъ возможность многимъ ученикамъ писать или рисовать заразъ. Его же употребляютъ для опредѣленія мѣръ и вѣсовъ.

Такимъ образомъ, механически, дѣти выучиваются писать раньше, чѣмъ читать, а сознательно они продѣлываютъ это позже вмѣстѣ. Въ преподаваніи англійскаго языка система иная: чтеніе (напечатанныхъ буквъ) предшествуетъ письму, при чемъ примѣняется фонетическій методъ.

Природовѣдѣніе преподается безъ учебника; всѣ стѣны школы увѣшаны прекрасными картинами и образцами растеній въ различныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Кромѣ того, дѣти сами сажаютъ, поливаютъ и выращиваютъ овощи и цвѣты. Нерѣдко учитель приноситъ въ классъ живую козу, бѣлку или какое-нибудь другое животное.

Въ рисованіи мѣломъ, карандашемъ или красками, всѣ дѣти очень ловки; здѣсь, какъ и въ преподаваніи грамоты, счета, языковъ и вообще всѣхъ искусствъ и всѣхъ наукъ въ Индіи широко примѣняется, такъ называемый, способъ визуализаціи, о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Для преподаванія лѣпки пригласили изъ Мадраса индусскаго художника, вылѣпившаго извѣстную группу H. P. B. и H. S. O., украшающую большой залъ главной квартиры теософическаго общества въ Адіарѣ.

Перехожу къ ручному труду, главнымъ матеріаломъ (удобнымъ и дешевымъ) котораго являются листья кокосовыхъ пальмъ, представляющіе собою толстый стебель, къ которому прикрѣплено почти подъ прямымъ угломъ множество длинныхъ и узкихъ листьевъ. Подобные листья, выкрашенные или искусственно приготовленные, мы часто встрѣчаемъ на сѣверныхъ кладбищахъ, въ вѣнкахъ и букетахъ; здѣсь, они имѣютъ первостепенное значеніе: переплетенные различнымъ способомъ, они служатъ и кры-

шей деревенскихъ хижинъ и рогожами для стѣнъ и ковриками; изъ нихъ же получаются корзинки, мѣшки, зонтики, подставки, скамеечки, столики и пр. и пр.

Дѣти выдѣлываютъ тоже разные предметы изъ папье-маше.

Водяные краски дѣти готовятъ сами, покупая дешевые порошки на рынкѣ и смѣшивая ихъ съ клеемъ.

Затѣмъ дѣти учатся шитью, при чемъ никакой разницы не дѣлается между мальчиками и дѣвочками. Интересно отмѣтить, что въ двухъ школахъ рукодѣліе преподается мужчинами. Въ Индіи шьютъ и вышиваютъ великолѣпно.

Столярничество не привилось, вслѣдствіе недостатка въ заказахъ.

Большое мѣсто въ программѣ занимаютъ игры и бесѣды, нѣкоторыя игры довольно оригинальны: напр., ко дну большого земляного горшка прикрѣпляется палка; (для маленькихъ дѣтей употребляютъ просто ведро); дѣти становятся на извѣстномъ разстояніи вокругъ него и у каждаго въ рукахъ одинъ или два круга, обтянутые цвѣтной матеріей. Учитель или просто называетъ извѣстные цвѣта или же выбираетъ ихъ среди пучка лентъ, который онъ держитъ въ рукѣ; ребенокъ, имѣющій кругъ того же цвѣта долженъ бросить его въ ведро или на палку; такимъ образомъ развивается ловкость рукъ, движеній и зрительная память на цвѣта. Игра съ препятствіемъ заключается въ томъ, что одинъ изъ учениковъ садится на полъ, протянувъ впередъ руку или ногу и всѣ дѣти должны прыгать черезъ него, не задѣвъ, если кто-нибудь задѣнетъ, онъ становится самъ препятствіемъ. Или круги располагаютъ на полу, на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга; дѣти должны бѣгать и прыгать, не смѣщая ихъ съ мѣста. Затѣмъ существуетъ любимая игра въ продавца и покупателя для знакомства съ монетами, счетомъ и вѣсомъ; фрукты или овощи представляютъ собою товаръ, зеленыя ягоды—деньги.

Очень своеобразны хороводы, танцы съ пѣніемъ и ритмическими ударами палочекъ другъ о друга, пѣніе съ движеніями, выражающія извѣстныя дѣйствія и пр., но объ этомъ я разскажу дальше.

Однимъ изъ принциповъ данныхъ школъ является слѣдующее: всѣ работы, разсказы и игры одного дня должны по возможности группироваться вокругъ одного предмета, дабы достичь цѣльности впечатлѣній.

Напримѣръ, учитель спрашиваетъ дѣтей, что они ѣли утромъ, что растетъ тамъ то и тамъ то, на поляхъ, затѣмъ онъ описываетъ

всѣ стадіи развитія риса: посадку, поливку, ростъ, сборъ, приготовленіе къ продажѣ, варку, потребленіе. Тутъ же демонстрируются различные сорта риса; дѣти рисуютъ его на доскѣ и бумагѣ, лѣпятъ различные виды его, воспѣваютъ его въ пѣсняхъ, наконецъ долго и разносторонне бесѣдуютъ о немъ съ преподавателемъ; такимъ образомъ, ребенокъ уноситъ съ собою ясное и цѣльное впечатлѣніе о значеніи этого растенія.

Ручной трудъ настолько хорошо поставленъ въ школахъ Олькотта, что правительство признало ихъ образцовыми и постоянно направляетъ къ нимъ высокопоставленныхъ гостей; такъ, не такъ давно, ихъ посѣтилъ директоръ департамента просвѣщенія въ Японіи и нашелъ ихъ въ блестящемъ состояніи. Въ 1907 г. въ Мадрасѣ школы Олькотта получили 5 большихъ медалей и нѣсколько малыхъ. Бывали даже случаи, что персоналъ другихъ школъ просилъ тайкомъ учителей школъ Олькотта не принимать участія въ какой-нибудь выставкѣ, дабы дать имъ возможность взять призы.

Теперь я перехожу къ одному изъ главныхъ методовъ преподаванія, извѣстнаго подъ именемъ визуализаціи и примѣняемый въ Индіи рѣшительно ко всему. Онъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ и состоитъ въ томъ, чтобы воспроизводить по памяти формы, краски, числа, создавая ихъ умственный образъ, такъ сказать, визуализируя ихъ. Мы напомнимъ мимоходомъ, что индусское искусство выразилось въ сооруженіяхъ совершеннѣйшей красоты (храмы, гробницы, дворцы, подземныя святилища, высѣченныя въ скалѣ), въ скульптурѣ, покрытой красками, какъ въ Египтѣ, въ церковной живописи, въ тканяхъ и вышивкахъ, въ мѣдной и глиняной утвари и пр. и пр. предметахъ художественной выдѣлки.

Я видѣла молодого Индуса, рисующаго масляными красками пейзажъ „по памяти". Для живописца эта способность особенно важна, т. к. свѣтъ и тѣни мѣняются ежечасно въ природѣ; здѣсь, онъ начинаетъ свою работу, когда ему угодно и заканчиваетъ ее дома, причемъ она всегда отличается удивительной точностью, какъ съ точки зрѣнія красокъ, такъ и формъ. Подобный методъ развиваетъ вниманіе, силу сосредоточенности, наблюдательность.

Въ школѣ учитель постоянно прибѣгаетъ къ нему; напр. онъ пишетъ буквы, слова или цифры на доскѣ; ученики въ это время стоятъ спиной къ доскѣ, вѣрнѣе къ стѣнѣ, т. к. всѣ стѣны школы покрыты черной краской; затѣмъ, по сигналу преподавателя, они оборачиваются лицомъ къ нему, разсматриваютъ секунду или двѣ

доску, затѣмъ опять поворачиваются спиной и быстро пишутъ на грифельныхъ доскахъ. То же самое примѣняется къ счету, къ рисованію, рѣшительно ко всему. Напримѣръ, учитель кладетъ въ уголъ комнаты кучку какихъ-нибудь предметовъ; по знаку, данному имъ, дѣти бѣгутъ въ уголъ, быстро считаютъ и разсматриваютъ предметы, постепенно возвращаются на свои мѣста и затѣмъ воспроизводятъ ихъ на грифельныхъ доскахъ. Результаты подобнаго метода мнѣ пришлось наблюдать во время одного школьнаго праздника. Учитель положилъ на песокъ шесть или восемь грифельныхъ досокъ и рядомъ съ каждой кучку камешковъ (до двадцати). По сигналу, данному имъ, изъ за угла дома выскочило нѣсколько маленькихъ мальчиковъ; они живо подбѣжали къ доскамъ и не успѣла я, что называется, моргнуть, какъ ихъ и слѣдъ простылъ; между тѣмъ, на каждой доскѣ стояла цифра и, по провѣркѣ, совершенно вѣрная.

Кромѣ того, въ одной изъ школъ, которую я посѣтила, восьмилѣтній мальчикъ нарисовалъ мнѣ мѣломъ на стѣнѣ слона, лисицу и другихъ животныхъ, о которыхъ имъ разсказывали въ басняхъ, при чемъ рисовалъ онъ ихъ въ опредѣленныхъ позахъ, такъ что я сейчасъ же узнала „журавля и лисицу", „лисицу и виноградъ" и другія сказки. Мальчикъ рисовалъ мастерски, твердой, увѣренной рукой; въ каждомъ животномъ и во всемъ рисункѣ была жизнь и движеніе.

Я замѣтила тоже, что Индусскія дѣти никогда не переспрашиваютъ учителя и невольно припомнились мнѣ ученики нашихъ европейскихъ передовыхъ школъ, въ особенности русскихъ, въ которыхъ учащіеся не только много разъ переспрашиваютъ, но и перебиваютъ учителя, не вникая въ смыслъ его словъ, не дѣлая ни малѣйшаго усилія надъ собою, въ то время какъ учитель надрывается для того, чтобы преподнести ученикамъ самыя скучныя части своего предмета въ видѣ сладкой и вкусной конфекты. Ученики современныхъ школъ не умѣютъ слѣдить долго за рѣчью учителя, ихъ вниманіе скоро утомляется, не будучи систематически развитымъ; поэтому въ диктовкахъ, напр., или упражненіяхъ, они не могутъ запомнить или не даютъ себѣ труда запомнить предложеніе, состоящее изъ 10 словъ; преподавателю приходится расчленять его и повторять много, много разъ. Европейскіе дѣти не умѣютъ ни сосредоточить своихъ мыслей, ни направлять ихъ, ни владѣть ими, также точно, какъ они не умѣютъ владѣть своими волненіями и чувствами, на безконтрольное проявленіе которыхъ нѣкоторые отечественные педагоги, увы, смотрятъ какъ на естественное свойство дѣтскаго возраста.

На востокѣ дѣти и взрослые почти одинаково внимательны и вдумчивы; достаточно взглянуть на работу обыкновеннаго портного (въ Индіи, всѣ мужчины умѣютъ шить), чтобы убѣдиться въ этомъ; молча, внимательно, оглядываетъ онъ васъ и данный ему образецъ своими красивыми, серьезными глазами и вы видите, что всѣ подробности дѣйствительно запечатлѣваются въ его мозгу; примѣрокъ ему не нужно; онъ принесетъ вамъ вещь, которая будетъ точной копіей вашихъ желаній и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ ему придется переставить крючекъ или сдѣлать незначительную поправку.

Наблюдательность и вниманіе, доведенныя до необычайной остроты, облегчаютъ Индусу и жизнь, и трудъ; всякая болтовня претитъ ему; терять время на праздные разговоры и повторенія онъ не любитъ.

Перейдемъ теперь къ воспитательной части. Въ школахъ Олькотта меня сразу поразила большая тишина, настроеніе довольства и равновѣсія, удивительное спокойствіе и самообладаніе учениковъ. По этому поводу я долго бесѣдовала съ завѣдующей школьнымъ дѣломъ и обратилась ко всѣмъ учителямъ съ письменной просьбой указать мнѣ на тѣ дисциплинарные пріемы, которыми они достигаютъ подобныхъ результатовъ и не зависятъ ли послѣдніе исключительно отъ природныхъ свойствъ Индусовъ?

Отвѣтили мнѣ, что отчасти конечно зависятъ, но что въ групповомъ смыслѣ дѣти все же являются въ школу не дисциплинированныя, и что приходится ихъ тренировать. На мой вопросъ, существуютъ ли наказанія, я получила въ первую минуту испуганно отрицательный отвѣтъ, но когда я переспросила, существуютъ ли воздѣйствія и въ чемъ они состоятъ, то мнѣ было отвѣчено, что конечно существуютъ, какъ и въ Америкѣ, въ видѣ логическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ даннаго поступка. Напримѣръ, ребенокъ шалитъ, мѣшаетъ классу, его высылаютъ вонъ или домой; онъ не готовитъ уроковъ, его заставляютъ приготовить ихъ въ то время, какъ другія дѣти играютъ и въ этомъ отношеніи не допускается ни малѣйшихъ поблажекъ, ни послабленій, нравственная польза ставится выше пользы извѣстнаго развлеченія, хотя бы и поучительнаго характера. Ни крики, ни драки (въ обычной формѣ борьбы), ни сильное проявленіе эмоціональнаго характера въ видѣ грубыхъ мышечныхъ движеній, столь обычныхъ въ нашихъ европейскихъ школахъ, не допускаются; на нихъ смотрятъ вполнѣ опредѣленно, какъ на необузданность, на неумѣніе владѣть собою. Во время рекреаціи учитель не пере-

стаетъ руководить дѣтьми, занимая ихъ гимнастикой, играми или ритмическими, цѣлесообразными движеніями.

Я закончу свою статью описаніемъ нѣкоторыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною при посѣщеніяхъ школъ Олькотта.

Не успѣла я пріѣхать въ Адіаръ, помню, была суббота, какъ меня пригласили на слѣдующій же день присутствовать на школьномъ праздникѣ; меня привели въ какую то деревню и, вдругъ, около маленькаго дома, подъ тѣнистымъ деревомъ, я увидѣла человѣкъ 50 черненькихъ дѣтей съ металлическими украшеніями въ ноздряхъ, въ ушахъ и на пальцахъ ногъ. Почти у всѣхъ глаза были удивительно красивы, мягкіе какъ бархатъ и глубоко задумчивые; всѣ свободно и ловко сидѣли сложа ноги по восточному, даже трехлѣтнія крошечныя дѣвочки. Какъ извѣстно, классическая поза состоитъ не только въ томъ, чтобы ноги были скрещены, но и въ томъ, чтобы правая стопа лежала на лѣвой ляшкѣ. Европейцы рѣдко достигаютъ этого. Это дѣло долгой привычки.

На скамьяхъ сидѣли „бѣлые гости"; бюстъ полк. Олькотта былъ декорированъ цвѣтами. Ребятишки пропѣли нѣчто въ родѣ гимна и затѣмъ началась увеселительная часть праздника. Дѣти представляли различныхъ звѣрей: крабовъ, обезьянъ, лягушекъ, тигровъ и пр.; дѣвочки должны были на ходу вдѣть нитку въ иголку; мальчики состязались въ быстротѣ счета. Затѣмъ была представлена извѣстная сказка „о продавцѣ бумажныхъ колпаковъ, заснувшемъ подъ деревомъ и обворованномъ обезьянами".

Нѣкоторые говорили по англійски наизусть. Наконецъ, маленькій мальчикъ, изображавшій дровосѣка, жалобно запѣлъ о томъ, что онъ потерялъ свой топоръ въ лѣсу; онъ призывалъ къ себѣ на помощь лѣсное божество. Въ отвѣтъ на эту мольбу, изъ-за кустовъ выскакивалъ другой мальчикъ, предшествуемый фонтаномъ воды; его голова была покрыта огромнымъ густымъ вѣнкомъ изъ листьевъ; другой опоясывалъ его бедра. Въ такомъ видѣ онъ дѣйствительно былъ похожъ на лѣсного духа. Онъ тоже запѣлъ тоненькимъ голоскомъ, соблазняя дровосѣка золотымъ и серебрянымъ топоромъ. Но честный дровосѣкъ отклоняетъ божественный даръ и проситъ только возврата потерянной собственности, т. е. обыкновеннаго топора; въ награду онъ получаетъ ихъ цѣлыхъ три. Другой дровосѣкъ, вздумавшій обмануть божество, позорно изгоняется изъ лѣса.

Наконецъ, дѣвочки, въ возрастѣ отъ 4 до 8 лѣтъ, начали танцовать и пѣть. Къ сучку дерева былъ привязанъ кругъ со

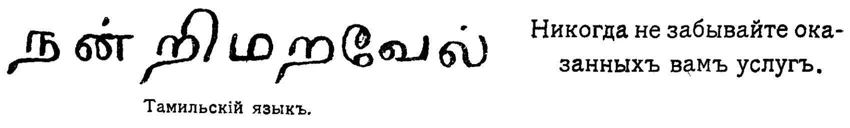
спускающимися съ него разноцвѣтными лентами; каждая дѣвочка держала ленту въ одной рукѣ, а другой—деревянную раскрашенную палочку, которой она ударяла въ тактъ, по палочкѣ сосѣдки; всѣ онѣ граціозно присѣдали и изгибали тѣло, медленно двигаясь впередъ, въ то время, какъ ленты переплетались въ красивый рисунокъ. Затѣмъ, они продѣлали то же самое въ обратную сторону и развернули опять всѣ ленты. Мальчики съ такой же нѣжной и медленной граціей протанцовали національный танецъ.

Я посѣтила еще нѣсколько разъ школы Олькотта и всякій разъ уносила съ собою впечатлѣніе покоя, здоровой атмосферы нравственнаго равновѣсія и умѣнія владѣть собою. И думается мнѣ, что въ этихъ именно условіяхъ, а не въ томъ переполненіи мозга, который практикуется у насъ на западѣ при полномъ отсутствіи нравственной и физической дисциплины, мы найдемъ ключъ къ правильному воспитанію дѣтей, къ развитію ихъ творческихъ способностей, вмѣсто нагроможденія знаній и фактовъ, достиженія душевнаго равновѣсія, вмѣсто той расшатанности, которая характеризуетъ огромный процентъ учащихся въ Россіи.

Сила жизни не въ количествѣ знаній, а въ ихъ качествѣ; самое глубокое и мудрое знаніе—умѣніе владѣть собою и не нарушать чужое равновѣсіе.

Думаю, что читателямъ будетъ не безынтересно полюбоваться красивыми тамильскими и телугусскими буквами.

ПОСЛОВИЦЫ.

Никогда не забывайте оказанныхъ вамъ услугъ.

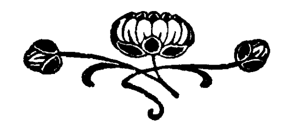
Тамильскій языкъ.

Молчаніе—золото.

Языкъ Телугу.

М. Каменская.

Адіаръ.
Мартъ 1912 года.

Вопросъ: Что такое Теософія: религія, наука или Церковь?

Отвѣтъ: Теософія есть *синтезъ* религіи, философіи и науки, признающій истину во всѣхъ религіяхъ, видящій въ нихъ высшее откровеніе и считающій ихъ одинаково важными для тѣхъ народовъ, которые ихъ исповѣдуютъ. Такимъ своимъ отношеніемъ Теософія объединяетъ всѣ религіи въ *одно общее религіозное сознаніе* и кладетъ основаніе для единой, вселенской Церкви.

Вопросъ: Есть ли Теософія ученіе раціоналистическое?

Отвѣтъ: Раціоналистическимъ ученіемъ Теософію нельзя назвать, такъ какъ она основана на мудрости, которая есть знаніе, просвѣтленное любовью. Теософія провозглашаетъ *любовь, какъ основу міровой этики, соединеніе знанія и любви* и составляетъ Теософію.

Вопросъ: Не есть ли Теософія эклектическая система?

Отвѣтъ: Эклетическая система познается безъ труда по различнымъ корнямъ, которыя лежатъ въ основѣ ея отдѣльныхъ частей, заимствованныхъ изъ различныхъ системъ мысли. Въ Теософіи *единый корень*: религіозный Эзотеризмъ всѣхъ религій. Эзотеризмъ одинъ для всѣхъ временъ и народовъ, поэтому какое бы истинное значеніе мы не взяли—оно неизбѣжно приведетъ насъ къ тому же корню къ Божественной Мудрости, которую можно свести къ такой простѣйшей формулѣ: *эволюція, какъ процессъ жизни, любовь, какъ законъ жизни.*

Мистеріи древности и христіанство, Р. Штейнера. Изд. „Духовное Знаніе“, Москва. Цѣна 1 руб,

Родилось новое издательство въ Москвѣ „Духовное Знаніе“, которое ставитъ себѣ цѣлью издавать сочиненія по теософіи. Начинаетъ оно свою интересную серію книгой д-ра Р. Штейнера: „Мистеріи древности и христіанство“.

Въ своемъ предисловіи авторъ проводитъ двѣ важныя мысли: 1) что современный писатель, говоря о духовныхъ интересахъ человѣчества, не можетъ проходить мимо естественно-научнаго способа мышленія и долженъ съ нимъ считаться; 2) что въ серьезномъ изслѣдованіи духовныхъ вопросовъ надо держаться духа, а не его внѣшнихъ памятниковъ. Первая часть книги посвящена древнимъ мистеріямъ и ихъ мудрости. Дается философія Платта и древняго Египта. Затѣмъ авторъ переходитъ къ древне-христіанскимъ источникамъ и толкуетъ о сущности христіанства. Чрезвычайно интересна глава объ Евангеліяхъ и анализъ, такъ-называемаго, библейскаго критицизма. „Кто стоитъ на точкѣ зрѣнія мистическаго происхожденія евангелій, говоритъ авторъ, для того безъ труда разрѣшаются всѣ противорѣчія и устанавливается гармонія между четвертымъ и тремя первыми евангеліями. Ибо произведенія эти вовсе не стремятся къ простой исторической передачѣ въ обычномъ смыслѣ слова; они не ставили себѣ цѣлью дать историческую біографію. То, что они даютъ, было всегда заложено въ традиціяхъ древнихъ мистерій, какъ прообразъ Сына Божія. Они черпаютъ не изъ исторіи, а изъ мистическихъ традицій“.

Книга переведена очень хорошо и издана изящно.

Бага-Уллахъ, его жизнь и дѣятельность, книгоиздательство „Слушай человѣкъ“, Ростовъ-на-Дону, ред. А. П. Ковалева. Цѣна 10 коп.

Въ Ростовѣ-на-Дону возникло также симпатичное книгоиздательство („Слушай человѣкъ“), задавшееся цѣлью знакомить русскихъ читателей съ различными религіозными дѣятелями и теченіями. Книгу свою А. Ковалевъ начинаетъ словами великаго персидскаго пророка:

„Нашъ долгъ — обдумывать: какъ слѣдуетъ воспитывать людей, чтобы исчезла тьма невѣжества и равнодушія, чтобы излучающійся свѣтъ единенія охватилъ цѣлый міръ, чтобы человѣческія племена освободились отъ честолюбивыхъ стремленій и взаимной вражды, а споръ и ненависть совершенно разсѣялись бы и совершенно исчезли; чтобы всѣ сердца забились какъ одно большое сердце, чтобы кровь всего человѣчества закипѣла любовью къ Богу“...

Авторъ знакомитъ насъ съ міровоззрѣніемъ Востока и его высокой этикой. Затѣмъ онъ даетъ краткій, но очень интересный очеркъ жизни и дѣятельности Бэа-Улла (или Бага-Уллахъ), пережившаго въ своей жизни всѣ ужасы и жестокости гоненій и сохранившаго до конца свою вѣрность идеаламъ вѣчнымъ и свою хрустальную чистоту. (Извѣстно что великій основатель бэаизма былъ высланъ изъ своей родной страны и заключенъ турецкимъ правительствомъ въ темницу небольшого крѣпостного городка Акре, на морскомъ берегу Сиріи). Авторъ излагаетъ систему бэаизма, какъ ученія любви и глубочайшей терпимости, признающее во всѣхъ религіяхъ одну и ту же сущность. Эта нота братскаго единенія и терпимости отмѣчаетъ бэаистовъ особой печатью, которая бросается въ глаза всѣмъ, кто интересовался ихъ бытомъ и ученіемъ. Это — нота дѣятельной любви, одухотворяющая всю ихъ жизнь. Въ общину бэаистовъ равно допускаются люди всѣхъ вѣроисповѣданій. Во главѣ движенія въ настоящее время стоитъ сынъ Бэа-Улла, Аббасъ-Эффенди, являющійся такимъ же живымъ примѣромъ дѣятельной любви, какимъ былъ и отецъ его. Ученіе Бэа-Улла выражено въ „Скрижаляхъ“ (или „Книгѣ закона“; называютъ ее также иногда „Табличками“ и „Книгой достовѣрности“). Характеръ, повторяющійся въ этой книгѣ, призывъ къ братскому единенію:

„О дѣти мои, будьте съ людьми всѣхъ религій и племенъ въ согласіи, высочайшей радости и благоуханія...

„Рѣчь любви привлекаетъ къ себѣ сердца, она мечъ духа и прочная связь между мыслью и ея выраженіемъ.

„Не превозносите того, кто любитъ свою собственную страну, больше, нежели того, кто любитъ весь міръ...

„Обладающій внутреннимъ зрѣніемъ любитъ солнце, въ какой бы части неба оно не появлялось... О, народы міра! павильонъ единства установленъ; не смотрите одинъ на другого глазами чужестранца: вы всѣ плоды одного дерева и листья одной вѣтви!“

Маякъ, дѣтскій иллюстрированный журналъ, подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Москва. Отд. № 40 коп.

Всѣ изданія И. Горбунова-Посадова носятъ на себѣ характеръ благородной простоты и сочувствія всему свѣтлому и прекрасному.

Единство жизни, братство всего сущаго, стремленіе къ добру, красотѣ, совершенству, все это живетъ въ его изданіяхъ и будитъ самыя глубокія и свѣтлыя эмоціи. Всей душей привѣтствуемъ дѣтскій журналъ „Маякъ“, дающій богатый и серьезный матеріалъ для работы чувства и мысли юнаго читателя.

Передъ нами № 10, 1911 г. По случаю 50-лѣтія со дня смерти поэта И. С. Никитина къ журналу приложены его портретъ и избранныя стихотворенія. Прелестный разсказъ „Піетро“ (съ англійскаго) передаетъ патетическую повѣсть о дружбѣ медвѣдя съ его вожакомъ. За нимъ идутъ хорошенькое стихотвореніе М. Гордѣева „Осеннее утро“ и повѣсть изъ жизни переселенцевъ въ Канадѣ „Машка-Домашка“. Очеркъ „Пѣшкомъ по горной Швейцаріи“ даетъ рядъ интересныхъ картинъ природы и быта Швейцаріи. „Исторія одного тюленя“ (съ англійскаго) написана живо и задушевно. Въ отдѣлѣ „Для маленькихъ“ мы находимъ коротенькій разсказъ „Сѣрый попугай“ и стишокъ „Жмурки“. Есть еще небольшой, но очень интересный отдѣлъ научный („Осеннія наблюденія“), затѣмъ нѣчто вродѣ хроники жизни („Вѣсти о голодѣ“) и „Почтовый ящикъ“ („Изъ писемъ нашихъ читателей“; „Отвѣты на письма нашихъ читателей“). Въ журналѣ нѣсколько красивыхъ стихотвореній. Журналъ ведется съ большимъ умѣніемъ и съ любовью къ дѣлу.

Alba.

Въ редакцію поступили для отзыва слѣдующія книги изд. „Посредника“.

Крестьянскія пьесы, С. Т. Семеновъ, ц.—1 р.

Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого, Н. Овсянниковъ, ц.—30 к.

Произведенія Гюи де-Мопассана избран. Л. Н. Толстымъ, т. II ц.—50 к.; т. III—ц. 50 к.

Издательница **А. А. Каменская.** Редакторъ **Ц. П. Гельмбольдтъ.**

Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 Ноября 1875 г. въ Нью-Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. Въ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адьярѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 30 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религій, по вопросамъ философіи и оккультныхъ наукъ.

Основатели Теософическаго Общества задались цѣлью сдѣлать доступной древнюю литературу, въ которой хранятся духовныя истины величайшей цѣнности для человѣчества. Общество основано въ духѣ широкой терпимости. Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.

2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.

3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, должны обѣщать такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Общество образуется изъ ищущихъ истины, изъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ религіямъ или совсѣмъ не имѣющимъ религіи. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленіи къ Истинѣ. Терпимость вытекаетъ естественно изъ убѣжденія, что Теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, не будучи въ исключительномъ владѣніи ни одной. Она даетъ философію, освѣщающую смыслъ жизни и дающую познаніе законовъ психическихъ и духовныхъ. Она ставитъ смерть на свое истинное мѣсто, какъ одинъ изъ мимолетныхъ инцидентовъ безконечной жизни, раскрывая путь къ болѣе полному и свѣтлому существованію. Она возвращаетъ міру духовное вѣдѣніе, изучая человѣка какъ духовную сущность, а тѣло и умъ его—какъ орудія и слугъ этой сущности. Она раскрываетъ болѣе глубокое значеніе Св. Писаній и религіозныхъ ученій и, такимъ образомъ, оправдываетъ религію въ глазахъ разума съ такой же силой, съ какой всегда оправдываетъ ее интуиція.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги по Теософіи:

Задачи Теософіи, 2-е изданіе, *Alba*. Цѣна 25 к.
Свѣтъ на Пути, 2-е изданіе съ комментаріями, пер. *Е. П.* Цѣна 50 к.
Сокровенная философія Индіи, *брамана Чаттерджи,* переводъ и предисловіе, *Е. П.* (3-е изд.). Цѣна 80 к.
Вопросы Теософіи, сборникъ статей, вып. I. Цѣна 1 р. 50 к. (распр.).
Елена Петровна Блаватская (Сборникъ статей). Цѣна 2 р.
Теософія и Новая Психологія, *А. Безантъ*. Пер. *Е. П.* Цѣна 50 к.
Голосъ Безмолвія, *Е. П. Блаватской,* пер. *Е. П.* готов. 2-е просмотр. изд.
Исторія года, *М. Коллинзъ*. Цѣна 45 к.
Невидимые Помощники, *Ледбитера,* пер. *Н. П.* Цѣна 1 р.
Древняя мудрость, *А. Безантъ,* пер. *Е. П.* готов. 2-е просмотр. изд.
Дхарма, *А. Безантъ,* пер. *Н. В. Пшенецкой*. Цѣна 30 к.
Теософія и Богостроительство, *Alba*. Цѣна 25 к. (распр.).
Ѳеософія, *Р. Штейнеръ*, пер. *А. Р. Минцловой*. Цѣна 1 р. 25 к.
Четвертое измѣреніе, *П. Д. Успенскій*. Цѣна 1 р.
Великіе Посвященные, *Эд. Шюре,* пер. *Е. П.* Цѣна 2 р. 25 к.
Въ Преддверьи храма, *Анни Безантъ*, пер. *Alba*. Цѣна 80 к.
Общеніе съ міромъ духовъ, *Ф. Гартманъ*, пер. *Д. Страндена*. Цѣна 25 к.
Путь ученичества, *Анни Безантъ*, пер. *Н. Никольскаго*. Цѣна 80 к.
Древняя Мудрость, *Т. Паскаля*, пер. *А. Гралевской*. Цѣна 80 к.
Магнетизмъ и гипнотизмъ, ихъ сходство и различіе. *К. Кудрявцевъ*. Ц. 20 к.
Краткій очеркъ Теософіи, *Ледбитера*, пер. *Е. П.* 50 к.
Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ, *Е. П.* Цѣна 25 к.
Законъ причинъ и послѣдствій *(Карма)*. Пер. *Е. П.* Цѣна 25 к.
Цѣль и Путь, *Е. Кузьмина*, Цѣна 25 к.
У ногъ Учителя, 2-е изданіе, *Алсіонъ*. Цѣна 30 к.
Tertium Organum—Ключъ къ загадкамъ міра, *П. Успенскій*. Цѣна 2 руб.
Какъ достичь познанія высшихъ (сверхчувственныхъ) міровъ, д-ръ *Р. Штейнеръ* съ портретомъ автора. Цѣна 1 р. 30 к.
Автобіографія А. Безантъ, пер. *Alba* и *В. П.* съ двумя портретами автора. Цѣна 2 руб.
Что такое теософія, *А. Каменской (Alba)*. Цѣна 15 коп.
Сила мысли и мысле-образы, *Е. П.* Цѣна 25 коп.
Вопросы воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры, *Alba*. Цѣна 30 коп.
Символы Таро, философія оккультизма въ рисункахъ и числахъ, *П. Успенскій*. Цѣна 70 коп.
Мистеріи древности и христіанство, *Р. Штейнеръ*. Цѣна 1 руб.
Забытая сторона Христіанства, *Д. С—нъ*. Цѣна 75 к.
Братство Религій, *А. Безантъ,* Цѣна 50 к.
Молитва Господня, музыка *А. Унковской*. Цѣна 90.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: въ **С.-Петербургѣ** въ магазинѣ «Доброе Дѣло» (Бассейная, 4), въ **Москвѣ** въ магазинѣ **Карбасникова** (Моховая, противъ Университета), въ **Кіевѣ** въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина** (Крещатикъ, 33).

Спб. Городская Типографія, Садовая 55, уг. Вознесенскаго.